ИЗДАНІЯ
ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
№ 5.

ТЕКСТЫ И РАЗЫСКАНІЯ
ПО
АРМЯНО-ГРУЗИНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

КНИГА XII.

Н. Марръ.

Вступительныя и заключительныя строфы
Витязя въ барсовой кожѣ
Шоты изъ Рустава.
ГРУЗИНСКІЙ ТЕКСТЪ, РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ И ПОЯСНЕНІЯ
СЪ ЭТЮДОМЪ
„Культъ женщины и рыцарство въ поэмѣ“.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр. 9 лин. № 12.
1910.

ИЗДАНІЯ
ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 5.

Н. Марръ.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЯ СТРОФЫ

ВИТЯЗЯ ВЪ БАРСОВОЙ КОЖѢ

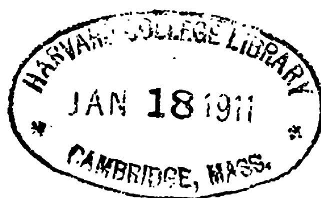
ШОТЫ ИЗЪ РУСТАВА.

ГРУЗИНСКІЙ ТЕКСТЪ, РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ И ПОЯСНЕНІЯ

СЪ ЭТЮДОМЪ

„КУЛЬТЪ ЖЕНЩИНЫ И РЫЦАРСТВО ВЪ ПОЭМѢ“.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

Напечатано по опредѣленію Факультета Восточныхъ языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета отъ 24 октября 1909 года.

Деканъ *В. Жуковскій.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Культъ женщины и рыцарство въ поэмѣ *Витязь въ барсовой кожѣ.*

(Этюдъ).

§ 1. Весьма сложенъ вопросъ о творенiи Шоты изъ Рустава *Витязь въ барсовой кожѣ* или, какъ обыкновенно называется для краткости, *Барсовая кожа.* Въ грузинской литературѣ эта романтическая поэма по существу одинока: есть подражанiя, но нѣтъ ничего, вполнѣ сроднаго съ нею по формѣ или по идеѣ; сюжетъ ея заимствованъ изъ персидской литературы, но на персидскомъ языкѣ до сихъ поръ не находимъ подлинника или хотя бы какихъ либо слѣдовъ его; персидская повѣсть обработана поэтомъ для грузинъ XII—XIII вѣковъ, казалось бы, ревностныхъ христiанъ, между тѣмъ вся поэма проникнута свободнымъ отъ христiанской церковности свѣтскимъ духомъ; обрядовыя подробности, проскальзывающiя мѣстами, указываютъ на принадлежность героевъ къ мусульманской общинѣ, и въ то же время основная идея произведенiя — культъ женщины, аналогичный тому, что наблюдаемъ въ христiанской Европѣ; поэтъ писалъ для «забавы царицы Тамары», а поэма стала общенародною и проникла во всѣ слои населенiя, гдѣ подъ ея влiянiемъ слагались чисто народныя пѣсни.

Вопросъ еще болѣе осложняется тѣмъ, что къ поэмѣ можно подходить съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, это рѣдкое по научному интересу литературное явленiе: оно возникло своеобразно въ узлѣ весьма разнородныхъ культурныхъ вѣянiй, господствовавшихъ въ древней Грузiи, и въ этомъ смыслѣ памятникъ представляетъ любопытнѣйшую проблему для всякаго историка литературы; съ другой, въ немъ грузины по праву видятъ высшее проявленiе своего генiя въ литературѣ, они въ немъ инстинктивно цѣнятъ современника, конечно, не случайнаго, эпохи политическаго могущества и

блеска родного государства, и на славу *Витязя въ барсовой кожѣ* съ давнихъ поръ смотрятъ какъ на національную гордость, болѣе того — священную реликвію родной исторической жизни, народную святыню. Естественно, въ современной Грузіи къ вопросу охотнѣе подходятъ съ національной точки зрѣнія. Отъ этого не выигрываетъ дѣло историческаго пониманія вопроса. Нельзя однако сказать, чтобы отъ работъ съ научной точки зрѣнія на лицо были осязательные плоды. Вина и здѣсь въ томъ, что въ научномъ направленіи по вопросу работающихъ почти нѣтъ.

Только-что появился на грузинскомъ языкѣ трудъ Ю. И. Абуладзе, питомца нашего факультета: „Характеръ грузинской литературы XII-го вѣка и *Витязь въ барсовой кожѣ* Руставскаго“[1]). Къ сожалѣнію, авторъ не сумѣлъ ясно и твердо установить свое отношеніе къ двумъ направленіямъ по коренному вопросу — о персидскомъ происхожденіи сюжета *Витязя въ барсовой кожѣ* или, наоборотъ, захотѣлъ подойти къ нему одновременно съ научной и съ національной сторонъ въ цѣляхъ примирить непримиримое. Потому-то, несмотря на многія достоинства, въ томъ числѣ удачное въ большинствѣ указаніе на литературныя параллели къ отдѣльнымъ мѣстамъ, работа поучительна прежде всего своимъ яркимъ противорѣчіемъ въ основномъ положеніи о происхожденіи поэмы[2]).

---

1) Древняя Грузія. Сборникъ Грузинскаго Общества исторіи и этнографіи, т. I. Подъ редакціею Е. Такайшвили, Тифлисъ 1909, отд. II, стр. 69—194.

2) Въ литературѣ по вопросу на грузинскомъ языкѣ работа Ю. И. Абуладзе представляетъ первый научный шагъ впередъ. Достаточно сказать, что авторъ знаетъ персидскій языкъ и съ этой стороны правомоченъ судить о грузино-персидскихъ литературныхъ отношеніяхъ, да и вообще старается работать съ болѣе широкимъ научнымъ горизонтомъ. Любопытны пренія, возникшія по поводу доклада Ю. И. Абуладзе въ засѣданіи Грузинскаго Общества исторіи и этнографіи (Древняя Грузія, т. I, отд. IV, Протоколъ № 6, стр. 17—19): по основному вопросу четверо высказались за персидское происхожденіе, четверо за оригинальность сюжета. Уже это раздвоеніе свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ научно-критической мысли въ самой грузинской средѣ. Любопытное замѣчаніе сдѣлано г-мъ Ив. Ратишвили противъ тѣхъ, которые хотѣли бы видѣть прототипъ *Витязя въ барсовой кожѣ* въ народныхъ грузинскихъ его версіяхъ: въ нихъ, по мнѣнію г. Ратишвили, христіанскихъ элементовъ больше, чѣмъ въ твореніи Шоты, и трудно допустить, что поэтъ-христіанинъ христіанскіе элементы замѣнилъ мусульманскими. Непонятна часть замѣчанія Е. С. Такайшвили, въ которой какъ будто отрицается или оспаривается явная принадлежность героевъ по соблюдаемой имъ обрядности къ мусульманской вѣрѣ. Вообще, заключеніе нашего ученаго друга Е. С. Такайшвили въ данномъ случаѣ страдаетъ неясностью. Оно гласитъ: „однимъ словомъ, въ поэмѣ изображены средневѣковые идеалы грузинскаго народа“ (ერთი სიტყვით, პოემაში გამოხატულია ქართველი ერის საშუალოსაუკუნეთა იდეალები). Что хотѣлъ сказать этимъ Е. С., если онъ дѣйствительно признаетъ персидское происхожденіе сюжета поэмы? То ли, что поэма представляетъ полное выраженіе особыхъ національныхъ идеаловъ средне-

Впрочемъ текста настоящей книги, вступительныхъ строфъ *Барсовой кожи*, Ю. И. Абуладзе почти не касается.

Вступленію посвящены нѣсколько страницъ труда Ал. ⌜Ив.⌝ С⌜а-раджи⌝швили на грузинскомъ языкѣ: „Поддѣльныя мѣста въ *Витязь въ барсовой кожѣ*“ [1]). Ал. С—швили признавалъ сомнительными тринадцать четверостишій, именно:

	въ нашемъ изданiи		въ нашемъ изданiи
6	5	[IV b³]	14
12	9	11	18
15	10	19	21

вѣковыхъ грузинъ, или то, что въ поэмѣ выражены средневѣковые идеалы персовъ-мусульманъ, раздѣлявшіеся вполнѣ и грузинами, или, наконецъ, то, что въ поэмѣ отразились въ извѣстной степени и самостоятельные средневѣковые идеалы грузинскаго народа, точнѣе—определѣленнаго класса грузинскаго народа? Въ мотивировкѣ приведеннаго заключенія, поддающагося тремъ совершенно различнымъ толкованіямъ, Е. С. также не опредѣляетъ ясно своей позиціи: тамъ онъ говоритъ объ отраженіи въ поэмѣ то „элементовъ“ грузинской жизни, то „истинной психологіи“ грузинскаго народа. Все это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ опять таки о неясности представленія касательно персидскаго происхожденія сюжета поэмы. Неясность представленія ярко свидѣтельствуется собственными словами Е. С., когда онъ соглашается съ тѣмъ, что „сюжетомъ поэмы послужила переведенная съ персидскаго или вошедшая къ намъ [изъ Персіи въ Грузію устно] повѣсть“. Если словомъ შემოსრული *вошедшая къ намъ* Е. С. хотѣлъ сказать то, что восполнено мною въ прямыхъ скобкахъ, то онъ въ первой части („переведенная съ персидскаго“) примыкаетъ къ научно-критическому направленію, во второй („вошедшая къ намъ“)— къ національно-критическому въ послѣдней его компромисной формулировкѣ Ал. И. Сараджишвили, который въ томъ же засѣданіи высказался такъ: сюжетъ *Витязя въ барсовой кожѣ*—иранскій разсказъ [съ арабско-мусульманской окраской?]; онъ былъ извѣстенъ въ Грузіи до Шоты, но не письменно, а устно. Впрочемъ и это уже шагъ въ сторону нашей гипотезы, вѣрнѣе—теоріи, такъ какъ взглядъ нашъ на поэму Шоты неразрывная часть общаго теоретическаго построенія о возникновеніи и расцвѣтѣ древне-грузинской свѣтской литературы. Еще одинъ шагъ, и искреннее національное направленіе выростетъ до научнаго пониманія. Давно пора!... Давно пора всѣмъ стать на этотъ единственный путь правильнаго рѣшенія вопроса безъ обиняковъ и единодушно и тѣмъ, кто о *Витязь въ барсовой кожѣ* думаетъ прежде всего какъ о своей національной славѣ и внѣ націоналистической оцѣнки не признаетъ за поэмою значенія, и тѣмъ, кто питаетъ къ памятнику общечеловѣческій, чисто научный интересъ.

1) მოამბე, 1895, XI, стр. 1—20, ср. *Оды*, стр. 57, прим. 3. Мы здѣсь совершенно не касаемся дальнѣйшихъ частей обстоятельнаго труда А. И. Сараджишвили, посвященныхъ самой поэмѣ. И здѣсь немало правильныхъ наблюденій, но въ общемъ весь трудъ построенъ на почвѣ ничѣмъ неограничиваемаго субъективизма: выводы обосновываются путемъ такихъ предпосылокъ, какъ наличныя у автора не провѣренныя представленія объ условіяхъ жизни, понятіяхъ и вкусахъ мало пока намъ извѣстнаго древне-грузинскаго общества.

въ нашемъ изданіи.		въ нашемъ изданіи.
20 = 22		[V] = 29
4 = 26		[IVb²] = 30
[III] = 27		[IVa] = 31
[IV] = 28		

Выходитъ такъ, что три безусловно подложныхъ, по нашему мнѣнію, четверостишія, именно I = 2, II = 15, IVb = 13, признаются подлинными; за то подложными провозглашаются семь подлинныхъ строфъ, въ томъ числѣ такія безспорно Шотѣ принадлежащія четверостишія, какъ 6 = 5, 19 = 21 или 4 = 26.

Естественно, что мы кореннымъ образомъ расходимся съ Ал. С—швили въ пониманіи вообще вступительныхъ строфъ, такъ какъ:

a) Ал. С—швили не допускалъ мысли (ц. с., стр. 10), чтобы царица Тамара интересовалась одами, восхваляющими ея красоту, и выражала соотвѣтственное желаніе. Но авторъ не зналъ, что подъ названіемъ *Тамаріани* поэта Чахрухадзе до насъ дошло собраніе одъ Тамарѣ, писанныхъ въ разное время. Чахрухадзе почти въ каждой одѣ восхваляетъ красоту Тамары. Очевидно, поэтъ находилъ поощреніе со стороны царицы.

b) Ал. С—швили (ц. с., стр. 11) искалъ пѣсней Тамарѣ, о которой говорится во вступленіи поэта, въ *Витязь въ барсовой кожѣ* и не находилъ ихъ, между тѣмъ Шота въ вступительныхъ строфахъ говоритъ безспорно о прежнихъ своихъ пѣснопѣніяхъ въ честь царицы.

c) Ал. С—швили отвергалъ возможность того, чтобы Шота взялся воспѣвать „брови", „рѣсницы", „глаза" и „зубы" царицы Тамары, на это-молъ способны какіе либо Шавтели или Чахрухадзе. На дѣлѣ нѣтъ ни одного описанія женскаго типа въ *Барсовой кожѣ*, въ которомъ Руставскій поэтъ упускалъ бы случай воспѣть „брови", „рѣсницы" и другія подробности лица горопнь, когда, конечно, есть за что хвалить. Я уже не говорю о томъ, что оды Тамарѣ, приписываемыя Чахрухадзе, принадлежатъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, тому же Шотѣ изъ Рустава.

Послѣднее слово о вступительныхъ строфахъ *Витязя въ барсовой кожѣ* высказано г. Каричашвили, давшимъ новое, 19-е, изданіе памятника съ иллюстраціями, любопытнымъ предисловіемъ и обстоятельнымъ словаремъ [1]). Трудъ появился въ серіи изданій Общества распространенія грамот-

1) შოთა რუსთაველი ვეფხისტყაოსანი 4 პორტრეტით და 21 სურათით. მეცხრამეტე გამოცემა დ. კარიჭაშვილის წინასიტყვაობით, შენიშვნებით და ვრცელი ლექსიკონით, Тифлисъ 1903.

ности среди грузинъ (№ 63). Д. Каричашвили скепсисъ свой довелъ до крайности: онъ отвергъ цѣликомъ вступительныя строфы, какъ не принадлежащія перу автора *Барсовой кожи*[1]). Основаніемъ для такого строгаго суда послужилъ обоюдоострый доводъ: положительно всѣ четверостишія вступленія оказываются безсодержательными и даже безсмысленными, во всякомъ случаѣ въ совокупности лишенными общей идеи и не имѣющими никакого отношенія къ самой поэмѣ, если понимать ихъ такъ, какъ понимаетъ г. Каричашвили. Однако, предпочтительно отказаться скорѣе отъ пониманія критика, чѣмъ отъ отвергаемыхъ имъ огуломъ четверостишій, среди которыхъ имѣются и безусловно подлинныя; здѣсь и по музыкальности, и по сжатости слога и образности мысли мы находимъ лучшее, что только вышло изъ-подъ пера Шоты. Достаточно указать на четверостишія 20-е и 21-е, въ нашемъ изданіи 18-е и 19-е, въ которыхъ Руставскій поэтъ мастерски пользуется случаемъ, чтобы показать недосягаемую высоту своей виртуозности въ стихосложеніи. Отметая цѣликомъ какъ сорную траву все вступленіе, мы, конечно, легко достигаемъ лишь одного: отпадаетъ автентичность свидѣтельства самого автора о персидскомъ происхожденіи поэмы, само собою понимается, ея сюжета, притомъ не въ видѣ краткой фабулы, а—цѣлой прозаической повѣсти[2]). Но въ тоже время историкъ грузинской литературы ставится въ безвыходное положеніе по совершенно ясному вопросу: въ какую эпоху послѣ Тамары писали въ Грузіи языкомъ и стихами ставшаго спорнымъ вступленія[3])? Гдѣ писатели того рыцарско-свѣтскаго настроенія, которое брызжетъ изъ подлинныхъ строфъ цѣликомъ отвергаемой части древне-грузинскаго памятника? Вѣдь эпоха Тамары не повторялась въ исторіи Грузіи: другого Шоты изъ Рустава нѣтъ въ грузинской литературѣ, хотя много его подражателей.

§ 2. Очевидно, даже въ болѣе или менѣе освѣдомленной части грузинскаго общества отсутствуетъ истинное представленіе о глубокой грани между древнею Грузіею и новою Грузіею, начинающеюся съ возрожденія въ XVI вѣкѣ. Отсутствуетъ представленіе о томъ, что не только была древняя Грузія съ высокой духовной жизнью, но и погибла, если не цѣ-

1) стр. XIV: „ეს წინასიტყვაობა სრულიად არ ეკუთვნის ვეფხის-ტყაოსნის დამწერს“.

2) Какъ извѣстно, въ одномъ изъ четверостишій вступленія и имѣется такое свидѣтельство.

3) Вопросъ ставилъ и Ал. Сгараджи'швили, ц. с., стр. 8, и тѣмъ болѣе удивительно, что это не помѣшало ему признать подложными лучшія по языку строфы Шоты, въ числѣ ихъ и (ц. с., стр. 16—20) четверостишіе съ свидѣтельствомъ о персидскомъ происхожденіи поэмы.

ликомъ, то въ значительной степени, и погибла катастрофически. И когда на обломкахъ древне-грузинской культуры въ Грузіи началось новое строительство въ XVI-мъ вѣкѣ, то живыхъ непрерывныхъ преданій уже не было. Ихъ приходилось возстанавливать архивнымъ путемъ, ссылкою на письменные источники, жалкіе остатки или обломки минувшаго величія. Не только до насъ не дошла полнота хотя бы литературныхъ памятниковъ древней Грузіи, но и сохранившіяся отдѣльныя произведенія представляютъ обезображенные экземпляры или прямо-таки обломки. Наглядный примѣръ такого печальнаго положенія дѣла въ области литературы представляютъ *Оды* въ честь Тамары. И нѣтъ основанія иначе смотрѣть на *Витязя въ барсовой кожѣ*. Въ этой романтической поэмѣ также не только много вставокъ и искаженій, но есть, по всей вѣроятности, и пропуски. Подобные недочеты особенно должны были сказаться въ вступленіи, гдѣ связный разсказъ не скрѣплялъ невольно послѣдовательности строфъ на различныя, интересовавшія автора, темы[1]).

Настоящая работа и представляетъ опытъ возстановленія подлиннаго текста вступительныхъ строфъ въ первоначальномъ ихъ порядкѣ. Часть о заключительныхъ строфахъ имѣетъ второстепенное значеніе, хотя и въ отношеніи ихъ преслѣдовалась та же задача.

Въ изданіи надо различать двѣ стороны дѣла: одна—выясненіе подлинныхъ стиховъ и вставокъ, другая—возстановленіе первоначальнаго порядка[2]). Исправленіе искаженныхъ чтеній и признаніе подложныхъ стиховъ посильно обосновывается въ Поясненіяхъ (стр. 11—54) въ концѣ книги. Что же касается возстановленнаго порядка подлинныхъ четверостишій, въ настоящей работѣ я сошлюсь лишь на основной мой доводъ въ пользу его правильности, именно впечатлѣніе читателя: если возстановленный порядокъ недостаточно самъ по себѣ краснорѣчивъ въ глазахъ читателей, чтобы оправдать его, едва ли помогутъ упрочить зна-

1) Несомнѣнный пропускъ чувствуется между 7-й и 8-й строфами: въ утраченныхъ стихахъ рѣчь должна была быть о томъ, что это за „три образа", которые поэтъ собрался воспѣть; болѣе того, въ нихъ должны были быть названы поименно „три образа", по крайней мѣрѣ „первый среди равныхъ", Таріелъ, безъ чего появленіе этого имени ex abrupto въ 9-й и 10-й строфахъ невольно вызываетъ недоумѣніе.

2) Есть еще третья сторона, которой мы почти не касаемся: это — орѳографическая. О ней можно говорить только тогда, когда будутъ на лицо рукописные матеріалы для критическаго изданія. И для обсуждаемыхъ мною вопросовъ отъ рукописныхъ матеріаловъ мы можемъ ожидать нѣкоторой помощи, хотя, насколько пока извѣстно, наличные списки не заходятъ древнѣе XVII-го вѣка.

ченіе этой части нашей работы какія либо другія побочныя доказательства[1]).

Въ русскомъ текстѣ вступленія и заключенія Шоты изъ Рустава (стр. 7—10) я старался точно передавать мысли и настроеніе поэта, но не гнался за буквальнымъ переводомъ грузинскихъ словъ и особенно формъ. Чтобы русскій переводъ былъ вполнѣ свободенъ отъ стилистическаго вліянія языка подлинника, я рѣшилъ поручить редактировать его стилистически лицу, не знающему грузинскаго. Эту работу любезно принялъ на себя коллега В. Ф. Шишмаревъ. Если тѣмъ не менѣе въ переводѣ прокрались грузинизмы, въ этомъ грѣхѣ повиненъ я, такъ какъ въ редактированномъ уже текстѣ я сдѣлалъ кой-какія поправки, чтобы и формально не слишкомъ отдалять его отъ грузинскаго текста. Въ строфахъ съ характеристикою любви частыя „долженъ“ или „слѣдуетъ“ при опредѣленіи качествъ истиннаго влюбленнаго въ русскомъ замѣнены настоящимъ временемъ изъявительнаго наклоненія. Впрочемъ, мало-мальски свободное изложеніе русскаго перевода оговорено въ Поясненіяхъ, гдѣ, какъ и въ настоящемъ этюдѣ, даются по возможности близкіе къ буквѣ текста переводы[2]).

---

1) Единственно однимъ замѣчаніемъ не могу не подѣлиться здѣсь; его сдѣлать вынуждаетъ меня перестановка трехъ четверостиший 8-го, 9-го и 12-го въ завѣщанномъ текстѣ: у меня они изданы, первыя два въ обратномъ порядкѣ (9 и 8) подъ номерами 12-мъ и 14-мъ, а третье—перенесено между ними (13-е). Перестановка подсказывается исключительно требованіемъ риторики, по которой общее философское опредѣленіе понятія, въ данномъ случаѣ любви (9-е четв. = у насъ 12 и 12-е четв. = у насъ 13), должно предшествовать простому описанію или перечню признаковъ. Дѣла не измѣняетъ, что за трудностью Шота въ началѣ отрывка, въ 12-й строфѣ, какъ бы отказывается дать точное положительное философское опредѣленіе любви и старается отвѣтить на вопросъ путемъ отрицательныхъ сужденій. Важно то, что поэтъ ставитъ вопросъ о философскомъ опредѣленіи любви и, надо думать, на первомъ мѣстѣ, какъ въ отрывкѣ о поэзіи (17-22) онъ же философское ея опредѣленіе дастъ прежде всего (17). Я долго колебался прежде, чѣмъ допустилъ эту перестановку, такъ какъ она связана съ признаніемъ, что Руставскій поэтъ не былъ чуждъ схоластики, но начитанность Шоты въ философіи и знакомство съ пріемами риторики едва-ли могутъ быть оспариваемы.

2) Касательно перевода надо еще замѣтить: a) новыми переводами грузинскихъ стиховъ я отказываюсь отъ прежнихъ, если въ русскомъ текстѣ разница существенная, b) въ настоящей работѣ 1) скобки [ ] вмѣщаютъ все то, что по существу отсутствуетъ въ грузинскомъ подлинникѣ, а то, что при чтеніи его само собою подразумѣвается я стараюсь ставить въ круглыя скобки; 2) собственныя имена я передавалъ, приноравливаясь по возможности къ тому, что болѣе привычно для русскаго уха, такъ Ӏридонъ, грузинская передача перс. Феридунъ, у насъ передается черезъ *Фридонъ*, а женскія имена Патманъ (араб. فاطمه)—черезъ *Фатиму* (им. *Фатима*), Асматъ — черезъ *Асму* (им. *Асма*). Наконецъ, здѣсь же укажу, что 1) *Витязь въ барсовой кожѣ* мною цитуется по изданію г. Каричашвили (понятно, безъ орѳографическихъ новшествъ), 2) *Оды* есть сокращенное названіе книги „*Древне-грузинскіе*

§ 3. Вступительныя строфы романтической поэмы возбуждаютъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ для историка культуры вопросовъ. Я въ этотъ разъ останавливаюсь на одной темѣ Шоты въ его вступленіи. Тема та—основная и для самой романтической поэмы. Рѣчь объ идеализованной любви къ женщинѣ съ преклоненіемъ передъ нею, словомъ о „культѣ женщины". Въ этомъ отношеніи давно напрашивалась поэма Шоты на сопоставленія съ аналогичнымъ явленіемъ въ средневѣковой европейской жизни. Недавно появившаяся обстоятельная монографія В. Ф. Шишмарева значительно облегчаетъ сравнительныя изысканія въ этой области [1]). Любопытно именно то, что сродныя, иногда до тожества схожія черты наблюдаются въ литературахъ странъ, не имѣвшихъ, казалось бы, возможности взаимно общаться. „Молчаніе и терпѣніе" — это важнѣйшія условія, которыя любовный кодексъ ставилъ вассалу дамы въ романскомъ средневѣковьѣ [2]). „Высшая любовь—хоронить страданія въ себѣ; [истинный любовникъ] таитъ ихъ [отъ возлюбленной]", поучаетъ Шота [3]); влюбленному „надо быть обладателемъ разума и терпѣнія", говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ [4]); „истинный любовникъ тотъ, кто сдерживаетъ земные порывы", читаемъ у того же грузинскаго поэта [5]).

„Около молчанія и терпѣнія, какъ центральныхъ мотивовъ" въ любовномъ кодексѣ романскаго средневѣковья, „группируется рядъ другихъ, дополняющихъ картину: влюбленный [1.] долженъ благоговѣть передъ своей дамой, [2.] долженъ быть вѣренъ ей, [3.] лояленъ, [4.] куртуазенъ, [5.] долженъ подавлять въ себѣ вспышки гордости" и т. п. Авторъ этого отрывка, В. Ф. Шишмаревъ [6]), каждый изъ пунктовъ, снабженныхъ у меня цифрами, подкрѣпляетъ ссылкою на памятники романскаго средневѣковья. Тѣмъ же пунктамъ грузинскій поэтъ XII-го вѣка посвящаетъ стихи, первому—13,4, второму—15,1, третьему—3,2 и 15,3, четвертому—3,3—4.

И по представленію автора *Барсовой кожи* любовникъ является вас-

---

одописцы (XII в.). I. Пѣвецъ Давида Строителя. II. Пѣвецъ Тамары. Грузинскій текстъ изслѣдовалъ, издалъ и словаремъ снабдилъ Н. Марръ (Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи, кн. IV)".

1) *Къ исторіи любовныхъ теорій романскаго средневѣковья* (ЖМНПр., 1909 ноябрь, стр. 120—167, и декабрь, стр. 314—353).

2) В. Шишмаревъ, ц. с., стр. 124.

3) 13,1.

4) 14,3.

5) 16,4.

6) ц. с., стр. 125.

саломъ возлюбленной. Поручая Автандилу отыскать безслѣдно скрывшагося витязя (Таріела), Тинатина говоритъ ему (129):

ასრე გითხრა: სამსახური ჩემი გმართებს ამად ორად.
პირველ ყმა ხარ: კორციელი არვინა გყავს შენად სწორად,
მერმე ჩემი მიჯნური ხარ, დასტურია, არ ნაჭორად.
წადი, იგი მოყმე სძებნე, ახლოს იყოს თუნდა შორად.

„Скажу тебѣ слѣдующее: ты обязанъ служить мнѣ по двумъ (причинамъ). Во-первыхъ, ты — витязь (рыцарь): среди существъ во плоти нѣтъ у тебя равнаго; во-вторыхъ, ты — любовникъ мой, это — не сплетня, а дѣйствительность. Ступай, ищи того собрата-витязя, гдѣ бы онъ ни оказался, вблизи или вдали!“

Въ качествѣ любимой и велитъ на тайномъ свиданіи Нестандареджана влюбленному Таріелу (400,1—2):

«წა, შეები ხატაველთა, ილაშქრე და ინაპირე!
ღმერთმან ქმნას და გაგიმარჯვდეს, მორჭმულიმცა ჩემ კერძ ირე

„Ступай, совершай походы по окраинамъ, сразись съ хатайцами! Богъ дастъ, одержишь побѣды, [и тогда] иди ко мнѣ жизнерадостный[1])!“.

Въ чемъ же проявляется любовь, если не въ подвигахъ, покрывающихъ славою и героя и предметъ его любви? „[Одно] это ли любовь по твоему, что жалко падать въ обморокъ и умирать?“ укоризненно спрашиваетъ Нестандареджана своего любовника Таріела[2]). Тогда не зачѣмъ было бы требовать отъ истиннаго влюбленнаго „качествъ витязя“ (sik̇me). „Лучше“, заключаетъ она, „прояви передъ своей возлюбленной геройскіе подвиги“[3]), буквально „дѣла, достойныя исполиновъ-богатырей“[4]).

1) Основа რტმ rṭ-m, по всей видимости, представляетъ эквивалентъ ʳhʾrṭ-v, откуда на армянскомъ языкѣ: Հրճուանք hrṭowan-q *наслажденіе, радость*, Հրճուիմ hrṭowim *наслаждаюсь, радуюсь*; о соотвѣтствіи грузинскому m армянскаго v, resp. w діалектически см. Поясненія, стр. 19, прим. с. Если такъ, то მორტმა (303,3, 449,4) mo-rṭ-ma значитъ „веселіе“, „жизнерадостность“, а მორტმული (32,3, 400,2) mo-rṭm-ul-i — „веселый“, „жизнерадостный“. Естественно, что въ 658,3 მორტმული появляется рядомъ съ ლაღი и ქებული; ლაღი laǧ-i значитъ не только „гордый“, но и „веселый“, примыкая послѣднимъ своимъ значеніемъ къ перс. لاغ *шутка, игра, забава*. Лучшее мѣсто для опредѣленія значенія მორტმული — 287,2:

«თქვენ მორტმულნი თამაშობდით, ჩვენ მტირალნი ღაწვსა ვბანდით».
«вы, жизнерадостные, забавлялись, мы, печальные, омывали слезами ланиты».

Кстати, В. Ф. Шишмаревъ мнѣ подсказываетъ, что въ романскихъ поэмахъ франц. gai *веселый* является постояннымъ эпитетомъ героевъ.

2) 364,1. «ბედითი ბნედა, სიკვდილი რა მიჯნურობა გეგონოს!» ср. *Оды*, стр. 44—45.

3) 364,2. «სჯობს, საყვარელსა უჩვენნე საქმენი საგმიროსა».

4) см. § 4, стр. XVI сл.

Итакъ, влюбленный, являясь вассаломъ возлюбленной, естественно, долженъ быть прославленнымъ витяземъ, онъ долженъ обладать качествами ყმა kma: სიყმე si-kme.

§ 4. Вопросъ чреватый — значеніе грузинскаго термина ყმა kma. Общеизвѣстно обычное значеніе его: *рабъ, крѣпостной*. „Въ древнѣйшій періодъ въ значеніи крѣпостного-кліента [слово это] почти не употребляется“, выясняетъ И. А. Джаваховъ: оно тогда значитъ *дитя* или *отрокъ*[1]). Тоже значеніе за словомъ сохраняется и въ позднѣйшее время. Для насъ важно знать, что ყმა kma не теряло значенія *отрока* и въ эпоху развитія грузинской свѣтской литературы въ XII-мъ вѣкѣ, напр. въ героической повѣсти *Амирандареджаніани*

a) Абул-Асанъ говоритъ (I, стр. 7,3-5):

ოდეს ცოტა ყმა ვიყავ და მამამან ჩემმან აბულკასიმ ვაჭარნი გაგზავნა ბაღდადს, აბუბაქარ სხვათა უმეტესად მათ ზედან მისცა ხუთასი აქლემი და ხუთასი ჯორი

„когда я былъ мальчикомъ (*букв.* маленькимъ отрокомъ), и отецъ мой Абул-Касимъ снарядилъ купцовъ въ Багдадъ, Абу-Бакаръ имъ далъ сравнительно съ другими лишнихъ пятьсотъ верблюдовъ и пятьсотъ муловъ“.

b) Про Джимшера разсказывается (XIII, стр. 278,15-18):

ოდეს ესე ჯიმშერ შეიქნა შვიდის წლისა, ნადირობა უყუვარდა მეტად. სადაცა ანუ ლომი ანუ ჯიხვი ნახის, მან ცოტამან ყმამან ვითა კატა იგრე მოჰკლის

„Когда Джимшеру было семь лѣтъ, онъ очень любилъ охоту. Гдѣ только завидитъ-бывало льва или дикаго тура, онъ, еще мальчикъ (*букв.* маленькій отрокъ), убивалъ ихъ, точно кошекъ“.

И у Руставскаго поэта находимъ ყმა kma въ значеніи *отрока*, *молодого*, напр.

283,3. ვერ ნახეს შენი მნახველი ვერცა ყმა, ვერცა ბერი

„Не нашли никого, ни молодого (kma), ни старца, кто бы тебя видѣлъ[2])“.

Едва-ли однако Руставскій поэтъ въ 408,4 ცოტა ყმა употребляетъ въ значеніи *мальчика* (букв. *маленькаго отрока*), какъ это мы видѣли въ *Амирандареджаніани*. Хатайскій ханъ Рамазъ, притворно сообщая Таріелу о своей готовности сдаться, пишетъ:

---

1) *Государственный строй древней Грузіи и древней Арменіи*, Тексты и разыск. по армяно-груз. филологіи, кн. VIII, С.-Пб. 1905, стр. 73.

2) см. также 1044, 1.

შენ მოგცეთ ციხე-ქალაქი, მოგყვნენ ცოტანი ყმანია
„Мы сдадимъ тебѣ крѣпости и города: пусть съ тобою прибудутъ немного витязей (ḱma-ni)“ [1]).

Общее значеніе *юноши, молодого человѣка* за ყმა ḱma можно бы признать у Шоты изъ Руставa въ такихъ случаяхъ, какъ напр. 517,2, 525,1, 541,4 и 542,2, гдѣ слово прилагается къ царевичу, сыну Хваразмшаха, оффиціальному жениху Нестандареджаны, но и здѣсь приходится сомнѣваться: повидимому, и въ примѣненіи къ нему терминъ не можетъ не означать витязя (см. § 6, стр. XXXIII).

Съ извѣстной поры въ грузинскихъ памятникахъ всплываетъ слово ყმა ḱma въ значеніи, равнозначущемъ распространенному на Западѣ vassus, vassalus. И. А. Джаваховъ устанавливаетъ такое значеніе за ყმა ḱma въ XI-мъ вѣкѣ и, пожалуй, ранѣе [2]).

Но и въ примѣрахъ И. А. Джавахова изъ историческихъ памятниковъ можно замѣтить, что содержаніе термина не всегда исчерпывается однимъ значеніемъ вассала; иногда въ содержаніи его вмѣщается одновременно понятіе о носителѣ личныхъ доблестей, своего рода витязѣ, напр. когда историкъ Тамары говоритъ [3]), что „вышли навстрѣчу Захарія Панаскертскій и дзинійцы (ძინიელნი), калмахцы, прекрасные витязи (კარგნი ყმანი karg-ni ḱma-ni), милостиво принятые сюзереномъ („patron“омъ)“ [4]).

1) Вообще ცოტა у Руставскаго хотя и употребляется въ обычномъ значеніи *немного* (см. еще 194,4,4, 411,4,3, 420,1,2, 1363,1,8, 1369,2,2), но тоже слово встрѣчается въ значеніи *маленькаго, малолѣтняго*, напр.

418,1. «მე მამისა თქვენისაგან ვარ ცოტათი განაზარდი»
«я — воспитанъ съ малолѣтства вашимъ отцомъ»,

594,1. მოვედით მისსა ქალაქსა ტურფასა, მაგრა ცოტასა
„пришли мы въ его городъ дивно прекрасный, но маленькій“.

2) საქართველოს მეფე და მისი უფლების ისტორია, Тифлисъ 1905, стр. 27—30 сл., ср. его же *Госуд. строй*, ц. м.: „терминъ «ḱma» въ значеніи крѣпостного входитъ значительно позднѣе, приблизительно съ VIII—IX вѣка“.

3) стр. 432 [= изд. Броссе, стр. 297], ср. И. Джаваховъ, ц. с., стр. 30.

4) კარგი *добрый, хорошій, прекрасный* въ грузинскомъ своего рода эпитетъ ornans витязя или рыцаря (კარგი ყმა, კარგი ჭაბუკი, см. § 6, стр. XXXIII, § 8, стр. XXXVIII); потому у Шоты საკარგ-ყმო sa-karg-ḱmo слѣдуетъ понять не какъ „прекрасный вассальный надѣлъ“, а какъ „(даръ,)достойный прекраснаго витязя“ въ стихѣ 306,1:

ერთი სამეფო საკარგ-ყმო უბოძა, ამირ-ბარობა,
თვით ამირბარსა ინდოეთს აქვს ამირ-სპასალარობა.

„(Индійскій царь Фарсаданъ царю (отцу Таріела) пожаловалъ [отъ себя] одно царство, (даръ,)достойный прекраснаго витязя, [а также] должность обергофмейстера: въ Индіи обергофмейстеръ и исправляетъ должность генералиссимуса“.

Въ грузинскомъ подлинникѣ въ значеніи *обергофмейстера* употреблено ამირბარი amir-bar-i (перс. امیر بار *эмиръ двора*), а въ значеніи *генералиссимуса* — ამირ-სპასალარი amir-spasalar-i (перс. *эмиръ военачальниковъ*).

Еще менѣе основанія упускать изъ виду это значеніе, по всей видимости, не привходящее, а основное, когда рѣчь идетъ о მოყმე mokme, напр. когда тотъ же историкъ говоритъ[1]): „побѣда досталась витязямъ (mokme) Тамары“.

Въ исторіи же Тамары читаемъ[2]):

უბოძეს ამირ-სპასალარობა ზაქარია მხარ-გრძელს, ძესა სარგისისა ამირ-სპასალარი-სასა, მჯდომსა სომეხთა მეფისა ადგილსა, პატრონსა ლორი-სასა. მოუმატეს ქალაქიცა რუს-თავი, მოყმესა ღირსსა სპასპე-ტობისასა

„Пожаловали званіе генералиссимуса[3]) Захаріи Долгорукому, сыну генералиссимуса Саргиса, сидѣвшему на мѣстѣ армянскаго царя, владѣтелю (patron-sa) Лори; ему, витязю (mokme-sa), достойному быть восначальникомъ (spaspet-oba-sa), пожаловали еще въ придачу городъ Руставъ“.

Историкъ употребляетъ მოყმე mokme, когда рѣчь идетъ о лицахъ, не стоящихъ въ какихъ-либо вассальныхъ отношеніяхъ къ грузинскому суверену, напр.

а) прибываетъ ко двору Тамары „эмиръ Миранъ, племянникъ султана и сынъ Палаванда“, и, какъ читается въ *Лѣтописяхъ*[4]),

მოიკითხეს და დასვეს პატი-ვითა და შეიტკბეს ვითარცა შვილი, მოყმე კარგი და შეს-ხედავ-საყუარელი

„привѣтствовали его и, посадивъ съ почетомъ, обласкали какъ сына. [Былъ онъ] прекрасный витязь (mokme karg-i), любо было смотрѣть на него“.

Предлагаемое мною толкованіе საკარ-ყმო въ нашемъ четверостишіи я нахожу и у И. М. Чконіи, სიტყვის-კონა, s. v. Здѣсь прямо указывается, что у хевсуровъ подарокъ, достойный хорошаго витязя, до сихъ поръ называется საკარგ-ყმო sakarg-kmo; также называется у хевсуровъ же здравица (ხევსურული ლექსები შეკრებ. ლ. ხიზანაშვილის მიერ, Тифлисъ 1887, стр. 81), такъ какъ тостъ провозглашался, очевидно, прежде всего за лучшаго витязя.

Само собою понятно, что Шотѣ не чуждо понятіе о политически-соціальномъ значеніи პატრონ-ყმობა patron-kmoba въ грузинской жизни. Вѣроятно, въ этомъ смыслѣ употребляетъ поэтъ термины „patron-i“ и „kma“, напр. въ 1429,4 (см. также 970,4):

„სჯობან ყოველთა მოყვარულთა პატრონ-ყმანი მოყვარულნი

„Лучше всякихъ друзей любящіе (другъ друга) сюзеренъ (patron-i) и вассалъ (kma)“.

1) стр. 429 [изд. Броссе, стр. 295], И. Джаваховъ, ц. с., стр. 30, къ цитуемому здѣсь мѣсту см. у насъ § 6, стр. XXXI.

2) *Груз. лѣтописи*, изд. Броссе, стр. 297.

3) ср. у насъ, стр. XI, прим. 4.

4) ц. с., изд. Броссе, стр. 302—303.

b) Когда Иванэ, владѣтель крѣпости Каэна, приглашаетъ царя Давида въ походъ, то и къ нему, мужу Тамары, историкъ прилагаетъ званіе mokme, говоря [1]):

მაშინ გაჰყვა მოყმე დღითი-დღე აღმატებული და წარმარტებული ომთა და ლაშქრობათა შინა

„Тогда послѣдовалъ за нимъ [Давидъ], витязь (mokme), съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возвышавшійся и преуспѣвавшій въ бояхъ и походахъ“.

c) про того же царя Давида лѣтописецъ говоритъ [2]):

ვისნიმცა ქება⸢ნი⸣ მიკდომოდა დავითის მოყმისა, პირველთა გოლიათთა მსგავსისა, ბაგათირისა და თარკანისა: მსგავსი ეფრემიანისი და დიდებულთა ბუნბერაზთა, მოყმეთა ამის სამეფოსთა.

„Чьи восхваленія могли бы быть на высотѣ витязя (mokm-isa), подобнаго первымъ голіаѳамъ, Богадуру [3]) и Тархану [4])? Онъ ⸢былъ⸣ подобенъ Ефремиду (іудейскому царю Давиду) и славнымъ бойцамъ [5]), витязямъ (mokme-ϑa) царства нашего (*букв.* сего).

Культурно-соціальное содержаніе термина особенно сильно выступаетъ, заслоняя его политически-соціальное значеніе, въ древне-грузинской изящной литературѣ.

Здѣсь его приходится понимать чаще всего въ смыслѣ *витязя*, я рѣшаюсь даже сказать, въ смыслѣ *рыцаря*. Хочу надѣяться, что изъ-за этого въ Грузіи не станутъ а-пріорно предполагать полноту европейскаго рыцарства со всѣми его атрибутами. Фактъ, дѣйствительно, тотъ, что съ ქმა kma связано представленіе о такомъ героѣ-вассалѣ, который прославляетъ своего сузерена, по-грузински „патрон“а, подвигами доблести, искусствомъ въ ѣздѣ, метаніи стрѣлъ и игрѣ въ мячъ, блестящими успѣхами въ борьбѣ съ врагами, съ злыми духами, со звѣрями и побѣдами надъ соперниками. Лица, носящія это почетное званіе, мечтаютъ о міровой славѣ и въ поискахъ за нею испытываютъ свое счастіе на ристалищахъ: между выдающимися „kma“ происходятъ состязанія.

Служба своему сузерену — одна изъ основныхъ обязанностей витязя или рыцаря „kma“. Мы уже ознакомились съ обращеніемъ Тинатины,

---

1) стр. 300. Въ изданіи წარმართებული.

2) стр. 302.

3) Въ подлинникѣ bagaϑir, повидимому, изъ بهادر, но едва ли въ нарицательномъ значеніи *богатыря*.

4) ترخان, имя одного китайскаго героя.

5) bunberaz-i, resp. bumberaz-i изъ арб. مبارز mubārez *боецъ*.

только-что вступившей на престолъ, къ Автандилу, когда она посылаетъ его на поиски неизвѣстнаго витязя: „ты обязанъ служить мнѣ по двумъ (причинамъ). Во-первыхъ, ты — „ḱma“: среди существъ во плоти нѣтъ у тебя равнаго“ и т. д. Естественно, „ḱma“ и въ данномъ мѣстѣ трудно понять иначе, какъ *витязь* (*рыцарь*).

Несомнѣнно, въ терминѣ „ḱma“ включенъ и моментъ вассальности, но неразрывно или во всякомъ случаѣ слитно съ рыцарствомъ, такъ напр., когда Автандилъ говоритъ (153,1—2):

> პირველ ყმა ვარ, წასვლა მინდა პატრონის სამსახურად:
> კამს მეფეთა ერთ-გულობა, ყოფა გვმართებს ყმასა ყმურად
> „во-первыхъ я — „ḱma“, долженъ идти на службу „патрона“ (сюзерена)[1]): надо блюсти преданность царямъ, по долгу намъ, „ḱma“ямъ, слѣдуетъ дѣйствовать „ḱma“йски,

то и здѣсь понимать „ḱma“ только какъ вассала не приходится; это — рыцарь-вассалъ съ особымъ кодексомъ правилъ чести.

Я уже не говорю о невозможности переводить въ такихъ случаяхъ „ḱma“ словомъ *рабъ*. Для *раба* у Шоты другое слово—მონა mona[2]), напр.

a) 86,1. Про человѣка, отправленнаго къ неизвѣстному витязю или рыцарю (Таріелу), сказано:

> წავიდა მონა საუბრად მის ყმისა გულ-მდუღარისად
> „Рабъ (mona) отправился завести рѣчь съ витяземъ (ḱma), навзрыдъ (плакавшимъ)“...

b) 120,3. Про посланца Тинатины къ Автандилу сказано:

> შემოვიდა მის წინაშე თინათინის მონა ზანგი
> „вошелъ къ нему черный рабъ (mona) Тинатины“.

c) 1149,2—3. О приходѣ царскихъ слугъ въ домъ къ ней за Нестанъ-дареджаною Фатима разсказываетъ такъ —

> შემოდგა კარსა მეფისა მონათა უხუცესი,
> თანა ჰყვა მონა სამოცი, ვით ხელ-მწიფეთა წესია
> „На порогѣ у насъ появился глава царскихъ слугъ (mona-ϑa); съ нимъ было шестьдесятъ рабовъ (mona), какъ полагается по правилу у царей“.

d) 1503,1. Когда Таріелъ проситъ у Ростевана руки его дочери

1) ср. также 294,1.

2) И. Джаваховъ, *Государственный строй древней Грузіи и древней Арменіи*, стр. 72, 73—74.

Тинатины для витязя (kma) Автандила, то отецъ, охотно соглашаясь, говоритъ индійскому царю, витязю-собрату Автандила:

თუ შეგერთო ერთი მონა, თქვენთვის არცა მაშინ მშურდა

„Если бы ты собрался выдать [мою дочь] за какого-нибудь раба (erǝ-i mona), то я и тогда не пожалѣлъ бы ее для тебя“.

Въ 1261,1,4 Нестандареджана, обращаясь къ рабу Фатимы, называетъ его ყმა kma, но это — такое грубое нарушеніе привычнаго Шотѣ слога, что или мѣсто представляетъ искаженіе, или все четверостишіе — подложно.

И какіе это рабы индійскій царевичъ, затѣмъ царь Таріелъ или хотя бы Автандилъ!?

Отецъ Таріела, Сариданъ, вступилъ подъ покровительство царя Парсадана, который однако держалъ его наравнѣ съ собою (307,1: სწორად თავსა). „Не было у него только власти кесаря (keisar-oba), въ остальномъ (Сариданъ) былъ суверенъ (patron-i)“ [1]).

Арабскій вельможа Автандилъ про себя скромно говоритъ (1240,2—4):

მე ვარ სპასპეტი მაღლის მეფის როსტევანის,
თავადი სპის დიდის, მათის შესაგვანის,
მაქვს პატრონობა მრავალი საჭურჭლე-ზარდახანის

„я — военачальникъ державнаго царя Ростевана, глава огромнаго войска, достойнаго его (величества [2]). Я — хозяинъ (patron-i) множества сокровищницъ и арсеналовъ“ [3]).

Не разъ этотъ Автандилъ названъ „kma“, т. е. витяземъ (рыцаремъ), такъ напр. въ 1331,2, когда Асма, служанка Нестандареджаны, сидѣвшая у входа пещеры,

შეჰხედნა, იცნა ტარიელ, თანა ყმა ჭარმაგოსანი

„посмотрѣвъ, узнала Таріела и рядомъ съ нимъ [другого] витязя (Автандила) на бѣломъ конѣ“ [4]).

1) 306,4. სხვად პატრონობა, მართ ოდენ არა აქვს კეისრობა.

2) „его (величества)“ въ подлинникѣ: „ихъ“ (მათის), plur. majestatis.

3) см. еще § 5, стр. XXIX.

4) ჭარმაგი ṭarmag-i представляетъ заимствованіе изъ персидскаго, гдѣ چرمه значитъ *конь*, специально *бѣлый конь*. Въ другомъ мѣстѣ (72,4) изъ-за того же цвѣта лошади Автандилъ названъ თეთრ-ტაიჭოსანი букв. *бѣлоконный*. Съ арм. ճերմակ *бѣлый* слово ჭარმაგი одного происхожденія, но изъ арм. ṭermak въ грузинскомъ никакъ не могъ получиться ṭarmag-i, а значеніе „доблестный“ (მქნე), усмотрѣнное въ немъ еще Теймуразомъ, есть плодъ досужей догадки (ср. Д. Каричашвили, ц. с., стр. 359, s. v., Ю. Абуладзе, ц. с., стр. 163, 178, 190—191).

„K̇ma“ названъ не разъ[1]) и царь[2]) Фридонъ, Таріелу сообщающій о себѣ слѣдующее (583):

მულღაზანზარის[3]) ქალაქი ახლოს მე მაქვსო რომელი,
ნურადინ ფრიდონ სახელი მქვს, მეფე ვარ მუნა მჯდომელი.
ქსე საზღვარი ჩემია, სადა ხართ გარდამხდომელი,
ცოტა მაქვს, მაგრა ყოველთგან სიკეთე მიუწდომელი.

„По близости у меня городъ Мулǵазанзаръ [Мурǵазар-ша⌈h⌉ръ], гдѣ и сижу я царемъ; имя мое — Фридонъ Нурадинъ. Вы расположились въ предѣлахъ моего [владѣнія]; владѣніе мое маленькое, но во всѣхъ частяхъ непостижимо прекрасное“.

Прославленные „k̇ma“ отличаются доблестями „исполиновъ-богатырей“, по-грузински ǵmir-i *силачъ, храбрецъ, исполинъ-богатырь*[4]):

а) Про Таріела узнаемъ, что

1) 84,2. შავი ცხენი სადავითა ჰყვა ლომსა და ვითა გმირსა
„онъ, левъ и точно исполинъ-богатырь, держалъ вороного коня за повода“.

2) **1516,4.** შევიდა მეფე ინდოთა, იგი მზე, მსგავსი გმირისა
„вошелъ индійскій царь, солнце, подобіе исполина-богатыря“.

1) напр. 580,4, 592,1.

2) Автандилъ его величаетъ даже „царемъ царей“ (1294,1), см. еще § 5, стр. XXVIII.

3) მულღაზანზარის mulǵazanzar-is. Это — искаженное чтеніе вм. მულღაზარშარის mulǵazar-ша⌈h⌉r-is, что въ свою очередь представляетъ род. падежъ отъ груз. формы (съ l вм. r) перс. مرغزار شهر murǵazār-шahr *городъ лужайки* (см. Поясн. къ 2,2, стр. 17, прим. 2) и т. п., однако исправлять названіе согласно персидскому прототипу и возстанавливать такъ въ текстѣ Шоты было бы опрометчиво. Руставскому поэту названіе было извѣстно уже въ этой искаженной формѣ Мулǵазан*заръ*: это ясно изъ того, что слово у него въ 1436 риомуетъ съ ზარია zaria. Кстати, это одинъ изъ ряда случаевъ, подтверждающихъ, что персидская повѣсть грузинскому поэту предлежала не въ подлинникѣ, а въ грузинскомъ переводѣ, гдѣ нѣкоторыя персидскія и арабскія слова и имена успѣли задолго до Шоты исказиться или вообще видоизмѣниться; такъ-то მულღაზანზარ встрѣчается еще въ 952,1, 956,1, 957,3, ср. Ю. Абуладзе, ц. с., стр. 92 и 184. Интересно и названіе другого города გულანშარ gulan-ша⌈h⌉r, что по-персидски значитъ *городъ цвѣтовъ*. Любопытна форма мн. числа на -an отъ неодушевленнаго گل, если это не случайное искаженіе, ср. Ю. Абуладзе, ц. с., 91 и 180.

4) *Быт.* 6,4. Русскій переводъ библейскаго стиха: „Исполины были на землѣ въ то время, также и послѣ того, какъ сыны Божіи стали входить къ дочерямъ человѣческимъ, и онѣ стали рождать дѣтей. Это сильные, издревле славные люди“. Подчеркнутыя слова и „исполины“, и „сильные“ въ грузинскомъ текстѣ переданы однимъ и тѣмъ же გმირი ǵmir-i, въ сир. — ܓܢܒܪܐ. Груз. слово представляетъ форму ktil отъ трехзвучнаго яфетическаго корня gmr, эквивалента семит. gbr. Въ еврейскомъ отъ этого корня образовано גִּבּוֹר *сильный, храбрый*, которое и стоитъ въ указанномъ стихѣ въ соотвѣтствіе груз. ǵmir-i во второй разъ. Въ арм. ⌈հ⌉սկայ *исполинъ*, какъ и въ греческомъ (γίγας).

b) То же самое говоритъ поэтъ и про Автандила (1509,1):

მეფე ყელსა ეხვეოდა მას ლომსა და ვითა გმირსა
„царь обнималъ его, льва и точно исполина-богатыря“.

c) А то Автандилъ величаетъ Таріела прямо „львомъ и исполиномъ-богатыремъ“: «ლომო და გმირო ტარიელ» (279,2).

d) Въ свою очередь Таріелъ обращается къ Автандилу со словами (290,2):

«ტანად სარო და პირად მზე, მამაცად მზგავსო[1]) გმირისა»
«о солнцеликій, со станомъ кипариса, мужествомъ подобный исполину-богатырю».

e) Таріелу говоритъ предметъ его любви (527,1):

«ასრე ჰქმენ, ჩემო ლომო და მჯობო ყოველთა გმირთაო»
«Такъ дѣлай ты, мой левъ, превосходящій всякихъ исполиновъ-богатырей».

f) Тотъ же эпитетъ прилагается къ Фридону Нурадину (1426,3):

მივიდეს, სადა ქვეყანა იყო ნურადინ გმირისა
„прибыли въ страну, которая принадлежала исполину-богатырю Нурадину“.

Витязей „kma“ называютъ и просто голіаѳами, напр. у Шоты изъ Рустава въ 1511,2 про трехъ „kma“, Таріела, Автандила и Фридона, сказано:

მათ სამთავე გოლიათთა მზისა ფერად ღაწვნი ღებნეს
„У всѣхъ трехъ голіаѳовъ просіяли (*букв.* окрасились) щеки подобно солнцу“.

Витязи или рыцари „kma“ уже съ дѣтства проявляютъ свою мощь. Таріелъ разсказываетъ про себя (310,2—3);

ხუთისა წლისა შევიქმენ მზგავსი ვარდისა შლილისა
ჭირად არ მიჩნდის ლომისა მოკვლა მართ ვითა სირისა
„Пяти лѣтъ я уподобился распустившейся розѣ: мнѣ такъ же не стоило труда убивать львовъ, какъ воробьевъ“[2]).

---

1) Завѣщанный текстъ: მზგავსი.

2) სირისა своимъ რ нарушаетъ риѳму; въ отношеніи ჭირად см. 1372, 1, впрочемъ, быть можетъ, въ нашемъ стихѣ слѣдуетъ ჩირად (а не ჭირად) *пустякомъ* (*было*), см. 858,4:

ოდეს ტურფა გაიფურჩქნეს, აღარა ღირს არცა ჩირად.

Эго четверостишіе въ числѣ другихъ А. С—швили (ц. с , гл. XIV, стр. 11—14) считаетъ подложнымъ; ему кажется, что для обоснованія мысли о поддѣльности достаточно указать на сказочный характеръ автобіографіи Таріела. Ал. С—швили изумляется бахвальству Таріела, разсказывающаго о такихъ небылицахъ, какъ про-

Болѣе обычно въ такихъ случаяхъ сравненіе, которымъ пользуется Таріелъ въ описаніи своей юности, когда онъ могъ уже нести военную службу (317,4):

ვბურთობდი და ვითამაშობდი, ვით კატასა ვკოცდი ლომსა
„я игралъ въ мячъ и забавлялся, убивая львовъ какъ кошекъ“.

Занятія, свидѣтельствующія о высокихъ качествахъ „kma“, въ мирное время удачная охота, упражненія на ристалищѣ и развлеченія, въ военное — геройскіе подвиги.

Витязь Таріелъ про себя разсказываетъ (321,4—322,1—3):

სროლასა და ასპარეზსა აქებდიან ჩემგან ქმნილსა.

მოსრის მკეცნი და ნადირნი ისარმან ჩემმან სრულმან,
მერმე ვიბურთი მოედანს, მინდორით შემოქცეულმან,
შევიდი, შევქმნი ნადიმი, ნიადაგ ლხინით ჩვეულმან
„Люди хвалили меня за (мѣткую) стрѣльбу и (искусную игру въ мячъ) на ристалищѣ.
„Стрѣлы, пущенныя мною, (безжалостно) истребляли звѣрей и дичь; затѣмъ, вернувшись съ поля, я входилъ (въ домъ) и по привычкѣ къ постояннымъ увеселеніямъ устраивалъ пиръ“.

На войнѣ витязь Таріелъ одинъ выступаетъ противъ безчисленнаго войска (431—433):

ახლოს მივედ, შემომხედეს, შმაგიაო, ესე სთქვესა.
მუნ მივმართე მკლავ-მაგარმან, სად უფროსი ჯარი დგესა:
კაცს შუბი ვკარ, ცხენი დავეც, მათ ორნივე მიგდეს მზესა.
შუბი გატყდა, კელი ჩავყავ: ვაქებ, ჴრმალო, ვინცა გლესა!
მიგან ასრე გავერივე გნოლის ჯოგსა ვითა ქორი,
კაცი კაცსა შემოვტყორცე, ცხენ-კაცისა დავდგი გორი.
კაცი ჩემგან განატყორცი ბრუნავს ვითა ტანაჯორი:
ერთობ სრულად ამოვწყვიტე წინაკერძი რაზმი ორი.

явленіе имъ искусства въ стрѣльбѣ еще въ дѣтскомъ возрастѣ, когда онъ былъ всего пяти лѣтъ. Болѣе любопытно отмѣтить реальное значеніе именно пятилѣтняго возраста въ правилахъ еще древне-персидскаго воспитанія: по Страбону (XV, гл. III, 18), „главнѣйшими предметами обученія персовъ отъ пяти до двадцати четырехъ лѣтъ являются стрѣльба изъ лука, метаніе копья, верховая ѣзда“ (К. А. Иностранцевъ, *Сасанидскіе этюды*, С.-Пб. 1909, стр. 67). Текстъ Страбона гласитъ: Ἀπὸ δὲ πέντε ἐτῶν ἕως τετάρτου καὶ εἰκοστοῦ, παιδεύονται τοξεύειν καὶ ἀκοντίζειν καὶ ἱππάζεσθαι καὶ ἀληθεύειν.

ერთობილნი მომეხვივნეს, მრგვლივ შეიქმნა ომი დიდი:
ვკრი რასაცა, ვერ დამიდგის, სისხლსა მჩქეფრსა აღმოვღვრიდი.
ცხენსა კაცი გაკვეთილი მანდიკურად გარდავკიდი.
სითაც ვიყვი, გამექციან, მათ შეჰქმნიან ჩემი რიდი

„Когда я приблизился къ нимъ, они, взглянувъ на меня, сказали: «онъ сумасшедшій!» Обладая крѣпкими мышцами, я направился туда, гдѣ больше стояло народу. Ударилъ я пикою въ человѣка, лошадь у него свалилась, и они оба простились съ свѣтомъ (*букв.* съ солнцемъ); пика сломалась, и я схватился (за мечъ): хвалю, о мечъ, того, кто тебя наточилъ!

„Напустился я на нихъ, точно ястребъ на куропатокъ[1]): одного кидалъ на другого и нагромоздилъ гору людей и лошадей; кого я бросалъ, тотъ крутился какъ стрекоза[2]). Передніе два ряда я совсѣмъ уничтожилъ однимъ (взмахомъ).

„Столпившись, они обступили меня: завязался кругомъ жестокій бой. Разъ я ударялъ, никто не могъ устоять: кровь я проливалъ потоками. Кого я разсѣкалъ, онъ перевѣшивался на конѣ какъ переметная сума[3]). Гдѣ я появлялся, оттуда убѣгали: остерегались меня“.

Въ концѣ концовъ витязи наслаждаются славою. Таріелъ самъ разсказываетъ про себя, какъ его принимали послѣ одной нобѣды (439):

ერთსა კაცსა ეყოფოდეს, დიდებანი რომე მჭირდეს:
ზოგნი შორით დამლოციან, ზოგნი კოცნად გამიპირდეს.
რომელთაცა გავეზარდე, დიდებულნი ამიტირდეს,
ჩემგან კრმლითა განაკვეთი ნახეს, მეტად გაუკვირდეს

„Почестей, оказанныхъ мнѣ, достаточно было одному человѣку: одни издали благословляли меня, другіе тянулись, чтобы поцѣловать; вельможи, воспитавшіе меня, расплакались: они удивлялись при видѣ ранъ, разсѣченныхъ моимъ мечемъ“.

Отношеніе народа къ „kma“ всегда восторженное. Ихъ обожаютъ за красоту и успѣхи.

---

1) გნოლი gnol-i *куропатка сѣрая* (Р. Эристовъ, *Краткій грузино-русско-латинскій словарь изъ трехъ естественныхъ царствъ природы*, Тифлисъ 1884, s. v.).

2) ტანაჯორი tana-ǯor-i *гладышъ* или *гребляк̆ъ сѣрый* (Р. Эристовъ, ц. с., s. v.). Слово, повидимому, сложное, и вторая его часть ჯორი ǯor-i находится въ родствѣ съ арм. ջորեակ ǯor-eak *стрекоза;* повидимому, оба эти слова одного происхожденія съ ǯor-i *мулъ*, существующимъ и въ армянскомъ (ջորի), и въ грузинскомъ (ჯორი).

3) მანდიკური mandik-ur-i *похожій на переметную суму* (см. Н. Марръ, *Сборники притчъ Вардана*, I, § 496, стр. 494).

Въ Гуланшарѣ красота витязя Автандила выдавала его призваніе. Прискакавъ бѣгомъ къ Фатимѣ сообщить о прибытіи гостя съ богатыми товарами, на самомъ дѣлѣ переодѣтаго купцомъ Автандила, садовникъ сказалъ ей (1050,3—4): „могу похвастаться (დამიქადის), что

ყმა მოვა, მისთა მჭვრეტელთა შუქნი მზედ გაიცადნის

идетъ [не купецъ, а] витязь (рыцарь) — взирающіе [на него] ослѣплены его лучами, точно солнцемъ [1])“.

Когда далѣе Автандилъ вступаетъ въ городъ, поэтъ за народомъ забываетъ, что онъ—купецъ (1052,3—4 и 1053):

შემოვიდა ლაწვი-ვარდი, ბროლ-ბადახში, მინა-სათი:
მისთა მჭვრეტთა დაუსახეს ვეფხსა ტოტი, ლომსა თათი.
ზარი გავდა და შემოჰკრბეს ქალაქისა ერნი სრულად,
იქით აქეთ იჭრებოდეს, «ვუჭრიტოთო» «ამას რულად»,
ზოგნი ნდომით შეჰფრთვილდეს, ზოგნი იყვნეს სულ-წასრულად,
ქალთა ცოლთა მოიძულეს, ქმარნი დარჩეს გაბასრულად.

„Вошелъ розоланитный, хрусталь съ рубиномъ, эмаль съ коралломъ: взирающіе на него по ногамъ узнали барса, по дланямъ—льва.

„Разнеслась шумная молва, собрался цѣликомъ весь городской людъ; толпясь, говорили справа и слѣва: «будемъ глядѣть на него до сна!» Одни подскакивали къ нему съ вожделѣніемъ, у другихъ душа разставалась съ тѣломъ; жены возненавидѣли своихъ мужей, мужья позорно были покинуты“.

„Kma“ отличаютъ и внутреннія качества, и не одна военная доблесть, а также гуманность: сочувствіе къ чужому горю, даже къ страданіямъ звѣрей, готовность помочь слабымъ, безграничная щедрость, полное безкорыстіе. Да и вообще матеріальною стороною они пренебрегаютъ: въ вещахъ имъ дорога красота формъ или искусная отдѣлка.

Послѣ сраженія съ хатайцами Таріелъ, исполняя долгъ службы, индійскому царю посылаетъ тысячу муловъ и верблюдовъ, навьюченныхъ богатыми дарами изъ военной добычи (447,2-4). Но витязя можетъ плѣнить развѣ какое-либо чудное произведеніе искусства, и онъ въ восторгѣ отъ курточки [2]) и мантіи [3]) дивной работы, которыя только и оставляетъ

---

1) букв. „лучи его воспринимаютъ какъ солнце“.

2) ქაბაჩა kabača = перс. قباچه, уменьшительное отъ араб. قبا (ср. въ груз.: ყაბა kaba).

3) რიდე ride = арб. *кусокъ ткани въ родѣ пледа, служащій верхней одеждой; мантія, плащъ*. Въ груз. слово понимаютъ въ значеніи *вуали*.

себѣ, при томъ мантію изъ необычайной ткани для подношенія возлюбленной. Таріелъ самъ описываетъ ихъ съ увлеченіемъ (445, 3-4 — 446):

«ერთგან ვნახენ საკვირველი ყაბაჩა და ერთი რიდე:
თუცა ნახენ, სახელისა ცნობასაცა ინატრიდე.

«ვერა შევიგენ, რა იყო ანუ ნაქმარი რაულად.
ვისცა ვუჩვენე, უკვირდის, ღვთისა სთქვის მან სასწაულად.
არცა ლარულად ჰქებოდა მას ქსელი, არც ორხაულად:
სიმტკიცე ჰგვანდის ნაჭედსა, ვთქვი, ცეცხლსა შენართაულად».

«Въ одномъ мѣстѣ лежали чудныя [издѣлья—] куртка и одна [рѣдкая] мантія: если бы ты видѣлъ ихъ, то ты тщетно искалъ бы имени, чтобъ ихъ назвать.

«Не съумѣлъ я понять, что это [за мантія] или какъ она сработана: кому я ни показывалъ ее, всѣ [только] дивились и называли знаменіемъ Бога. Основы у нея не было [никакой], ни парчевой, ни ковровой [1]), а крѣпостью она походила на кованую [вещь], я бы сказалъ, прокаленную въ огнѣ».

Единственно къ чему изъ матеріальныхъ пріобрѣтеній не равнодушны „kma“, это—оружіе. Когда витязи Таріелъ и Автандилъ напали на кладъ, то ихъ не привлекла ни груда золота и драгоцѣнныхъ камней, ни блескъ крупныхъ, какъ мячи, жемчуговъ [2]). Но они были рады находкѣ арсенала и въ немъ особаго ящика отборнаго оружія съ надписью о чудныхъ его качествахъ (1345 — 1347, 1 — 2):

კიდობანი გახსნეს, პოვეს მუნ აბჯარი სამი ტანი,
რასაცა ვით შეიმოსნენ მეომარნი სამნი ყმანი:
ჯაჭვნი, კრმალი, მუზარადი, საბარკული, მათი მგვანი
ზურმუხტისა ბუდებითა იყვნეს ვითა ლუსკუმანი.
თვითომან თვითო ჩაიცვეს, თავის თავს გამოსცდიდიან,
ჯაჭვ-მუზარადსა, აბჯარსა მართ ვერა ვერ მოჰკიდიან,
კრმალი რკინასა მოჰკრიან, ვით ბანბის მკედსა სჭრიდიან.
მართ ულირს, ყოვლად ქვეყანად, შევატყევ, არ გაჰყიდიან.
სთქვეს: «ესე ნიშნად გვეყოფის, ვართო კარგითა ბედითა,
ღმერთმან მოგვხედნა თვალითა, ზეგარდმო მონახედითა.»

1) ორხაული orqa-ul-i, resp. ორხოული orqoul-i, какъ и читается въ завѣщанномъ текстѣ, отъ ორხო orqo (< *orqav) *паласъ*, по Чуб. ორხოვა orqova *коверъ*; если же признать въ словѣ ткацкій терминъ въ значеніи *двойной*, то переводъ стиха будетъ: „Основы у нея не было [никакой], ни нитями, ни въ клѣтку“.

2) 1342, 1348.

„Они открыли ящикъ и нашли въ немъ три пары доспѣховъ, все то, что нужно, чтобы одѣть трехъ воинственныхъ витязей: кольчуги, мечи, шлемы, набедренники и тому подобное лежали въ яхонтовыхъ футлярахъ, точно [мощи] въ ракахъ.

„Надѣли по очереди каждый предметъ, подвергли испытанію на себѣ: за шлемъ и кольчугу или панцырь ничѣмъ нельзя было зацѣпить; ударомъ меча разсѣкали желѣзо, точно бумажную нить. [Витязи] дѣйствительно цѣнятъ [это отборное оружіе], не промѣняютъ, какъ я догадываюсь, на весь міръ.“

„Они сказали: «этого намъ достаточно на память, мы счастливы. Богъ оглянулся на насъ окомъ, взирающимъ съ неба»“.

Чѣмъ могущественнѣе царь, тѣмъ больше при его дворѣ такихъ „kma“, витязей или рыцарей. Потому-то ყმიანი kmian-i *надѣленный (многими)* „kma“, иначе и не слѣдуетъ переводить какъ *имѣющій въ своемъ распоряженіи многихъ витязей (рыцарей)*, такъ между прочимъ въ начальной строфѣ самой повѣсти о *Витязѣ въ барсовой кожѣ*:

იყო არაბეთს როსტევან მეფე ღვთისაგან სვიანი,
მაღალი, უხვი, მდაბალი, ლაშქარ-მრავალი, ყმიანი,
მოსამართლე და მოწყალე, მორჭმული, განგებიანი,
თვით მეომარი უებრო, კვლავ მოუბარი წყლიანი.

„Божьею волею въ Аравіи счастливо жилъ державный[1]), щедрый и доступный царь Ростеванъ, располагавшій многочисленнымъ войскомъ и витязями (рыцарями); жизнерадостный, онъ судилъ милостиво и умѣло правилъ; самъ былъ несравненный воинъ, а рѣчь его была (плавная) какъ текучая вода“.

Такъ же приходится понимать „kma“, состоявшихъ при царѣ царей Фридонѣ (1482,3):

ძღვენი არა გვაქვს, გვმოწმობენ ფრიდონ და მისი ყმანია

„у насъ нѣтъ подношеній, могутъ свидѣтельствовать Фридонъ и его витязи (рыцари)“.

Въ свидѣтели здѣсь призываются, понятно, не рабы или слуги [2]). Но нѣтъ основанія думать, что рѣчь здѣсь вообще о феодалахъ или вельможахъ. Во всякомъ случаѣ значеніе *витязь* и можно только усвоить „kma“, напр. еще въ стихѣ 443,1 изъ разсказа славнаго витязя Таріела:

---

1) *букв.*: „высокій (по положенію среди другихъ)“.
2) см. также 67,2.

მივეც ერთი დიდებული, თანა ყმანი წავატანენ

„Я далъ ему (царю Рамазу) одного вельможу [и] велѣлъ [моимъ] витязямъ сопровождать его“.

Несомнѣнно, въ рыцарскомъ кодексѣ этихъ „ḳma“ не только повиновеніе, но преклоненіе передъ государемъ стоитъ на первомъ мѣстѣ. Разсказывая Автандилу про встрѣчу свою съ царемъ Ростеваномъ, витязь Таріелъ говоритъ (288, 1—2):

მოვიხედე, მომეწია რა პატრონი შენი, ვნახე,
ჴელმწიფობით შემებრალნეს, ამად ჴელი არ შევახე

„я оглянулся, но, когда увидѣлъ, что меня нагналъ твой „патронъ“ (сузеренъ), я не посягнулъ на него (*букв.*: не тронулъ его рукою), такъ какъ я имѣлъ жалость къ его званію государя[1]).

Шота своимъ одобреніемъ подтверждаетъ, что благоговѣйное отношеніе къ царямъ являлось однимъ изъ признаковъ истиннаго „ḳma“, т. е. витязя (рыцаря). Когда витязь Автандилъ безпокоится, какъ бы не обидѣть царя Ростевана, своего сузерена, домогательствомъ руки его дочери, Руставскій поэтъ пишетъ (1459,4):

ასრე ჯამს რიდი მეფეთა, ყმათაგან მოკრძალულობა

„Такъ слѣдуетъ: почтеніе къ царямъ, благоговѣніе (передъ ними)— [долгъ] витязей (рыцарей)“.

Самопожертвованіе за царя возводилось вообще въ степень христіанскаго мученичества. Грузинскій поэтъ устами витязя Таріела говоритъ (425,3):

ვინმცა მოკვდეს მეფეთათვის, სულნი მათნი ზეცას რბიან

„душа того, кто за царя умираетъ, взлетаетъ на небо“.

Благоговѣніе передъ царскою властью не могло, конечно, не выступать на первый планъ въ обрисовкѣ придворнаго поэта; оно естественно могло вносить особый оттѣнокъ и въ отношенія витязя къ витязю или рыцаря къ рыцарю, когда одинъ изъ нихъ оказывался царемъ, но у „ḳma“ былъ еще иной долгъ, быть можетъ, наиболѣе существенный для пониманія особаго положенія этихъ восточныхъ рыцарей.

§ 5. Между собою различные „ḳma“ стояли на равной ногѣ, находились въ братскихъ отношеніяхъ, потому — какъ отъ ძმა ďma *братъ* въ грузинскомъ имѣемъ მოძმე mo-ďm-e *собратъ*, такъ отъ ყმა ḳma *витязь*

1) см. соотвѣтственныя цитаты изъ *Амирандареджаніани* у Ю. Абуладзе, ц. с., стр. 187.

образуется მოყმე mo-km-e *собратъ-витязь* (compagnon). Въ связи съ этимъ любопытно отмѣтить одну подробность.

Избранные „kma“ являются побратимами[1]) или присяжными „братьями“ (compagnons jurés[2]).

Витязи Таріелъ и Автандилъ не разъ названы побратимами —

a) 1311,1. გრმალი გასტყორცა ტარიელ, მიჰმართა მისსა ძმობილსა

„Таріелъ откинулъ въ сторону мечъ [и] направился къ своему побратиму (ďmobil-sa)“, именно Автандилу.

b) Витязи Таріелъ и Автандилъ отправляются въ крѣпость духовъ для освобожденія Нестандареджаны изъ плѣна. Описывая ихъ выступленіе, Руставскій поэтъ [или интерполяторъ] обращается къ художнику со словами (1349):

აქა, მხატვარო, დახატე ძმათ უმტკიცეს[ნ]ი ძმობილნი,
იგი მიჯნურნი მნათობთა, სხვისა ვერვისგან სწორობილნი,
ორნივე გმირნი, მოყმენი, მამაცობის ცნობილნი.
რა ქაჯეთს მივლენ, გასინჯოთ ომი, ლახვართა სობილნი.

„Здѣсь нарисуй, художникъ, этихъ побратимовъ, болѣе стойкихъ [въ взаимной преданности], чѣмъ братья, безумно влюбленныхъ въ свѣтила (красавицъ), никѣмъ не превзойденныхъ, обоихъ витязей, исполиновъ-богатырей, извѣстныхъ своимъ мужествомъ. Когда они прибудутъ въ страну „каджовъ“, тогда испытаете ихъ въ бою [,увидите], какъ будутъ вонзаться [ихъ] копья“.

c) Таріелъ говоритъ Тинатинѣ, уже женѣ Автандила (1524,3):

«ქმარი შენი ძმაა ჩემი, მწადს აგრევე თქვენი დება»

«твой мужъ—мнѣ братъ (побратимъ), и я желаю васъ такъ же сдѣлать своей сестрой (побратимкой)».

d) Автандилъ такъ рекомендуетъ себя Фридону устами гонца (963,3—4):

«ვარ უცხო ვინმე ღარიბი, სამყოფთა მოშორებული,
ძმადნაფიცი ტარიელის, თქვენს წინა მოგზავნებული».

«Я — нѣкій скиталецъ изъ чужихъ странъ, удалившійся изъ дома, присяжный братъ Таріела, посланный къ вамъ».

Фридонъ былъ побратимомъ сначала Таріела, а затѣмъ и Автандила —

a) Автандилъ, направляясь къ Фридону, говоритъ Таріелу (926,4):

---

1) по-грузински: ძმობილი ďmobil-i.

2) по-грузински: ძმად ნაფიცარი ďma-d naφiϑ-ar-i, ძმად შეფიცებული ďma-d ше-φiϑ-ebul-i или ძმად შენაფიცი ďma-d ше-na-φiϑ-i, а также ძმადფიცი ďma-d‿φiϑ-i.

«აწ მე მუნ მივალ, მასწავლე გზა ძმად-ფიცისა შენისა!»

«Укажи мнѣ путь къ твоему присяжному брату: ѣду туда».

b) Впослѣдствіи витязь Автандилъ самъ называетъ себя побратимомъ витязя Фридона (1293,4):

ფრიდონს მიართვით უსტარი ჩემგან, ძმად ნაფიცარისა

„преподнесите Фридону письмо отъ меня, присяжнаго брата".

Очевидно, три славныхъ витязя были побратимами или нареченными, по-грузински—присяжными братьями (ср. compagnons jurés)?[1]) Это ясно указывается въ поэмѣ. Про витязей Таріела, Автандила и Фридона и сказано —

a) 1366,1. ზღვა გაიარეს სამთავე ერთგან ძმად-შეფიცებულთა

„Всѣ втроемъ, присяжные братья, переѣхали море въ одномъ мѣстѣ".

b) 1398,3. აწ ესენიცა გავიდეს, შეკრბეს სამნივე ძმობილნი

„Тогда и они вышли, собрались вмѣстѣ втроемъ побратимы".

c) 1424,1. გამოვლნეს ზღვანი სამთავე ერთგან ძმად-შენაფიცართა

„пріѣхали моремъ вмѣстѣ всѣ три присяжныхъ брата".

d) 1562,1. ერთგან სამთავე ძმობილთა დაყვეს ცოტანი დღენი

„Всѣ три побратима пробыли вмѣстѣ нѣсколько дней (немного времени).

Руставскій поэтъ не даетъ реальныхъ подробностей заключенія присяжнаго братства; ясно только, что были моменты заключенія братскаго союза. Первыми вступаютъ въ присяжное братство Таріелъ и Фридонъ (593,4, 626,2), а затѣмъ — Таріелъ и Автандилъ (646, 3–4, 647,2, 650, 1–4) и, наконецъ, Автандилъ и Фридонъ (1003,3). Моментъ присяги выдвинутъ только при вступленіи Таріела въ побратимство съ Автандиломъ (646, 3–4, 647,2, 650, 1–4), но и здѣсь подробностей обряда нѣтъ, такъ Автандилъ, прощаясь съ Таріеломъ, говоритъ ему (646, 3–4):

«შენ გენუკვი, შემიჯერო, ღმერთი იღვთო, ცაცა იცო,
ერთმანერთი არ გავწიროთ, მაფიცო და შემომფიცო».

«Я прошу тебя повѣрить мнѣ, принять въ свидѣтели Бога и Небо; не предадимъ [отнынѣ] другъ друга, заставь меня присягнуть и присягни мнѣ!»

Послѣ этого, говорится далѣе (650,1 и 4), „друзья присягнули другъ другу (შეიფიცნეს)", и „одну ночь провели вмѣстѣ прекрасные това-

1) Любопытно отмѣтить, что по-персидски побратимъ такъ же, какъ въ русскомъ, назывался *братомъ названнымъ* или *нареченнымъ*: برادر خوانده, а не *присяжнымъ*.

рищи (მეგობრენი ამხანაგნი)“. Быть можетъ, интересно отмѣтить, что присяжные братья здѣсь названы товарищами, точно въ параллель къ романскому „compagnons“.

Но для уясненія себѣ высокаго значенія „присяжнаго братства“ надо обратить вниманіе на то, что Автандилъ, вступая въ него, отрекается, во всякомъ случаѣ произноситъ формулу отреченія не только отъ сузерена, но даже отъ возлюбленной, чтобы посвятить себя службѣ присяжному брату. Вотъ подлинныя слова этой формулы, обращенныя къ Таріелу (292):

«ამა დღემან დამავიწყა, გული ჩემი ვინ დაჰბინდა.
დამიგდია სამსახური, იგი იქმნას, რაცა გინდა!
იაგუნდი ეგრეცა სჯობს, ათასჯერცა მინა მინდა.
შენ გიახლო სიკვდილამდის, ამის მეტი არა მინდა».

«Сей день заставилъ меня забыть ту, кто погрузила во мракъ мое сердце. Оставляю службу [ей], будь, что будетъ! Возвысься эмаль (Тинатина) въ достоинствѣ хоть въ тысячу кратъ[1]), все-таки выше стоитъ [самородный] яхонтъ (Таріелъ). До смерти я буду сопровождать тебя, это—предѣлъ моихъ желаній».

Побратимство налагало на витязей взаимное обязательство.

Автандилъ въ письмѣ къ Фридону, приглашая его передъ походомъ въ страну „ќадж“овъ, между прочимъ пишетъ (1298,4):

«ამის მეტი რაღა გკადრო? ძმასა ძმურად მოეხმარე!»

«О чемъ еще буду я тебѣ докладывать? Брату (побратиму) помоги по-братски!»

Витязь Таріелъ говоритъ витязю Фридону (1446,1—2):

«ავთანდილისგან შენ იცი ჩემთვის თავისა დადება.
აწ მე მაქვს ნაცვლად მისისა მოხმარებისა წადება».

«тебѣ извѣстно, какъ Автандилъ жертвовалъ собой для меня; теперь у меня желаніе взамѣнъ оказать ему помощь».

Таріелъ продолжаетъ (1456,3—4):

«ვითა მან ჭვრეტა მიჰგვარნი ჩემისა სულთა დგმისანი,
ეგრევე მანცა სამისოდ ნახნეს ძალ-გულნი ძმისანი!»

«какъ (Автандилъ) нашолъ источникъ моего дыханія (Нестандареджану), такъ пусть увидитъ и онъ, что сила и помыслы (*букв.* сердце) его брата (побратима Таріела) въ его распоряженіи!».

---

1) მინდა въ მინა მინდა—отыменн. глаголъ отъ მინა *эмаль*, а не глаголъ მინდა *хочу*.

Помощь въ такихъ случаяхъ не останавливается ни передъ какою жертвою. Таріелъ Автандилу (296,1—2)

უმასა უთხრა: «ვინცა კაცმან ძმა ანუ თუ დაცა იდოს,
კამსო მისთვის სიკვდილსა და ჭირსა თავი არ დარიდოს».

„витязю сказалъ: «кто обзаведется [присяжнымъ] братомъ или хотя бы сестрою[1]), тотъ болѣе не долженъ остерегаться опасности и смерти[, когда нужна помощь] имъ».“

Таріелъ, вспоминая о такой побратимской службѣ Фридона и Автандила, „отъ [чистаго] сердца“ говоритъ (1445,2—4),

«არს გული თქვენი საჩემო უფროსი ძმისა სრულისა,
არ გემუქვებოს სიცოცხლე, არცა მოცემა სულისა:
მე თქვენგან ვპოვე მოკვდავმან ჩემი წამალი, წყლულისა».

«сердце ваше [предано] мнѣ болѣе, чѣмъ (сердце) роднаго (*букв.* полнаго) брата; ни жизни, ни пожертвованія даже души недостаточно, чтобы (достойно) воздать вамъ: умиравшій, я черезъ васъ нашелъ лекарство для себя, израненнаго».

Вопросъ, значитъ, не столько во взаимности услуги, сколько въ безграничной преданности побратимовъ другъ другу.

Въ этомъ смыслѣ, казалось бы, чрезмѣрно сильно выражаетъ свои чувства витязь Автандилъ витязю Таріелу, индійскому царю, когда тотъ собирается отблагодарить за услугу услугою. Автандилъ говоритъ (1452,2—4):

«მადლი რად უნდა, მეფეო, ხარ რაზომ გინდა ლმობილი?
ვარ მუცლითგანვე დედისა თქვენად სამონოდ შობილი;
ღმერთმან მუნამდის მიწა მყოს, ვირ მეფე იყო ცნობილი!»

«Конечно, мѣра твоего сочувствія (къ людямъ) велика, и всетаки, о царь, къ чему [меня] благодарить? Отъ утробы матери рожденъ я быть вашимъ рабомъ, и да буду я волею Божьею прахомъ (вашихъ ногъ), доколѣ славитесь вы царемъ!»

Автандилъ, однако, съ такимъ-же крайнимъ выраженіемъ покорности обращается къ другому присяжному брату—витязю Фридону, хотя и царю, но подобно Таріелу отнюдь не его сузерену. Въ письмѣ къ нему Автандилъ (1294,1—4)

---

1) У Руставскаго поэта встрѣчается и спеціальный терминъ დად-ფიცი (1544,2,2) da-d̯φiϑ-i *присяжная сестра*. У хевсуровъ для побратимки спеціальное названіе წაწალი iatal-i (И. Чконія, სიტყვის-კონა, s. v.).

დასწერა: «ფრიდონ მაღალო, სვე-სრულო მეფეთ მეფეო,
ლომისა მსგავსო ძალ-გულად, მზეო შუქ-მოიეფეო,
მოვლენილო და მორჭმულო, მტერთა სისხლის მჩქეფეო,
უმცროსმან ძმამან შორი-შორ სალამი დავიყეფეო».

„написалъ: «державный, полный счастья царь царей Фридонъ, силою и сердцемъ львоподобный, солнце, расточающее лучи, влiятельный и жизнерадостный, проливающiй кровь враговъ потоками, я, младшiй братъ, издали лаю [какъ покорный песъ]: привѣтъ тебѣ!»“

Самъ „царь царей“ витязь Фридонъ въ свою очередь въ восторгѣ говоритъ гостю витязю Тарiелу (619,2—4):

«მოსრულ ხარ ჩემად წყალობად მეფე ინდოეთს მჯდომელი.
მემცა რად ვიყავ ამისთვის მადლის რასმე მდომელი?
ერთი ვარ მონა მონებად წინაშე თქვენსა მდგომელი».

«ты, царь, сидящiй въ Индiи, прибылъ оказать мнѣ милость. Нужно ли мнѣ послѣ этого хотѣть какой либо благодарности? Я стою передъ тобою какъ какой-нибудь (ერთი) рабъ, чтобы какъ рабъ быть тебѣ покорнымъ».

Такимъ же „покорнымъ рабомъ“ является въ отношенiи витязей Автандила и Фридона витязь Тарiелъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и Руставскiй поэтъ въ стихѣ о нихъ: „о трехъ свѣтилахъ, исполинахъ-богатыряхъ, покорныхъ другъ другу какъ рабы“ [1]).

Ключъ подобной рабской преданности другъ другу въ томъ, что они витязи-побратимы или витязи-присяжные братья, словомъ, собратья-витязи, по-грузински—„mokme“.

Яркiй примѣръ употребленiя მოყმე mokme въ значенiи собрата-витязя (рыцаря) имѣемъ въ извѣстной элегiи, попавшей въ *Оды*: VI, 3, 1—4. Въ ней поэтъ пишетъ:

ჩემსა მოყმესა, ლომთა მოძმესა, ვინ არად უჩნდის სახლი და კარი	„Мой „mokme“, собратъ львовъ, тотъ, кто ни во что не поставилъ «дома и порога»“, т. е. тотъ, кто пренебрегъ роднымъ пепелищемъ [2]).

Очевидно, влюбленный поэтъ, значитъ, самъ „Kma“-рыцарь, говоритъ не о вассалѣ своемъ, а о собратѣ-рыцарѣ или -витязѣ.

1) 9, 4.
2) ср. прежнiй переводъ (*Оды*, стр. 43).

Такъ-то მოყმე mokme употребляется и безотносительно въ значеніи витязя (рыцаря), и слову спеціально присуще это значеніе. Изъ историка Тамары приведено нами достаточно примѣровъ [1]),

Любопытенъ слѣдующій случай въ *Одахъ* (XI, 20, 1—4):

მოყმე სვიანი
იესიანი
ლაშა აქებნა
ლხინად და შვებად

„[Давидъ Тамарѣ] подарилъ на радость и утѣшеніе сына Лашу изъ рода Іессея, счастливаго витязя (mokme)“.

Въ такомъ же общемъ значеніи Шота употребляетъ его въ романтической поэмѣ. Уѣхавъ изъ своего укрѣпленнаго города, царь духовъ „kаджʻ“овъ, по словамъ Шоты (1219,3), „оставилъ дома храбрѣйшихъ «mokme», т. е. витязей (рыцарей):

ქვე დაუყრის მოყმები, ვინც უფრო გულოვანია [2]).

Таріелъ названъ при первомъ своемъ появленіи „mokme“ (84,1):

ნახეს უცხო მოყმე ვინმე, ჯდა მტირალი წყლის პირსა

„Увидѣли какого-то витязя (рыцаря) изъ чужихъ странъ: онъ сидѣлъ на берегу рѣки и плакалъ“.

Асма говоритъ „kma“ Автандилу (253,2):

«ხარ უცილოდ კარგი ვინმე მოყმე, ბრძენთა საქებარი»

«Безспорно ты—нѣкій прекрасный витязь (рыцарь: mokme), достойный похвалъ мудрецовъ».

Про Автандила Фатима пишетъ Нестандареджанѣ (1250,1—3):

«მოსრულა შენად საძებრად მისი ძმად შეფიცებული,
ავთანდილ, მოყმე არაბი, არაბეთშიგან ქებული,
სპასპეტი როსტან მეფისა, ვერ ვისგან დაწუნებული».

«Прибылъ въ поискахъ за тобою присяжный братъ его (Таріела), безупречный Автандилъ, арабскій витязь (рыцарь), прославленный въ Аравіи, военачальникъ царя Ростевана».

Таріелъ, описывая встрѣчу съ царемъ Фридономъ, говоритъ (576,1):

ზახილი მესმა, შევხედენ: მოყმე ამაყად ჰყიოდა.

„Заслышалъ я крикъ, оглянулся: гордо взывалъ витязь (рыцарь: mokme)“.

Про того же Фридона Таріелъ сообщаетъ (596,4):

---

1) см. § 4, стр. XII. Къ mokme перешло и первоначальное значеніе kma, и потому Шота употребляетъ его также въ значеніи *отрока, юноши* (752,3: მოყმენი თუ ყრმა ბერნი, 781,3: მოყმე და მეცოვანი).

2) см. также 1277,3.

აწ გითხრა ომი მოყმისა, მებრძოლთა დამსაჯ არისა

„Теперь я разскажу, какъ воюетъ [этотъ] витязь (рыцарь: mokme), (какъ) наказываетъ соперниковъ“.

Кое-гдѣ ярко выступаетъ разница между терминами ყმა kma, носящимъ въ себѣ и моментъ связи съ сузереномъ, и მოყმე mokme, обозначающимъ самодовлѣющаго витязя или рыцаря, такъ напр. 971, гдѣ Автандилъ говоритъ:

«მე ვარ ყმა როსტენ მეფისა, მოყმე არაბეთს ზრდილობით,
დიდი სპასპეტი, სახელად მიკმობენ ავთანდილობით,
მე დიდებული დიდ-გვართა, ზრდილი მეფეთა შვილობით,
საკრძალავი და უკადრი, მეოფი არვისგან ცილობით».

«Я—витязь-вассалъ (kma) Росте⌈ва⌉на, рыцарь (mokme), взращенный въ Аравіи, великій военачальникъ: зовутъ меня Автандиломъ. Я — знатенъ, [происхожу] изъ великаго дома, воспитанъ какъ царскій сынъ, внушаю страхъ и взыскателенъ: никто не сравнится (*букв.* поспоритъ) со мною».

§ 6. Въ болѣе древнихъ памятникахъ свѣтской литературы въ такомъ значеніи вм. ყმა kma или მოყმე mokme находимъ ჭაბუკი ṭabuk-i, такъ напр. въ *Амирандареджаніани*, гдѣ впрочемъ встрѣчается и „kma“:

a) I, стр. 10, 5-6.

სავარ-სიმიძეს [1]) გამორჩეულს ჭაბუკს გიბრძანებს

„Велитъ тебѣ, превосходному (*букв.* отборному) витязю (рыцарю) Савар-Симидзе.

b) V, 32, 21-23.

მივედით იამანის [2]) ჭაბუკსა თანა. გამოგვეგება წინა იამან ჭაბუკი, კაცი ბერი, მშვენიერი

„Пріѣхали мы къ витязю (рыцарю), Іаману. Вышелъ къ намъ на встрѣчу витязь (рыцарь) Іаманъ, прекрасный старецъ“.

c) Когда витязь Носаръ Нисрскій убиваетъ „точно кошку“ огромную птицу величиною въ слона однимъ ударомъ меча, высказывается мнѣніе (стр. 30,23): „хотѣлось бы знать, есть [3]) ли еще на лицѣ земли другой ṭabuk, подобный ему?“

---

1) въ изд. Чичинадзе სავარსამიძე *Савар-Самидзе.*

2) въ изд. იამნსა.

3) въ изд. ორისმცა вм. არისმცა.

Представленіе о ṭabuk'ѣ какъ о своего рода рыцарѣ, о доблестномъ лицѣ съ извѣстнымъ кодексомъ правилъ чести, у грузинъ существовало, повидимому, еще въ VIII—IX-мъ вѣкѣ. Зенонъ, сынъ выдающагося жителя области Самцхэ, впослѣдствіи извѣстный подвижникъ, по *Житію Григорія Хандзтійскаго* 1) разъ рѣшилъ-было отмстить какому-то лицу за поруганную честь сестры. И когда онъ, вооружившись гнался за нимъ верхомъ, по пути сталъ соображать: „я—витязь (ṭabuk) именитый, а кого я преслѣдую, совсѣмъ простое лицо (*букв.* весьма презрѣнъ); если догоню его и убью, то соблазнъ для моей души, если же вернусь домой ни съ чѣмъ, позоръ для меня“.

Съ тѣмъ же значеніемъ ჭაბუკი ṭabuk-i встрѣчается въ значительно болѣе позднихъ произведеніяхъ. Про Захарію Варданис-дзе, оставшагося вѣрнымъ Тамарѣ, историкъ царицы пишетъ (стр. 295), что онъ

იგი კაცი ერთ-გული იყო და ჭაბუკი გამოცდილი	„былъ преданный человѣкъ и закаленный [въ бою] витязь (ṭabuk-i) 2).

Передъ тѣмъ, какъ сообщить о „побѣдѣ витязей (mokme-ϑa) Тамары“ 3), тотъ же историкъ, описывая само сраженіе, говоритъ 4):

შეიქმნა ომი ვითა ხვდებო-და რჩეულებასა იმერთა და ამერთა მოყმეთასა, რომელი კმა იყო ძველთა-განცა გოლი-ათთა და ჭაბუკთა ომად.	„завязался бой, какъ подобало превосходнымъ качествамъ „имер“овъ и „амер“-овъ 5). Такой бой сдѣлалъ бы честь и древнимъ голіаѳамъ и витязямъ (ṭabuk-ϑa)“.

Его знаетъ, конечно, и Шота изъ Рустава, напр. Автандилъ, собираясь переодѣться купцомъ, проситъ хозяевъ товара, спасеннаго имъ отъ разбойниковъ (1036,2):

«თვით თავადის ჩვენი», სთქვით, «ნუ მიკმობთ ჭაბუკობასა»
„Говорите, что я — глава вашъ. Не называйте меня ṭabuk'омъ“,
т. е. витязомъ или рыцаремъ.

---

1) XII, 15 сл.

2) или „испытанный [въ бояхъ] витязь“. Brosset переводитъ (стр. 425—426): „loyal serviteur, *héros* exercé dans les combats“.

3) см. § 4, стр. XII.

4) стр. 295.

5) т. е. „«по-ту-стороннихъ» (западныхъ) и «по-сію-стороннихъ» (восточныхъ) [грузинъ]“.

Таріелъ и Автандилъ дарятъ доспѣхи „Фридону, прославленному въ качествѣ ṭabuk'a", т. е. витязя (рыцаря): ფრიდონს ჭაბუკად ქებულსა (1359,4).

Про всѣхъ трехъ, Таріела, Автандила и Фридона, авторъ говоритъ (1385,1):

> იგი ჭაბუკნი შუქითა ვნახენ მზისაცა მეტითა
>
> „я видѣлъ этихъ витязей или рыцарей (ṭabuk-ni), сіявшихъ лучами сильнѣе солнца".

Не разъ у Шоты ჭაბუკი ṭabuk-i употребляется рядомъ съ ყმა kma. Въ 1015,2 пріободренные Автандиломъ купцы про него:

> თქვეს: «ყმა ვინმე, ჭაბუკი, არ ჩვენებრივე რიდითა
>
> „сказали: «[этотъ человѣкъ] не остерегается подобно намъ (пиратовъ); [очевидно,] онъ—какой-либо „kma", [онъ—] „ṭabuk"», т. е. онъ—какой-либо витязь (рыцарь)[1]).

Царь Фридонъ, какъ мы видѣли, нѣсколько разъ названъ „kma"[2]); ему же, истекавшему кровью отъ раны, нанесенной соперниками, Таріелъ говоритъ (580,1—2):

> ....«დადეგ, დაწყნარდი, გარდავჴდეთ ძირთა ხეთასა!
>
> არ შეუდრკების ჭაბუკი კარგი მახვილთა კვეთასა».
>
> «.....стой, успокойся, слѣземъ подъ дерево! Прекрасный рыцарь (ṭabuk-i karg-i) не робѣетъ, когда наносятъ рану мечемъ».

Такъ какъ მოყმე mokme *собратъ-витязь (рыцарь)* появляется часто и безотносительно въ значеніи вообще *витязя (рыцаря)*, то у Шоты словомъ ჭაბუკი ṭabuk-i въ 1221,1—2, въ описаніи потайного хода въ крѣпость царя „ќадж"овъ, замѣняется рядомъ стоящее მოყმე mokme:

> გვირაბის კარსა ნიადაგ მოყმე სცავნ არ პირ-ნასხები:
>
> ათი ათასი ჭაბუკი დგის, ყველაკაი ხასები.
>
> „У дверей потайного хода на стражѣ находятся постоянно прекрасноликіе витязи (mokme): стоятъ десять тысячъ витязей (ṭabuk-i), всѣ они придворные"[3]).

Эти „kma", составлявшіе классъ витязей или рыцарей, носили особый костюмъ, называвшійся საჭაბუკო sa-ṭabuk-o, т. е. *„чабук"скій, рыцар-*

---

1) Кстати, выраженіе одного понятія двумя синонимами весьма обычно у Шоты.

2) см. стр. XVI.

3) см. еще 1368,1.

скій. У Шоты читаемъ (1234), что, достигнувъ цѣли, нарядившійся купцомъ витязь

ავთანდილ სთქვა: «საქმე ჩემი გავაცხადო ამა დღესა».
სამოსისა ვაჭრულისა ცმა აქამდის დაეწყესა,
მას დღეს ყოვლი საჭაბუკო შეიმოსა ტანსა მგნესა,
მოიმატა დაშვენება, დაემსგავსა ლომი მზესა

„Автандилъ сказалъ: «сегодня я открою свое дѣло». Доселѣ имъ рѣшено было одѣваться въ купеческую одежду, въ этотъ же день онъ свой доблестный станъ облекъ во все рыцарское (saṭabuko) и прибавилъ себѣ красоты: левъ уподобился солнцу".

Терминъ saṭabuko *рыцарскій*, опредѣляющій сословный костюмъ, образованъ по аналогіи съ სავაჭრო savaṭro, какъ названа купеческая одежда въ 1036,3: მე სავაჭროსა ჩავიცვამ *я одѣнусь по-купечески*.

Наконецъ, какъ при „ḱma" или „moḱme" появляется эпитетъ ornans კარგი (напр. 1164,2: კარგი ყმა karg-i ḱma въ приложеніи къ царевичу, сыну Хваразмшаха, 253,2: კარგი მოყმე karg-i moḱme), такъ имѣемъ კარგი ჭაბუკი karg-i ṭabuk-i (580,2) *добрый* или *прекрасный витязь, рыцарь*.

§ 7. Лингвистически грузинскій терминъ ჭაბუკი ṭabuk-i тождественъ съ перс. جابك или جابوك, но лишь по формѣ, не по содержанію. جابك по-персидски значитъ *быстрый; ловкій; изящный*. Только послѣднія два значенія („ловкій", „изящный") свидѣтельствуютъ, что съ этимъ словомъ и въ персидскомъ связывалось, пожалуй, представленіе о рыцарскихъ качествахъ [1]).

На грузинскомъ ჭაბუკი ṭabuk-i первоначально встрѣчается со значеніемъ *отрока, юноши*, такъ напр. *Быт*. 25, 27 [2]), и съ такимъ значе-

---

1) В. В. Бартольдъ напомнилъ мнѣ созвучный терминъ جموك *джамукъ* [въ моей транскрипціи: ḓamūk], встрѣчающійся въ значеніи аристократовъ у бухарцевъ и у тюрковъ (В. Бартольдъ, *Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія*, СПб. 1900, ч. II, стр. 183, прим. 3). Сохранили терминъ Нершахи (изд. Ch. Schefer, Paris 1892, стр. ٥,18-19) и Табари (т. II, стр. ١٦١٣,12-13). По объясненію Табари, это „знатные люди у турокъ" (من عظماء الترك); у Нершахи читаемъ, что „на бухарскомъ языкѣ ḓamūk значитъ драгоцѣнный камень" и „ḓamūk называютъ того, кто — знатенъ". Въ изданіяхъ обоихъ историковъ слово напечатано съ ج безъ точки — حموك hamūk: исправленіе въ جموك ḓamūk принадлежитъ проф. Бартольду. Если перс. جموك ḓamūk представляетъ діалектическую разновидность нашего ṭabuk (перс. ǯābūk), то значеніе „драгоцѣнный", какъ бы „знатный" или „благородный камень", придется признать вторичнымъ.

2) ჭაბუკნი, въ параллельныхъ текстахъ: евр. הַנְּעָרִים, сир. ܛܠܝ̈ܐ, арм. մանկունք, греч. οἱ νεανίσκοι.

ніемъ оно сохраняется до новѣйшаго времени въ литературѣ. По всей видимости, отъ такого первоначальнаго значенія выработался и чисто-грузинскій терминъ для выраженія витязя или рыцаря. Слово ქმა kma, какъ мы видѣли[1]), не теряло смысла *отрокъ*, *юноша* и позднѣе; таково и основное его значеніе: ქმა kma, полнѣе ქრმა krma представляетъ перемѣщенный видъ (ktla вм. ktal) формы *ქრამ *kram отъ трехзвучнаго корня krm. Въ сложеніи съ წვილი ṫvil-i[2]) въ значеніи опять таки *мальчика* рядомъ съ ქრმაწვილი krma-ṫvil-i, resp. ქმაწვილი kma-ṫvil-i діалектически появляется форма съ „перескокомъ“ r: ქმარ-წვილი kmar-ṫvil-i[3]). Первоначальная грузинская, resp. картская форма *kram въ тубал-каинской группѣ должна была звучать *ḳorom, что и предлежитъ въ качествѣ заимствованія въ древне-армянскихъ словахъ: a) կորովի korov-i (<*ḳorom-e) *доблестный*, *мощный*, *ловкій*, *искусный* и b) ճոռոմ ṭorom (<*ḳorom) *изящный*, *щегольской*. Такимъ образомъ древне-армянскій языкъ сохранилъ точныя тубал-каинскія соотвѣтствія груз. krma (*kram) исключительно съ позднѣйшимъ значеніемъ характерныхъ признаковъ витязя или рыцаря. Яфетическому корню krm въ свою очередь соотвѣтствуетъ сем. klm (ğlm): евр. עֶלֶם *зрѣлый юноша*, арб. غُلَام *мальчикъ*, *юноша; слуга*, *рабъ*, *пажъ*[4]).

И въ грузинскомъ, какъ семитологи объясняютъ евр. עֶלֶם, слово собственно означаетъ *зрѣлый* въ половомъ отношеніи *отрокъ*, *юноша* въ противоположность такой же *дѣвушкѣ*. Въ связи съ этимъ значеніемъ находится употребленіе слова и у Руставскаго поэта въ смыслѣ лица мужского пола или вообще для обозначенія пола, какъ въ грузинскомъ теперь употребляется ვაჟი vaj-i или ბიჭი biṭ-i, напр.

---

1) § 4, стр. X—XI.

2) წვილი ṫvil-i также подлинно грузинское слово, означающее „мальчикъ“; самостоятельно оно встрѣчается въ формѣ ktul: წული ṫul-i (<*ṫvul-i) *мальчикъ*, *отрокъ*, *сынъ*; и первое слово въ формѣ ktil, и второе — въ формѣ ktul происходятъ отъ яфетическаго корня ṫvl, точнаго соотвѣтствія семитическаго k̇wl (съ перебоемъ ṫ въ k̇), откуда евр. עֲוִיל *ребенокъ*, *малецъ*, עוּל *питомецъ*, *мальчикъ*, сир. ܥܘܠܐ *ребенокъ* (*Iul. der Abtr.*, 247,11).

3) ср. ღმერთი ğmer-Ә-i вм *ğrm-eӘ-i (Н. Марръ, *Объ яфетическомъ k̇ въ армянскомъ*, ЗВО, т. XIX (1910), стр. 0159).

4) Любопытно, что слово kma въ грузинскомъ (*Груз. лѣтописи*, списокъ царицы Маріи, стр. 410,1) также означаетъ *пажа*, какъ выясняетъ И. А. Джаваховъ въ печатающемся имъ трудѣ ქართული სამართლის ისტორია (глава „დარბაზობა“); при этомъ значеніи оно сочетается съ დარბაზი darbaz-i *дворецъ*: დარბაზის ქმანი darbazis kmani *придворные пажи*.

63,2. ღმერთმან არ მომცა ყმა-შვილი, ვარ სწუთროსა თმობითა

„Богъ не далъ мнѣ сына[1]), [и] я страдаю въ этомъ мимолетномъ [мірѣ].

492,3. ყმა არ მოგვცა, ქალი გვივის, ვისგან შუქი არ გვაკლია

„Богъ не далъ намъ мужского [наслѣдія], у насъ [лишь] [потомство] женское, щедро разсыпающее лучи“.

1444,4. აჴა მიჴვდეს შესაფერნი ყმა ქალსა და ქალი ყმასა

„И вотъ дѣвушкѣ достался юноша и юношѣ дѣвушка, оба достойные другъ друга“.

Собственно надѣленіе *отрока* или *юноши*, какъ молодого носителя „мужского“ начала, качествами доблести — общераспространенное явленіе; такъ въ самомъ грузинскомъ теперь въ значеніи *доблестнаго мужа* употребляется ვაჟ-კაცი vaj-kaϑ-i букв. *человѣкъ-отрокъ*[2]). Однако дѣло не въ этомъ, а въ дальнѣйшемъ осложненіи понятія рыцарскими качествами, въ перерожденіи его въ выразителя особаго культурно-общественнаго типа.

Можно бы еще сослаться на другой совершенно аналогичный примѣръ въ персидскомъ языкѣ, гдѣ слово جوان مرد *молодой человѣкъ* получило значеніе *великодушнаго*, *щедраго*, *благороднаго*, какъ бы характерныхъ признаковъ рыцаря[3]). Но насъ въ данномъ случаѣ интересуютъ не слова сами по себѣ, а жизненная подкладка ихъ семасіологическаго развитія, исторія такого общественнаго явленія какъ „k̇ma“ *витязь* или *рыцарь*. Въ какомъ отношеніи оно находится къ грузинскому политическому термину „k̇ma“ *вассалъ?* Имѣемъ ли въ нихъ отложенія исторической жизни одного и того же института, или здѣсь сошлись въ извѣстную эпоху два явленія общественной жизни, каждое съ своею особою исторіею зарожденія? При пер-

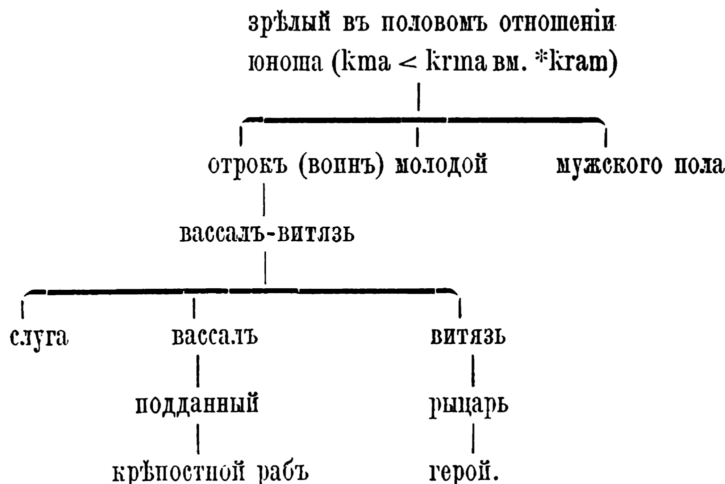
---

1) букв. „дитяти мужского пола“: k̇ma-шvil-i. Въ грузинскомъ сознаніе грамматическаго рода утрачено, и шvil-i можетъ обозначать и *сына*, и *дочь*. ყმა-შვილი правильно истолковано еще г. Каричашвили (ц. с., стр. 266).

2) Въ народныхъ пѣсняхъ пшавовъ этимъ терминомъ также называется герой (ვაჟური ლექსები, ц. изд., стр. 131): „героя (vaj-kaϑ-sa)“, говорится въ нихъ, „украшаютъ щитъ и мечъ (ფარი და ხმალი)“; терминъ въ пшавскихъ пѣсняхъ звучитъ часто и проще: ვაჟი vaj-i (ц. с., стр. 81,1, 84,5 et pass.); отсюда ვაჟობა vaj-ob-a *молодчество*, *геройство* въ тѣхъ же пшавскихъ пѣсняхъ (ц. с., стр. 81,8,14, 82,8 et pass.). О точномъ значеніи ვაჟი vaj-i см. выше. Слово ვაჟი vaj-i въ значеніи *юноши* попадается и въ *Барсовой кожѣ* (16,3,5).

3) Это персидское слово и имѣемъ въ грузинскомъ ჯომარდი ǯomard-i (< ǯon-mard-i) *доблестный* (Орб. ქველი), *ловкій*, *проворный* (Чуб.).

вомъ рѣшеніи вопроса таблицу послѣдовательности семасіологическаго развитія слова можно бы изобразить такъ:

Развитіе слова съ первоначальнымъ значеніемъ *отрокъ, лицо мужского пола*, одновременно въ двухъ направленіяхъ, въ сторону *службы (слуга, вассалъ, подданный, крѣпостной рабъ)* и въ сторону *молодчества* или *геройства (витязь, рыцарь, герой)*, въ зачаточной степени наблюдаемъ и на другомъ примѣрѣ изъ грузинскаго же языка, именно ბიჭი biṭ-i *отрокъ, лицо мужского пола*[1]) значитъ: 1) *молодецъ*, напр. რა ბიჭია *какой онъ молодецъ*, კარგი ბიჭი *славный молодецъ* (вульгарно: *прекрасный парень)*, 2) *слуга*.

Въ такомъ случаѣ едва ли было бы основаніе искать возникновеніе грузинскихъ „вассаловъ" въ надѣленіи ихъ земельными угодіями[2]).

При второмъ рѣшеніи, съ одной стороны, *слуга, вассалъ, подданный, крѣпостной рабъ* и, съ другой, *витязь, рыцарь, герой* могли бы представить двѣ независимыя другъ отъ друга генеалогическія линіи, соприкасающіяся въ одной точкѣ, именно въ той, что въ извѣстную эпоху вассалы стали совмѣщать въ себѣ витязей, взращивать въ своей средѣ рыцарскія качества.

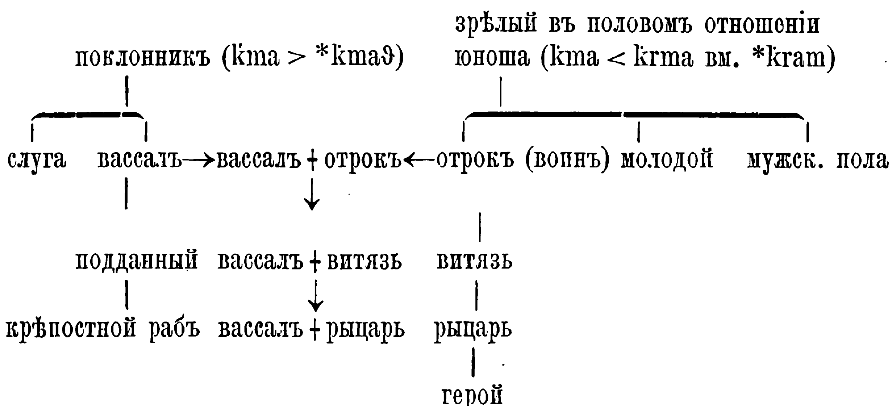
Лингвистическіе матеріалы не исключаютъ возможности, что созвучіе ყმა kma *отрокъ, витязь, рыцарь, герой* и ყმა kma *слуга, вассалъ*,

1) см. выше, стр. XXXIV.

2) Я здѣсь избѣгаю всякихъ сближеній, въ частности съ феодализмомъ въ Европѣ. Пока сближенія несвоевременны. Мимоходомъ лишь отмѣчу, что по мнѣнію Jacques Flach: „La concession du sol n'est ni l'élement principal ni l'élement essentiel de la féodalité" (*Les origines de l'ancienne France*, Paris 1893, II, стр. 494).

рабъ — случайное: k̇ma, resp. k̇rma *отрокъ*, какъ было показано (стр. XXXIV), происходитъ отъ трехзвучнаго яфет. корня k̇rm, что̀ въ семит. звучитъ klm (ğlm) и означаетъ также *отрока*; k̇ma *слуга* можно бы счесть за обычный усѣченный видъ полной формы (ktal) *k̇maϑ отъ трехзвучн. корня k̇mϑ, что̀ прекрасно отожествляется съ сем k̇bd, отъ котораго — глаголъ араб. عبد *поклонялся, служилъ*, араб. عَبْد *слуга, рабъ*, евр. עֶבֶד *рабъ, крѣпостной* [1]).

Таблица семасіологическаго развитія интересующихъ насъ понятій во второмъ случаѣ получилась бы иная:

Явленіе, аналогичное разсмотрѣнному рыцарству, могло быть и въ Персіи, и тѣмъ не менѣе есть основаніе думать, что въ древней Грузіи рыцарь „k̇ma" или „ṭabuk-i" — продуктъ мѣстной жизни, родной институтъ, а не запосное культурно-соціальное понятіе, съ которымъ грузины знакомились лишь въ литературныхъ памятникахъ, переводахъ съ персидскаго. Вопросъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

§ 8. Какъ рисовался цѣльный типъ „k̇ma", resp. „mok̇me" или ṭabuk" въ народномъ представленіи древнихъ грузинъ, мы не знаемъ.

Народъ, надо думать, ихъ любилъ и воспѣвалъ въ своихъ пѣсняхъ. Задолго до Шоты грузины слагали пѣсни даже о чужихъ богатыряхъ, какъ напр.

---

1) Семитологи на первомъ мѣстѣ ставятъ значеніе *служить* и первоначальное значеніе готовы толковать въ смыслѣ *притѣснять, подчинять*. Въ евр. тотъ же корень значитъ *работать, трудиться*; въ яфетической вѣтви у корня находимъ тождественное значеніе, но самъ корень при этомъ дифференцированъ, сохранивъ впрочемъ трехзвучность: яфет. корень звучитъ ğvṫ (‖ сем. kbd), отсюда: груз. იღვწის iğvṫ-is *работаетъ, трудится, подвизается*, ღვაწლი ğvaṫ-l-i *трудъ, подвигъ*.

объ армянинѣ Ваһрамѣ-Паһлавуни, котораго они воспѣли какъ полубога[1]). Термины „kma“ и „mokme“ въ значеніи витязя-героя до сихъ поръ сохранились въ народныхъ грузинскихъ пѣсняхъ, такъ напр. у пшавовъ[2]); сохранился даже терминъ კარგი ქმა karg-i kma *прекрасный витязь*[3]). Современный грузинскій поэтъ Важа-Пшавела посвятилъ цѣлое стихотвореніе этому „karg-i kma“, въ народномъ произношеніи „ka-i kma“: оно сложено на народный „хевсурскій мотивъ“[4]). Чрезвычайно любопытно для насъ, что у пшавовъ и хевсуровъ эти витязи-герои, kma, resp. mokme или еще vaj-kaϑ-i также вступали другъ съ другомъ въ „присяжное братство“; для заключенія этого побратимства существовалъ особый обрядъ присяги, называемый ფიც-ვერცხლი ϕiϑ-veϑql-i букв. *присяга на серебрѣ* или *клятва на серебрѣ*: витязи-герои, братаясь другъ съ другомъ, выпивали вина или водки, наскобливъ туда предварительно серебра, и послѣ этого не могло быть мѣста нарушенію клятвы или какому либо предательству[5]). Исконнонародный характеръ термина krma *витязь* доказывается тубал-кайнскимъ его эквивалентомъ ḳorov-i, который сохраненъ древне-армянскимъ (§ 7, стр. XXXIV): онъ встрѣчается въ текстѣ, восходящемъ къ народному эпосу[6]). Изъ народныхъ же грузинскихъ сказаній, вѣроятно, усвоилъ Руставскій поэтъ и такой чисто грузинскій эпическій терминъ какъ გმირი gmir-i *исполинъ-богатырь*. Дѣло будущихъ правильно поставленныхъ изысканій выяснить, какіе элементы вносилъ Шота въ свое твореніе изъ подлинно народной сокровищницы. Но написанные его кистью образы— „mokme“ и „ṭabuk“—не народные, а современные герои лишь свѣтски образованнаго общества. Культъ женщины, идеализованная любовь съ преклоненіемъ передъ нею — дѣтище его, этого изыскапно образованнаго грузинскаго общества эпохи Тамары, а не народныхъ массъ. Въ витязяхъ „kma“, resp. „mokme“ или „ṭabuk“ахъ, какъ ихъ изобразилъ Шота изъ Рустава,

1) *դիւցազն*, см. Н. Марръ, *Грузинскій изводъ сказки о трехъ остроумныхъ братьяхъ изъ „Русуданіани“* (Восточныя замѣтки, 1895, стр. 228), теперь подлинный текстъ въ изд. К. Костанянца, **Գրիգոր Մագիստրոսի Թղթերը**, Александрополь 1910, стр. 40.

2) ц. изд., стр. 18,3 (mokme), 6 (kma), 97,1 (mokme) et pass.

3) ср. § 6, стр. XXXIII, и ხალხური ლექსები, ц. изд., стр. 139,1 (karg-i kma), 168,1 (ka-i kma), ср. И. Чконія, სიტყვის-კონა, подъ ქმა.

4) „კაი ქმა ხევსურულ კილოზე“, газ. Дроэба, 1909, № 153. На интересное стихотвореніе поэта Важа-Пшавела обратилъ мое вниманіе студентъ Ак. Шанидзе.

5) И. Чконія, სიტყვის-კონა, s. v.

6) Анонимъ у Себеоса (изд. К. Патканова, стр. 3,4, 6,9): *կորովի աղեղամբ доблестный лукомъ*, М. Хоренскій (I, 11, Тифлисъ 1881, стр. 36): *որք կորովիք էին յաղեղն եւ ի սուսեր были мужи доблестные лукомъ и мечемъ*“.

грузинское общественное представленіе XII—XIII-го вѣка и видѣло все «самое цѣнное и самое высокое въ человѣкѣ».

Отсюда ясно, что любовникъ долженъ быть такимъ же „kma“ или mokme, такимъ же ṭabuk'омъ или, говоря привычными намъ терминами, такимъ же витяземъ или рыцаремъ. Онъ долженъ обладать его качествами или признаками (სიკმე sikme), т. е. всѣми достоинствами «современнаго героя». Когда отъ любовника требуется (14, 1—4) „обладать изысканно красивой внѣшностью“, „сіять какъ солнце“ и „быть щедрымъ“ и т. п., то это именно тѣ качества, которыми надѣлены „добрые“ или „прекрасные витязи“ (კარგნი მოყმენი karg-ni mokme-ni), напр. царь Фридонъ (950, 2, 4), „витязь (mokme) доблестный, щедрый, сильный, стремглавъ вскакивающій на коня“, „похожій на лучи [солнца], разстилающіеся съ неба“. Отъ него, влюбленнаго витязя или рыцаря, также требуется „побѣждать всесильныхъ противниковъ“ [1]), но на службѣ у возлюбленной, относиться къ ней съ почтеніемъ и благоговѣніемъ, даже рискуя царскимъ гнѣвомъ [2]).

Витязь въ барсовой кожѣ даетъ яркую иллюстрацію, какъ коллизія чувствъ преданности суверену и возлюбленной разрѣшается въ пользу послѣдней, при томъ въ довольно рискованной для чести героя формѣ. Таріелъ, рискуя возбудить гнѣвъ индійскаго царя, рѣшается убить соперника-царевича, пріѣхавшаго въ гости въ качествѣ жениха по приглашенію. Впрочемъ убійство надлежало совершить путемъ „праведнымъ“, щадя кровь невинныхъ. Сама возлюбленная дала такой наказъ (526, 3—4)—

«რა მოვიდეს, სიძე მოჰკალ, მათთა სპათა აუწყვედლად:
ქმნა მართლისა სამართლისა ხესა შეიქმს კმელსა ნედლად».

«Когда прибудетъ женихъ [твой соперникъ], убей его, но не истребляй его войска: когда творятъ правый судъ, сухое дерево и то зеленѣетъ“.

§ 9. Конечно, было бы желательно знать, какъ была трактована любовь въ персидскомъ подлинникѣ *Витязя въ барсовой кожѣ.* Ссылкою на повѣсти романтическую въ стихахъ о Висѣ и Раминѣ и героическую о Баhрамѣ вопросъ отнюдь не рѣшается. Ю. И. Абуладзе противопоставляетъ [3]) любви по представленію творца *Барсовой кожи* любовь по представленію Гурганскаго поэта, автора *Вис-о-Рамин*, въ грузинской литера-

1) 14,3. მძლეთა შემძლეთა მძლეობა.

2) 13,4.

3) ц. с., стр. 97—93.

турѣ извѣстнаго подъ названіемъ *Вис-Раміани.* Но вопросъ въ томъ и состоитъ, возникло ли такое различіе въ трактовкѣ любви на грузинской почвѣ, или такъ обстояло дѣло и на персидской родинѣ обоихъ произведеній. Вѣдь ни персидскій подлинникъ *Витязя въ барсовой кожѣ*, ни даже прозаическій грузинскій его переводъ, который и «былъ переложенъ въ стихи» Шотою изъ Руставa, до насъ не дошелъ и намъ неизвѣстенъ? [1]).

Персидской литературѣ отнюдь не чужда идеализація любви; въ ней цѣлый отдѣлъ романтическихъ поэмъ, современныхъ эпохѣ Тамары, а также предшествовавшихъ ей. Конечно, фактъ тотъ, что не всѣ персидскія произведенія этого рода дошли до насъ. Свѣдѣнія о нихъ имѣются и въ древней грузинской литературѣ. Грузинскія свѣдѣнія представляютъ интересъ, какъ увидимъ въ свое время, и для вопроса о *Витязѣ въ барсовой кожѣ.* Пока на очереди преумноженіе ихъ и всего того, что можетъ служить къ правильному пониманію наличныхъ данныхъ. Но, увы, куда намъ до преумноженій!.... Въ *Барсовой кожѣ* разсказывается о любовныхъ мукахъ

---

1) Когда Ю. И. Абуладзе въ заключеніи своей работы пишетъ (ц. с. стр. 111), что „та [персидская повѣсть] была «прозаически изложена», а эта [поэма Шоты] — „нанизанный жемчугъ»", т. е. изложена въ стихахъ, то съ этимъ нельзя не согласиться. Это и есть то, что высказывали мы и продолжаемъ утверждать. Въ этомъ отношеніи никакой перемѣны въ первоначальномъ взглядѣ моемъ на дѣло не происходило. Но когда далѣе тотъ же Ю. И. Абуладзе утверждаетъ, что „та [персидская повѣсть] была скелетомъ, а эта [поэма Шоты] — высшее и прекраснѣйшее произведеніе генія", то такое утвержденіе въ первой своей части, въ отношеніи персидской повѣсти, пока является предвзятымъ мнѣніемъ, ни на чемъ не основаннымъ, такъ какъ прежде всего отнюдь не доказано, что Руставскій поэтъ взялъ лишь краткій сюжетъ изъ персидскаго подлинника; наоборотъ, насколько пока изслѣдованъ вопросъ, все клонится къ подтвержденію того, что Шота говорилъ правду, когда себѣ приписывалъ честь «стихотворнаго переложенія» (ლექსად გარდავთქვი или, какъ у насъ, ლექსად გარდავთქვა). Вопросъ иной, какого характера было это «стихотворное переложеніе», я бы сказалъ, «претвореніе» или, что̀ тоже, «поэтическое творчество» Шоты? Что оно вносило новаго? Надъ выясненіемъ этого вопроса и приходится теперь работать. Но если бы грузинскій поэтъ использовалъ лишь фабулу изъ извѣстной въ его время повѣсти, то развѣ этимъ доказывалось бы что-либо по вопросу о достоинствѣ персидскаго подлинника? Персидскій подлинникъ до насъ не дошелъ вовсе. О персидскомъ подлинникѣ собственно не высказывается и наиболѣе освѣдомленное лицо, самъ Шота: онъ говоритъ лишь про грузинскій прозаическій переводъ повѣсти, и даже объ этой грузинской прозаической версіи Руставскій поэтъ отзывается въ высшей степени восторженно; онъ сравниваетъ ее съ рѣдчайшею, „сиротливою" жемчужиною, предметомъ всеобщаго восхищенія. Надо думать, что та же повѣсть въ персидскомъ подлинникѣ, вѣроятно, стихотворномъ, могла выиграть, но не потерять значеніе. И когда нашъ ученикъ Ю. И. Абуладзе все-таки хочетъ насъ увѣрить (стр. 112), что она представляла собою „лишенную значенія сказку" (უმნიშვნელო ზღაპარი), то тогда остается признать побѣду всесильныхъ «національныхъ традицій» надъ скромной научной школою.

витязя Таріела. «Присяжный братъ» Автандилъ доставляетъ ему посланіе Нестандареджаны, предмета его безумной любви, и знакомую мантію. Въ душѣ Таріела, очевидно, живо встаютъ далекіе памятные образы, и любовныя муки его усугубляются. Онъ, какъ разсказываетъ поэтъ (1316—1317),

წიგნი და კიდე რიდისა იცნა და გაცაშალა მან,
პირსა დაიდვა, დაეცა ვარდმან, ფერითა მკრთალამან,
სულნი გაექცნეს, მოსდრიკნა თავნი გიშრისა ტალამან:
მისნი ვერ გასძლნეს პატიჟნი ვერ კაენ, ვერცა სალამან.

ავთანდილ უჭვრეტს ტარიელს, უსულოდ ქვე მდებარესა:
შეჰფრინდა, შველად მიჰმართა მას, ტკბილად მოუბარესა,
ვერა ვერ არგო დამწვარსა, სრულად ცეცხლ-ნადებარესა:
მისთა ნიშანთა სიცოცხლე მათ მისი მიიბარესა.

„узналъ письмо и край мантіи; раскрывъ [ихъ], положилъ себѣ на лицо, и кустъ поблекшихъ розъ (Таріелъ) свалился (безъ чувствъ): душа покинула его, стражники изъ гишера (черныя рѣсницы) склонили голову. Его терзаній не вынести бы ни Каэну, ни даже Саламану.

„Автандилъ глядитъ на Таріела, бездыханно лежащаго на землѣ (*букв.* внизу), подлетаетъ къ нему, стремясь помочь сладкорѣчивому, но ничѣмъ онъ не могъ помочь объятому цѣликомъ пламенемъ: (Таріелъ) сгорѣлъ, его душу пріяли знаки (письмо и мантія) ея (Нестандареджаны)".

Ясно, что въ 1316,4 стихѣ, гласящемъ—„его терзаній не вынести бы ни Каэну, ни Саламану", поэтъ имѣетъ въ виду какихъ-то испытанныхъ въ любовныхъ страданіяхъ, прославленныхъ героевъ. И, дѣйствительно, въ *Одахъ* эти, очевидно, извѣстные романтическіе типы также появляются въ V, 24,1 и 27,1. Въ нихъ, какъ напечатано у меня еще въ 1902-мъ году, „рѣчь о герояхъ любви Салѣ, едва-ли ветхозавѣтномъ (*Быт.* 10,24), пожалуй, Салманѣ, изъ персидскаго романа *Салманъ и Абсалъ*, и Каэнѣ, какъ будто отличномъ отъ ветхозавѣтнаго Каина, упоминаемаго въ 26,2 [въ той же одѣ]"[1]). Тогда же въ связи съ этимъ было напечатано, что для толкованія этихъ именъ „не лишне имѣть въ виду стихъ *Барсовой кожи* (1374,4 [=Карич., 1316,4]) о любовныхъ терзаніяхъ Таріела:

მისნი ვერ გასძლნეს პატიჟნი ვერ კაენ, ვერცა სალამან

1) *Оды*, стр. 68, прим. 1.

«Его терзаній не могли [бы] вынести ни Каэнъ (Каинъ), ни [даже]
Сала (resp. Саламанъ)»“ [1]).

Ю. И. Абуладзе, наоборотъ, предполагаетъ, что въ Каинѣ надо видѣть отвергнутаго мною ветхозавѣтнаго Каина, братоубійцу, а въ Салѣ— нарицательное имя სალა, resp. სალი *скала*. Въ доказательство такого пониманія Ю. И. Абуладзе ограничивается утвержденіемъ, что въ нашемъ стихѣ Шота будто хотѣлъ сказать: „не только человѣкъ, хотя бы Каинъ, но даже скала не могла бы вынести столько страданій, сколько перенесъ Таріелъ, ср. 1297,4“. Между тѣмъ,

a) болѣе чѣмъ странно съ героемъ, благороднѣйшимъ витяземъ Таріеломъ, безгранично чувствительнымъ вообще и глубоко любящимъ, сравнивать братоубійцу Каина и даже бездушную скалу, и менѣе всего могъ думать о такомъ сравненіи пѣвецъ Таріела, Шота;

b) не менѣе странно при сравненіи съ Таріеломъ отъ какого бы то ни было живого существа, хотя бы братоубійцы Каина, перескакивать къ неодушевленному предмету, не имѣющему никакого отношенія къ трепетному состоянію героя;

c) что же касается ссылки на 1297,4, то тамъ, дѣйствительно, рѣчь о скалѣ (კლდე), но въ совершенно иномъ сравненіи. Автандилъ пишетъ Фридону:

სადაცა შენ და შენი ძმა ხართ, ძნელი გაადვილდების:
რაცა მოგინდეს, უცილოდ იქმთ, იგი არ აგცილდების,
არ თუ კაცსა დაგიდგას, ვეჭვ, კლდეცა გაგიბილდების.

„гдѣ ты и твой братъ будете (вмѣстѣ), тамъ трудности облегчатся;
чего только ни захотите, вы непремѣнно совершите, (удача) васъ не минуетъ; не только человѣкъ не можетъ устоять противъ васъ, даже скала [не устоитъ, и она] размякнетъ передъ вами“.

Очевидно, это мѣсто никакой поддержки не дастъ попыткѣ собственное имя страдальца любви Салы, точнѣе Саламана обратить въ камень[2]). Съ нашимъ мотивированнымъ мнѣніемъ Ю. И. Абуладзе читателя знакомитъ въ слѣдующихъ словахъ: „въ стихѣ рядомъ съ Каэномъ упомянуто слово Сала,

---

1) *Одм*, ц. м. Въ подлинникѣ Salaman; -man можно бы принять за окончаніе дат. мѣстоименнаго, но этотъ падежъ въ собственныхъ именахъ древне-грузинскій языкъ замѣняетъ неоформленнымъ; и такъ какъ стоящее въ параллели къ нему имя Каина также не оформлено (Kaen, а не Kaenman), то и Salaman, вѣроятно, представляетъ одну неоформленную основу, а не Sala съ падежнымъ окончаніемъ man.

2) Скорѣе можно бы сослаться на 330,4, гдѣ по крайней мѣрѣ стоитъ само слово სალი sal-i *скала*, но и это мѣсто не имѣетъ отношенія къ обсуждаемому стиху.

которое по ошибкѣ считаютъ собственнымъ именемъ: какимъ то Салой“ [1]). На дѣлѣ же объ этомъ «какомъ то Салѣ» грузинскій одописецъ говоритъ (V, 24):

სალ⌈მ⌉ა⌈ნ⌉ს სალმობად უჩნს სჳე და ლმობად სხვათათვის ხელქმნა ლხინ-უნახყვად.	„Салѣ, resp. Салману собственная судьба кажется (однимъ) терзаніемъ и болѣзнью; [онъ раскаивается], что лишился разсудка (отъ любви) изъ-за другихъ [,а не изъ-за тебя, Тамары]“.

Можно еще спорить, кого подъ этимъ Салою или Салманомъ слѣдуетъ подразумѣвать, Салмана изъ персидской поэмы *Салманъ и Абсалъ* [2]), или героя другого произведенія, но, что здѣсь рѣчь о живомъ лицѣ, сомнѣваться нельзя. Далѣе въ той же одѣ все еще продолжается любопытный перечень прославленныхъ въ восточномъ мірѣ героевъ любви, которые, по мнѣнію одописца, раскаиваются, что любовныя терзанія переживали изъ-за другихъ, а не изъ-за Тамары. Здѣсь-то двѣ строфы, 26-я и 27-я, гласятъ:

და სტირ⌈ს⌉ კა-ენის ქს ვით კაენის ძმის მკვლელობისა დანაბრალევად,	„И вотъ плачетъ Каэнисъ (resp. другъ Ка⌈исъ⌉), какъ повинный въ братоубійствѣ [,совершенномъ] Каиномъ“,
ამან თავი რად მართ აჩავირად შექმნა ლეილის ნამიჯნურევად.	„[кается,] въ томъ, что онъ, точно безсловесное животное (*букв.* вьючный волъ), сдѣлался „меджнун“омъ (безумнымъ любовникомъ) Лейлы“.

Извѣстно, кто былъ влюбленъ въ Лейлу: онъ носилъ прозвище Меджнунъ, а имя его, какъ хорошо извѣстно Ю. И. Абуладзе (ц. с., стр. 183), было Кайсъ (قيس), въ грузинской военной транскрипціи კაის-ი kais-i [3]): очевидно, это имя популярнаго Меджнуна и имѣемъ въ კაენის kaenis въ 1-мъ стихѣ 26-й строфы V-й оды, причемъ съ нимъ у одописца во 2-мъ стихѣ риѳмуетъ (V, 26, 2, 3) კაენის kaen-is, род. падежъ отъ имени братоубійцы Каина [4]).

---

1) ц. с., стр. 182, курсивъ нашъ.

2) понятно, какой либо древней версіи, а не сочиненія Джамія.

3) Такъ въ *Барамiани* имя Меджнуна появляется въ формѣ კაის kais-i, судя по изложенію Е. Такайшвили въ *Описаніи рукописей «Общ. распростр. грамотности среди грузин. населенія»*, Тифлисъ, 1902—1904, стр. 560: любовь «Лейлы и Каиси».

4) Кстати и это обстоятельство показываетъ лишній разъ, что kaenis въ риѳмѣ перваго стиха ни въ какомъ случаѣ нельзя отожествлять съ ветхозавѣтнымъ Каиномъ, такъ какъ въ риѳмахъ грузинскихъ классиковъ повтореніе одного и того же слова не допускается.

Однако. Каэнисъ въ грузинскомъ имѣетъ видъ род. падежа, и потому въ *Барсовой кожѣ* Шотою отброшенъ исходный слогъ „ис“, чтобы не принимали имя за форму род. падежа. Весьма возможно, что на такой же почвѣ отсѣченія исходнаго ის is, какъ бы окончанія род. падежа, изъ კაის kais получилась грузинская форма имени კა ka, и въ კაენის kaenis собственно имѣемъ сокращенную форму Ка (вм. Каиса) и эпитетъ enis, арб. انیس *дружелюбный, другъ*. Не исключается впрочемъ возможность простого съ самаго начала искаженія имени კაისი kais въ კაენის kaenis. Фактъ во всякомъ случаѣ тотъ, что კაენის *Каэнисъ*, resp. კაენ *Каэнъ* и სალამან *Саламанъ*, resp. Сала, — имена героевъ прославленныхъ поэмъ. Ихъ-то, очевидно, и имѣлъ въ виду Руставскій поэтъ въ стихѣ (1316,4): „его (Таріела) [любовныхъ] терзаній не вынести бы ни Каэну, ни даже Саламану“.

Кстати, отрывкомъ изъ романтической поэмы *Лейла и Меджнунъ*, въ обработкѣ Низамія, и подкрѣпляетъ Brown лишній разъ свое отрицательное мнѣніе объ европейскомъ предразсудкѣ, предполагающемъ, что „мусульмане отказываютъ женщинамъ въ безсмертіи или мало цѣнятъ чистую и преданную любовь“ 1).

Коренныя арабскія традиціи также не исключаютъ культа женщины. Авторъ *A Literary History of the Arabes* о положеніи арабскихъ женщинъ въ до-исламскую эпоху пишетъ: „Въ общемъ ихъ положеніе было высокое и ихъ вліяніе большое. Онѣ свободно выбирали себѣ мужей и могли возвращаться къ своей роднѣ, если съ ними обращались плохо или имъ не угождали; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ сами дѣлали предложеніе и имѣли право развода. На нихъ смотрѣли не какъ на рабынь или на вещь, а какъ на равныхъ и товарищей. Онѣ вдохновляли поэта на пѣсню и воина на бой. Средневѣковое рыцарство (въ Европѣ), быть можетъ, въ концѣ концовъ слѣдуетъ возвести къ языческой Аравіи 2). «Странствующее рыцарство, разъѣзды верхомъ на конѣ въ поискахъ приключеній, спасеніе плѣненныхъ дѣвушекъ, помощь, оказываемая всегда женщинамъ въ несчастіи, все это истинно арабскія идеи; арабскимъ является по идеѣ самъ терминъ *рыцарство*, связываніе понятія о чести съ ѣздокомъ, человѣкомъ благородной крови, всадникомъ (Lady Anne and Mr. Wilfrid Blunt, *The Seven*

---

1) *A Literary History of Persia.* From Firdawsi to Sa'di, London 1906, стр. 407.

[2) ср. Jacques Flach, *Les origines de l'ancienne France*, Paris 1893, II, стр. 574. Н. М.].

Golden Odes of Pagan Arabia, Introduction, p. 14)». Однако, благородство женщинъ не только сказывается въ героизмѣ и преклоненіи мужчинъ; память о немъ сохраняется въ пѣсняхъ, легендахъ и исторіи"[1]).

Въ обстановкѣ такой дѣйствительности неразумно спѣшить рѣшеніемъ нашего вопроса съ плеча по современнымъ поверхностнымъ наблюденіямъ или по шаблоннымъ представленіямъ европейцевъ. Европейцы не всегда безпристрастные судьи, когда они берутъ на себя смѣлую оцѣнку «восточной» нравственности. Отъ самодовольнаго лицемѣрія или самообмана не бываютъ свободны въ такихъ случаяхъ и ученые. Слѣдующій примѣръ не мѣшаетъ помнить. Говоря о любви женщинъ въ поэмѣ *Короглы* Ал. Ходзько въ *Specimens of the popular poetry of Persia* (London 1842, стр. 10—11) мимоходомъ даетъ любопытную характеристику восточной женщины въ противопоставленіи западной, европейской. Вотъ его слова: „Характеръ женщинъ въ этой поэмѣ [*Короглы*] изображенъ не въ льстивыхъ краскахъ; быть можетъ, онъ слишкомъ близокъ къ правдѣ. Пройдите Азію съ одного конца на другой, и въ высшей степени вѣроятно, что вы не найдете въ ней ни одной Зулейхи, ни одной Лала-рухи, такихъ же женщинъ какъ Нигару, Перизадэ и Дунаh-Пашу вы встрѣтите въ каждомъ гаремѣ Персіи и Турціи. Женщина Востока и женщина Европы, какъ послѣдняя сформировалась на Евангеліи и средневѣковомъ рыцарствѣ, суть два совершенно различныя существа. Первая напоминаетъ намъ болѣе греческихъ амазонокъ со срѣзанными грудями, т. е., прилагая сравненіе къ морали, съ половиною тѣхъ чувствъ, которыми мы такъ любуемся въ нашихъ христіанскихъ матеряхъ и сестрахъ. Состраданіе, мягкость темперамента, выносливое прощеніе разсматриваются какъ душевные недостатки..... Способъ обращенія Короглы съ женщинами истинно восточный[2]). Онъ смотритъ на нихъ, какъ на вещи, купленныя или пріобрѣтенныя, — какъ на игрушку, которую онъ охотно бросаетъ, какъ только она надоѣдаетъ ему. Обладаніе этимъ предметомъ доставляетъ ему удовольствіе лишь постольку, поскольку съ нимъ сопряжена какая либо новизна, неизвѣстность или опасность.

„Единственный предметъ, который Короглы неизмѣнно любитъ, это его лошадь Киратъ".

1) Reynold A. Nicholson, *A Literary History of the Arabes*, London 1907, стр. 87—88. Въ цитатѣ насъ интересуетъ фактическая сторона, что̀ касается выводовъ, ихъ понятно надо принять cum grano salis.

2) Подчеркнуто нами.

Я не останавливаюсь на томъ, сколько въ этомъ сужденіи европейскаго лицемѣрія, когда идеализованные романтическіе женскіе типы, созданные христіанствомъ и рыцарствомъ, рекомендуются какъ реальные, и въ качествѣ таковыхъ сопоставляются in maiorem gloriam Europae съ завѣдомо низшими типами Востока! Если бы можно было не касаться этой фактической неправды въ самой основѣ сравненія, если бы на минуту мы согласились принять характеристику женской любви на Востокѣ, какъ она дается у Ходзько, правильною, намъ оставалось бы признать, что Грузія не часть Азіи, а часть Европы.

Впрочемъ нашимъ взглядомъ на соотношенія грузинской и утраченной персидской версій отнюдь не требуется тождество въ нихъ трактовки женской любви. Да, если бы такая трактовка и была въ персидскомъ подлинникѣ, это отнюдь не устранило бы чисто мѣстнаго историческаго момента изъ вопроса о культѣ женщины, ярко выступающемъ въ *Витязь въ барсовой кожѣ*. Важно то, что въ Грузіи къ концу XII-го вѣка были условія для развитія этого любопытнаго явленія въ литературѣ. Вопросъ опять таки будущаго, возникъ ли культъ женщины на готовой воспріимчивой грузинской почвѣ самородкомъ въ узлѣ различныхъ жизненныхъ и литературныхъ, иноземныхъ и мѣстныхъ вѣяній, или онъ появился цѣликомъ какъ экзотическій цвѣтокъ подъ исключительнымъ персидскимъ вліяніемъ. Въ этомъ отношеніи пока очередною задачею является выясненіе нитей, связывающихъ *Витязя въ барсовой кожѣ* съ явленіями родной грузинской культурной жизни.

§ 10. Особую область можетъ составить вопросъ о вліяніи неоплатонизма, процвѣтавшаго въ Грузіи именно въ X—XII-мъ вѣкахъ[1]). „Неоплатоническое умозрѣніе расширило умственный горизонтъ грузинскаго общества", „неоплатонизмъ разбилъ исключительность религіозно-національнаго мышленія грузинъ и облегчилъ имъ тѣсное литературное общеніе съ мусульманскимъ міромъ" [2]). Нѣкоторыя данныя указываютъ, что неоплатоническое пониманіе любви въ той или иной мѣрѣ повліяло на выработку идеализованной любви къ женщинѣ въ Грузіи, какъ онъ обрисовывается подъ перомъ Шоты изъ Руства[3]). Изъ неоплатонизма, по всей вѣроятности, грузинскаго черпаетъ свой взглядъ на загробный міръ Нестанда-

1) Н. Марръ, *Іоаннъ Петрицскій, грузинскій неоплатоникъ XI—XII вѣка* (ЗВО. XIX, 1909, стр. 53—113=1—61).

2) Н. Марръ, ц. с., стр. 41—42.

3) Эти данныя требуютъ спеціальнаго обсужденія.

реджана. Въ Поясненіяхъ мною цѣликомъ переведенъ (стр. 46) отрывокъ, гдѣ она съ вѣрою смотритъ на будущее, когда Таріелъ, частица Солнца, по смерти опять соединится съ нимъ, Солнцемъ, и она будетъ счастлива тамъ его созерцать (1281). Franz Cumont вопросу посвящаетъ поучительныя для насъ строки въ *La théologie solaire du paganisme romain* [1]). „Для астрологовъ", читаемъ мы здѣсь (стр. 463—464=17—18), „душа человѣка представляетъ огненную сущность одного естества съ небесными свѣтилами. Слѣдовательно, свѣтозарное солнце непрестанно ниспосылало частицы своего раскаленнаго диска въ тѣла, которыя оно призывало къ жизни. Такъ какъ въ душѣ признавали различныя части или способности, то къ солнцу возводили происхожденіе наиболѣе возвышенной изъ нихъ, именно той, которая такъ же управляетъ нашимъ существомъ, какъ царь-свѣтило господствуетъ надъ міромъ. Жизненное начало, питающее нашъ организмъ и взращивающее его, луннаго происхожденія, отъ солнца же происходитъ нашъ разумъ: отъ него зависятъ всѣ духовныя качества; благодаря ему мы способны живо воспринимать чувство и мудрость.

„Наоборотъ, *когда смерть разлагаетъ элементы, входящіе въ составъ человѣка, когда душа покидаетъ плотскую оболочку, въ которой она заключена, Солнце привлекаетъ ее снова къ себѣ* [2])".

Этотъ взглядъ изложенъ не безъ ссылки на такого неоплатоника, какъ Проклъ. Неоплатоники вообще и являются послѣдними проповѣдниками священной формулы о царѣ-солнцѣ [3]).

Начитанностью Шоты въ грузинской неоплатонической философіи объясняется также вся фразеологія стиха 864,4 въ рѣчи Таріела:

«დამშლიან ჩემნი კავშირნი, შეჭრთვიან სულთა სირასა».

«Разложились мои элементы (kavšir-i) и присоединились къ семьѣ (sira) душъ».

Слово კავშირი kavšir-i *элементъ, начало* — восточнаго происхожденія [4]); სირა sira толкователи *Барсовой кожи* смѣшиваютъ съ სირი sir-i *птица* [5]), тогда какъ это греч. σειρά *цѣпь* въ значеніи *линіи происхожде-*

1) Отд. отт. изъ Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres, Парижъ 1909, т. XII, ч. II, стр. 447—479=1—33. Приношу искреннюю благодарность проф. М. И. Ростовцеву за указаніе этой работы.

2) Курсивъ нашъ.

3) Fr. Cumont, ц. с., стр. 452—453=6—7, ср. 467—474=21—28 и 477—478=31—32.

4) Н. Марръ, *Іоаннъ Петрицкій*, стр. 57=5, прим. 2.

5) Каричашвили, ц. с., стр. 341, s. v., Ю. Абуладзе, ц. с., стр. 150, s. v.

нія, породы, семьи, категоріи. Оба термина—обычны, напр. въ трудѣ Іоанна Петрицскаго; для пониманія სირა sira спеціально въ нашемъ стихѣ интересно мѣсто изъ схоліи къ IX-й главѣ *Богословскихъ началъ* Прокла:

ჩ~ ართან სირასა შინა თითო-ეულსა. ვ~რ ღმერთთასა. ვ~რ გონებათასა. ვ~რ სულთასა. ვ~რ ბუნებათასა. ვ~რ სხეულთასა. ვინაჲ ამ~თ ყ~ოა შ~ს. რ~ნიმე ართან უმახლობელეს თ~ჳსისა მი-ზეზისა და საწადელისა და რ~ნი-მე უშორიელეს [1]).

„И находится каждый (предметъ) въ своей категоріи (sira), напр. въ категоріи боговъ, или напр.—мыслей, или напр. душъ, или напр. сущностей, или напр. тѣлъ; изъ числа всѣхъ этихъ (предметовъ) одни ближе къ своей причинѣ и къ цѣли стремленія, а другіе —дальше отъ нихъ".

Изъ грузинскаго неоплатоническаго источника можетъ происходить, между прочимъ, и мысль объ приравненіи погибшихъ за земныхъ царей къ святымъ мученикамъ [2]). Въ древне-грузинскомъ переводѣ сочиненія Немесія *О природѣ человѣка* читается [3]):

და კუალად სხუაჲ ივნებს ბაძვად სხუათა. რაჲთა ვნე-ბაჲ იგი მისი იდიდოს და სხუ-ათა აღიმშურობან დიდებისათჳს სასოებითა მერმეთა კეთილთა ვითარ წმიდათა მოწამეთა ზედა და მამულისა და თან-ტომისა თჳს გინა-თუ პატრონისა თჳს მოიწყედართასა

„и еще иной страдаетъ для того, чтобы другіе подражали, дабы страданіе его прославилось, и иные возревновали о славѣ въ надеждѣ на будущія блага, какъ [можно видѣть] на святыхъ мученикахъ и тѣхъ, которые пали за отечество и сородичей или за своихъ сузереновъ (patron-эа)".

Но чисто литературныя произведенія, откуда Шота изъ Рустава могъ усвоить тѣ или иные взгляды, были, вѣроятно, весьма разнообразны и многочисленны. Съ персидской только стороны кругъ такихъ источниковъ отнюдь не могъ быть ограниченъ одними дошедшими до насъ памятниками, да еще въ грузинскомъ переводѣ. Вопросъ въ этомъ случаѣ не только о степени знакомства грузинскаго поэта съ персидскою литературою, но и о начитанности перса, автора персидскаго подлинника, съ котораго была переведена прозаическая грузинская повѣсть, послужившая Шотѣ изъ Рустава матеріаломъ для его творенія.

1) Рп. Азіятскаго Музея Georg. 174,a, л. 42a, 7.

2) см. § 4, стр. XXIII.

3) рп. Общ. распростр. грамотн. среди грузинъ, № 339, тетр. XVI, л. 8a.

При такихъ заимствованіяхъ изъ прочитаннаго трудно установить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣйствительный источникъ, да это не столь важно. Важно только знать, что тѣ или иные взгляды или мнѣнія были ходячими общими мѣстами въ персидской литературѣ. Такъ въ одномъ روشنائی نامه, произведеніи Насира Хосро [1]), находимъ рядъ параллелей къ извѣстнымъ изреченіямъ Шоты. Ограничиваюсь нѣсколькими примѣрами:

a) 547,3. მაგრა თჳთ იცი, კელ-მწიფე კამს მ.ქმნელი სამართალისა

„но ты самъ знаешь, что государь долженъ творить правый судъ.

Насиръ Хосро, ц. с., 38, Ethé, стр. 654:

ثبات دولت و دین راستی دان

„Знай, что утвержденіе государства и вѣры—справедливость“.

b) 754,4. ოდეს კაცსა დაეჭიროს, მაშინ უნდა ძმა და თვისი

„Братъ и родственникъ нужны тогда, когда человѣкъ въ нуждѣ“.

Насиръ Хосро, ц. с., 43, Ethé, стр. 654:

برادر آن بود که روز سختی ترا یاری کند در تنگ‌بختی

„Братъ—тотъ, кто въ трудный день оказываетъ тебѣ дружбу въ крайней нуждѣ [2])“.

c) 50,3. სმა, ჭამა დიდად შესარგი, დება რა სავარგულია?
რასაცა გასცემ შენია, რა⌈ს⌉ც არა, დაკარგულია

„Ѣсть и пить весьма полезно, но къ чему копить? Что раздашь, принадлежитъ тебѣ, а чего не [истратишь], то погибло.

Насиръ Хосро, ц. с., 476—478, Ethé, стр. 626—627:

مشو با جهل زان سان تیره‌رائی که اینت دست ندهد زان برائی
نماند هرچه آن زآن مرده ماند بماند هرچه آنرا بر فشاند
بخور وز کار نابوده میندیش که تا فردا چه آید مر ترا پیش

„Не будь при глупости настроенъ мрачно! Если это пользы тебѣ не приноситъ, удается тебѣ то. Не останется отъ того умершаго, что онъ сохранилъ, а останется то, что онъ расточилъ. Ѣшь и не думай о томъ, чего еще не было, и что завтра только предстанетъ передъ тобою“.

d) 49,3. უხვი აგსნილსა დააბამს, იგი თვით ების, ვინ ების

---

1) Nâṣir Chusrau's Rûśanâinâma (روشنائی نامه) oder Buch der Erleuchtung in Text und Uebersetzung, nebst Noten und Kritisch-biographischem Appendix von Prof. Dr. Hermann Ethé, ZDMG, XXXIII, стр. 645—665, XXXIV, стр. 428—464, 617—642. Насиръ Хосро скончался въ 481 г. гиджры, значитъ, въ 1088 г. по Р. Хр.

2) ср. груз. поговорку ძმა⌈ი⌉ ძმის თვის შავი დღისთვის *братъ брату нуженъ въ черный день.*

„Щедрый привяжетъ того, кто отвязался, а кто остался на привязи, тотъ и такъ привязанъ".

50,2. უხვსა მორჩილობს ყოველი, იგიცა, ვინ ორ-გულია.

„Щедрому покоренъ всякій, даже тотъ, кто — вѣроломенъ".

Насиръ Хосро, ц. с., 55, Ethé, стр. 655:

سخاوت پیشه کن تو از کم و بیش   کزان بیگانگان گردند چون خویش

„Изощряйся въ щедрости мало ли или много: чужіе благодаря ей станутъ своими".

Съ бо́льшею увѣренностью и точностью можно указывать источникъ, когда сужденіе является плодомъ начитанности въ св. Писаніи, напр.

882, 3—4. არას გარგებს სწავლულება, თუ არა იქმ ბრძენთა თქმულსა,
არ იგმარებ, რას ხელსა გლი საუნჯესა დათვარულსა?

„Безполезно ученіе, если не исполняешь сказаннаго мудрецами. Чего протягиваешь руки къ сокрытому, если не хочешь его употреблять?"

Мѣсто навѣяно, повидимому, воспоминаніемъ I. Сир. 20, 30; въ наличномъ грузинскомъ текстѣ стихъ гласитъ: სიბრძნე დაფარული და საუნჯე გამოუჩენელი. რაჲ სარგებელ არს ორთავე შინა?

Одинъ изъ изслѣдователей мысль 11-й вступительной строфы о равноправіи призваній назвалъ странною [1]). Эта «странная» мысль лежитъ еще въ словахъ апостола Павла (*I Коринѳ.* 7, 20 сл.): „Каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ призванъ" и т. д.

§ 11. Интересно бы также выяснить тѣ общественно-психологическія условія, которыя представляли въ Грузіи благодарную почву для воспріятія и дальнѣйшаго развитія чисто свѣтскихъ рыцарскихъ идеаловъ мусульманско-иранскихъ сказаній. Рядомъ съ феодальнымъ образомъ жизни, къ общественно-психологическимъ условіямъ, создавшимъ въ Грузіи особую воспріимчивость къ идеализованной любви, а съ нею къ культу женщины, быть можетъ, придется отнести сильное развитіе въ странѣ отшельничества, бѣгство въ пустыни и «озвѣрѣніе» подвижниковъ для взрощенія нераздѣльной, всепоглощающей любви къ Богу. Съ VII-го - VIII-го вѣковъ по XII-й грузинское общество находилось подъ вліяніемъ сильныхъ и обаятельныхъ личностей, изъ любви къ Богу отрекавшихся отъ міра и уходившихъ въ пустыни. Если одни изъ нихъ пустыни обращали въ города,

1) Д. Каричашвили, стр. XII: „ახირებული აზრია".

создавая обширные монастыри съ общежитіемъ, другіе, живя отшельниками въ одиночествѣ и находясь мысленно всегда съ Богомъ, непосредственно общались лишь съ дикой природой и звѣрями. Культъ женщины въ грузинскомъ обществѣ вызывалъ героевъ, готовыхъ, по всей видимости, слѣдовать по стопамъ этихъ святыхъ отшельниковъ.

Рядомъ съ церковными святыми, учителями и подвижниками, народились святые люди рыцарства, „миджнур"ы, точнѣе „меджнун"ы, „одержимые бѣсомъ («джинн»омъ)", пророки и поэты любви [1]): тоже отреченіе отъ міра, тоже бѣгство въ пустыню, тоже умерщвленіе плоти, тоже любвеобильное общеніе съ звѣрями, но вмѣсто сосредоточенія своихъ помысловъ всецѣло на Богѣ и Его славословія—культъ любимой женщины, „божественно прекрасной" [2]), ея восхваленіе и полная отваги и подвиговъ служба ей.

Переходъ отъ культа Бога къ идеализованному поклоненію женщины имѣетъ, надо думать, свою исторію на грузинской почвѣ. Безъ перелома въ нравственныхъ воззрѣніяхъ и безъ внутренней подготовки, подъ однимъ внѣшнимъ литературнымъ вліяніемъ древне-грузинское общество, находившееся въ духовномъ подчиненіи христіанской церкви, не могло ни выработать, ни даже усвоить поклоненіе женщинѣ. Нужна была собственная психологическая зрѣлость. Къ культу женщины въ вѣкъ Тамары и свободному провозглашенію любви къ женщинѣ, какъ явленію, равноцѣнному культу Бога, велъ, несомнѣнно, длинный путь. Еще въ IX-мъ вѣкѣ женская любовь проявляла себя геройски въ самой жизни. Характеренъ въ этомъ отношеніи типъ всепрощающей женщины въ лицѣ Бириллы, супруги куропалата Адарнерсея. По наущенію любовницы, любящая жена была выслана на родину въ Абхазію, какъ называлась тогда Западная Грузія, гдѣ она постриглась въ монахини подъ именемъ Анастасіи и, бывшая властительница, вела подвижническую жизнь, исполняя тяжелыя монастырскія работы. Куропалата Адарнерсея постигла тяжкая болѣзнь; къ опозоренной женѣ былъ посланъ человѣкъ съ просьбою не проклинать болѣе виновнаго мужа, а она отвѣтила: „клянусь Христомъ, никогда изъ моихъ устъ не исходило слово проклятія, и его я также не проклинала. Да проститъ ему Христосъ всѣ грѣхи и исцѣлитъ его душу и тѣло" [3]).

1) Арабы-язычники на меджнуновъ смотрѣли какъ на пророковъ и поэтовъ; при первомъ появленіи пророкъ Мухаммедъ большинствомъ былъ принятъ за меджнуна.

2) Независимо отъ обожествленія царицы Тамары ср. строфу Шоты о божественной красотѣ Нестандареджаны (см. Поясн. къ 7,2, стр. 32—33,).

3) *Житіе св. Григорія Хандзтійскаго*, гл. LVI, 1 сл.

Грузинская церковь устами своихъ агіографовъ охотно прославляла такой возвышенный женскій типъ, но она вела жестокую борьбу съ любовью къ женщинѣ внѣ брака, не только мимолетной, плодомъ человѣческой интриги, но и глубокой и долговѣчной, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго случая, разсказаннаго въ *Житіи св. Григорія Хандзтійскаго*[1]).

„Во дни сего святого властитель Ашотъ, куропалатъ, завоевалъ много земель. Для проживанія государыни, своей супруги, онъ построилъ крѣпость Артануджъ. Въ ней онъ прекрасно жилъ много лѣтъ. Но діаволъ соблазнилъ властителя: онъ привелъ въ крѣпость блудницу, съ которою грѣшилъ, такъ какъ демонъ любви очень разжигалъ его. У него раньше не было этого въ нравѣ, но его одолѣлъ злой грѣхъ. Услышавъ объ этомъ дѣлѣ, растлѣвающемъ душу, блаженный Григорій сильно огорчился и сообщилъ другому святому Григорію, великому старцу, который жилъ въ Церквахъ, такъ какъ онъ былъ чудотворецъ и пользовался уваженіемъ передъ Богомъ и среди людей. По его совѣту, Григорій Хандзтійскій прямо сталъ обличать властителя. Тотъ обѣщалъ Григорію оставить грѣхъ и отпустить женщину туда, откуда онъ ее привелъ, но не былъ въ силахъ сдержать то, что изволилъ обѣщать, такъ какъ страсть поработила его.

„Тогда блаженный Григорій улучилъ время, и въ одинъ прекрасный день, когда куропалатъ былъ въ дали, Григорій отправился изъ Шатберда въ Артануджъ. Прибывъ къ вечеру подъ крѣпость, онъ послалъ къ той женщинѣ человѣка попросить съѣстного и сообщилъ ей причину (въ объясненіе) своей остановки тамъ. А она обрадовалась великою радостью и выдала многообразныя яства для святого и для его учениковъ. Съ разсвѣтомъ Григорій опять отправилъ къ ней человѣка, чтобы она пошла повидать его. Тогда, еще болѣе обрадованная, она быстро пришла съ двумя служанками къ святому, чтобы удостоиться крестнаго знаменія сего блаженнаго мужа, но онъ не осѣнилъ ее крестомъ, а велѣлъ сѣсть поодаль.

„По мановенію глазъ учителя ученики отошли въ сторону, а также служанки, ибо страхъ передъ святымъ проникалъ всѣхъ. Тогда блаженный Григорій сказалъ ей: «о, жалкая, почему ты вторглась между женою и мужемъ на вѣчную гибель себѣ отъ злого грѣха, поработившаго тебя демону? Изъ-за пустого дѣла ты сдѣлалась соблазномъ для великаго властителя».

1) гл. LV.

„Она же со слезами отвѣтила: «святой Бога, я не вольна надъ собою, такъ какъ куропалатъ питаетъ ко мнѣ чрезмѣрную любовь, и я не знаю, что мнѣ дѣлать: меня очень встревожило то, что вы изволили сказать». Святой сказалъ: «дочь моя, покорись вполнѣ словамъ моимъ, словамъ убогаго, и я ручаюсь тебѣ передъ Христомъ, что Онъ Самъ проститъ тебѣ всѣ твои прегрѣшенія». Она отвѣтила: «святой отецъ, я въ твоихъ рукахъ. Пекись о пользѣ моей души!» Тогда только Григорій ее осѣнилъ крестомъ, благословилъ молитвами, вооружилъ благодатью и далъ ей ремень отъ своихъ сандалій, чтобы опоясаться имъ, какъ поясомъ, и она такъ и сдѣлала.

„Святой сказалъ ей: «дочь моя, сегодня произошло спасеніе твоей души — я поведу тебя къ вожделѣнной матери Февроніи». Она очень обрадовалась. Блаженный Григорій служанкамъ велѣлъ уйти назадъ въ крѣпость, а женщинѣ той молвилъ: «дочь моя, выступай и иди впереди насъ!» Такимъ образомъ Григорій повелъ ее въ (обитель) Мере, такъ какъ раньше онъ сговорился съ блаженною ея настоятельницею (Февроніею) и вручилъ ее ей со словами: «потрудись о ней, какъ надлежитъ, потрудись о ней и тогда, когда куропалатъ начнетъ ее искать! Ты видишь, какъ сокрушено ея сердце».

. . . .

„Между тѣмъ куропалатъ, вернувшись въ крѣпость, спросилъ про ту женщину. И когда ея не нашелъ, очень огорчился, особенно понявъ все происшедшее. Но такъ какъ властитель влюбленъ былъ въ нее не вслѣдствіе человѣческихъ интригъ, а по кознямъ демона, онъ былъ настолько порабощенъ, что забылъ самоуваженіе и поспѣшно явился въ Мере. Блаженная Февронія скрыла женщину. Помолившись въ церкви святой Богородицы и принявъ молитвенное благословеніе матери Февроніи, куропалатъ началъ бесѣду:

„— Знаешь ли, мать моя, для чего я теперь пришелъ сюда?

„— Господь знаетъ, сказала она: для чего ты пожаловалъ сюда.

„— Прибылъ я сюда по той причинѣ, молвилъ онъ, что въ нашемъ домѣ была ключница, всѣ наши имущества были въ ея рукахъ; ее, оказывается, взялъ сюда отецъ Григорій, а у насъ большой недочетъ въ сокровищахъ. Такъ — изволь сказать ей, пусть какъ нибудь придетъ къ намъ въ крѣпость разъ, передастъ намъ все по счету и затѣмъ опять вернется къ вамъ же, какъ она желаетъ.

„Тогда Февронія рѣшительно отвѣтила (Пс. 140=141,4): «(не уклоняй сердца моего къ злымъ помышленіямъ) къ возбужденію причинъ грѣховныхъ съ людьми, творящими беззаконіе». Услышавъ это, куропалатъ, смущенный прямымъ обличеніемъ, устыдился и долго молчалъ, какъ сраженный: тѣлесно могущественнаго властителя побѣдили духовно сильные люди, вооруженные божественною ревностью. Затѣмъ огорченный куропалатъ отъ сердечной боли произнесъ: «блаженъ человѣкъ, который болѣе не живъ!» Быстро всталъ и пошелъ. Тогда блаженная Февронія остановила было его, чтобы угостить, но онъ не согласился, такъ какъ собственный разумъ былъ у него обличителемъ, какъ только удалилъ онъ желаніе плотской страсти и уразумѣлъ свой позоръ".

Однако, это порожденіе „козней діаявола", это „желаніе плотской страсти", это „позорное" чувство, безъ котораго однако, по словамъ грузинскаго властителя, смерть краше жизни, съ теченіемъ времени въ грузинскомъ образованномъ обществѣ нашло путь для своего свободнаго выраженія и создало женщинѣ культъ. Длинный путь между „позоромъ" и „славою", по всей вѣроятности, былъ усѣянъ жертвами, павшими за новую идею: святость земной любви и нравственную высоту женщины, источника святой любви. Что въ Грузіи велась такая борьба, это довольно ясно. Вопросъ главнымъ образомъ въ томъ, гдѣ грузинскіе борцы за свободу земной любви, возвышенной и облагораживающей, нашли оружіе для литературной защиты своего дѣла и его прославленія, въ персидской ли исключительно романтикѣ? Въ Грузіи существуетъ и, есть основаніе думать, существовали также въ древности народныя пѣсни въ честь любви. И естественъ вопросъ, не оказали ли онѣ вліяніе на литературное развитіе культа женщины въ грузинскомъ образованномъ обществѣ. Раньше чѣмъ найти обильную пищу для самоуслажденія и дальнѣйшаго своего свободнаго и утонченнаго развитія въ персидскихъ литературныхъ формахъ, романтическіе порывы грузинской феодальной жизни, быть можетъ, вторгались въ родную духовную письменность, внося туда если не содержаніе, то формы народныхъ любовныхъ пѣсенъ.

§ 12. Въ этомъ смыслѣ для насъ весьма важны указанія точекъ соприкосновенія вообще между свѣтскою и духовною поэзіею въ самой Грузіи. Духовная поэзія грузинъ, несомнѣнно, заимствовала свои пріемы и образы изъ Византіи, вообще съ христіанскаго Востока; свѣтскіе ихъ поэты свой талантъ воспитывали на мусульманско-иранскихъ образцахъ. Эти два теченія въ грузинской литературѣ въ цвѣтущую эпоху Тамары не сли-

вались воедино, чтобы образовать могучій потокъ, свидѣтельствующій объ единствѣ народной культурной жизни. Одно теченіе отражало вкусы рыцарски настроенныхъ феодаловъ, изысканно-образованнаго грузинскаго общества той эпохи, другое — идеалы монашествующихъ по жизни или по настроенію христіанъ. Впослѣдствіи, въ скорбные дни грузинской исторіи, идеалы и мотивы монашеско-христіанской поэзіи въ значительной степени были усвоены свѣтскими поэтами. Но не было ли общенія и въ древности между духовной и свѣтскою поэзіею? На этотъ вопросъ наводитъ одно маленькое стихотвореніе, найденное въ двухъ пергаментныхъ спискахъ Минеи на Синаѣ (рп. № 59=А, л. 2а и № 64=В). Это — пѣснопѣніе въ честь Богоматери въ день Рождества съ акростихомъ ფილიპე ბეთლემი *Филиппъ Виөлеемъ.* Намъ неизвѣстно, кто этотъ поэтъ Филиппъ. Но любопытно то, что въ пѣснопѣніи мы имѣемъ риөмованное стихотвореніе, хотя и съ бѣдною риөмою на ა, предупредительно указываемою самимъ писцомъ въ рп. А. Кромѣ того, пѣснопѣніе написано на извѣстный размѣръ грузинской свѣтской поэзіи, 16-ти сложный, хотя и безъ дѣленія на строфы по четыре стиха. Если приблизительно вѣрно пріуроченіе рукописи В къ десятому вѣку (одной съ нею эпохи и А), въ авторѣ грузинскаго текста передъ нами является предшественникъ Шоты изъ Рустава по использованію народнаго грузинскаго размѣра въ литературѣ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ произведеніи мы имѣемъ одинъ изъ первыхъ опытовъ церковной поэзіи въ указанномъ направленіи. Архаично въ пѣснопѣніи сохраненіе полугласнаго ჲ; архаично также то, что этотъ звукъ, какъ полугласный, не принимается въ разсчетъ при размѣрѣ. Въ тоже время также не принимается въ разсчетъ размѣра гласный звукъ უ въ ფესუეთა, გაქუს, ჩუენ, თაყუანის (თაყოჳანის), ქუაბსა, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда ново-грузинскій замѣщаетъ его согласнымъ ვ. Пѣснопѣніе гласитъ [1]):

1) Въ рукописяхъ оно написано строчнымъ церковнымъ, лишь начальныя буквы, входящія въ акростихъ, да въ А еще конецъ каждаго стиха, риөма ა, писаны начальными церковными буквами. Эти начальныя и конечныя буквы печатаю и я иниціальнымъ церковнымъ письмомъ, остальное — военнымъ. Въ изданіи мною раскрыты слова стоявшія подъ титломъ: 1,2. [illegible], 2,5. [illegible], 3,3. [illegible], 4,2 и 8,2. [illegible], 4,5. [illegible], 5,6 и 12,2. [illegible], 7,4. [illegible], 10,2. [illegible], 11,3. [illegible]. Кромѣ того, исправлено [illegible] въ [illegible] (5,5) и вставлено [illegible] (8,5) по требованію размѣра; въ послѣднемъ случаѣ [illegible] <[illegible]> можно бы замѣнить [illegible]. Во всемъ прочемъ текстъ воспроизводится въ точности такъ, такъ онъ писанъ въ рукописяхъ съ ихъ знаками препинанія и даже съ архаическою орөографіею въ словѣ [illegible].

Ⴔⴄⴑⴍⴓⴇⴀ ⴋⴀⴇⴂⴀⴌ ⴍⴕⴐⴍⴅⴀⴌⴈⴇⴀ ⴘⴄⴋⴉⴍⴓⴊⴈ ⴞⴀⴐ ⴘⴄⴌ ⴕⴀⴊⴜⴍⴓⴊႭ ÷
Ⴈⴀⴉⴈⴌⴇⴄ ⴛⴍⴜⴄⴍⴓⴊⴈ. ⴑⴀⴋⴍⴑⴊⴀⴃ ⴂⴀⴕⴍⴓⴑ ⴖⴋⴐⴇⴈⴑⴋⴘⴍⴁⴄⴊႭ —
Ⴊⴀⴋⴎⴐⴈⴇⴀ ⴋⴈⴇ ⴁⴐⴜⴗⴈⴌⴅⴀⴊⴄⴈⴇⴀ. ⴋⴈⴂⴄⴂⴄⴁⴈⴇ ⴃⴄⴃⴍⴔⴀⴊႭ —
Ⴈⴇⴞⴍⴅⴄ ⴘⴄⴌ ⴋⴍⴒⴄⴅⴄⴁⴀⴢ ⴁⴐⴀⴊⴇⴀ ⴙⴍⴓⴄⴌⴇⴀⴢ ⴃⴈⴃⴄⴁⴍⴓⴊႭ —
Ⴎⴀⴒⴈⴍⴑⴀⴌ ⴃⴀ ⴜⴋⴈⴃⴀ ⴀⴐⴑ ⴑⴀⴞⴄⴊⴈ’ ⴘⴄⴌⴈ ⴑⴀⴌⴀⴒⴐⴄⴊႭ ÷
Ⴄⴉⴊⴄⴑⴈⴀⴢ ⴁⴄⴇⴊⴄⴋⴈⴑⴀⴢ ⴚⴀⴇⴀ ⴋⴑⴂⴀⴅⴑ ⴀⴐⴑ ⴍⴓⴁⴈⴜႭ —
Ⴁⴍⴓⴌⴄⴁⴀⴇⴀ ⴘⴄⴋⴍⴕⴋⴄⴃⴈ ⴅⴈⴚⴀⴌⴈⴇ ⴘⴄⴌⴂⴀⴌ ⴥ ⴁⴄⴇⴊⴄⴋႭ —
Ⴄⴋⴑⴂⴀⴅⴑⴄ ⴘⴄⴌ ⴑⴀⴋⴄⴀⴐⴍⴇⴀ ⴚⴈⴑⴀⴇⴀ ⟨ⴋⴀⴇ⟩ ⴥ ⴜⴋⴈⴃⴀႭ ÷
Ⴇⴀⴗⴍⴓⴀⴌⴈⴑ ⴅⴑⴚⴄⴋⴇ ⴕⴍⴓⴀⴁⴑⴀ ⴋⴀⴂⴀⴑ ⴃⴈⴃⴄⴁⴍⴓⴊⴑⴀ ⴥ ⴍⴓⴞⴐⴜⴌⴄⴊႭ —
Ⴊⴍⴚⴅⴀⴢ ⴙⴍⴓⴄⴌⴈ ⴘⴄⴈⴜⴈⴐⴄ ⴁⴀⴂⴀⴑⴀ ⴋⴀⴑ ⴋⴜⴍⴊⴀⴐⴄႭ —
Ⴄⴚ ⴋⴍⴑⴀⴅⴇⴀ ⴘⴄⴌⴇⴀ ⴠⴍⴅⴌⴀⴢ ⴜⴗⴀⴊⴍⴁⴈⴑⴀⴢ ⴑⴀⴞⴈⴄⴐႭ —
Ⴋⴀⴃⴊⴈ ⴘⴄⴌⴈ ⴋⴍⴔⴀⴐⴅⴄⴊ ⴘⴄⴗⴀⴅⴌ. ⴋⴄ ⴍⴓⴖⴈⴐⴑⴑⴀ ⴋⴍⴜⴗⴀⴊⴄႭ —
Ⴈⴑⴋⴈⴌⴄ ⴃⴖⴄⴑ ⴇⴞⴍⴅⴀⴢ ⴙⴄⴋⴈ ⴚⴍⴃⴅⴈⴊⴈⴑⴀⴢ ⴋⴜⴗⴀⴊⴍⴁⴄⴊႭ :

„Золотою бахромою украшена Ты, Дѣва.
Багряница съ яхонтомъ служитъ облаченіемъ Тебѣ, Богородица.
Съ блестящими свѣтильниками идемъ мы на встрѣчу къ Тебѣ, Царица.
Ходатайствуй о прощеніи нашихъ грѣховъ, Славная!
Честно и свято имя Твое, Вождедѣнная!
Виѳлеемская церковь подобна небесамъ, Безпорочная.
Творца природы мы отъ тебя узнали, Виѳлеемъ:
Ты уподобился тверди небесной, святой.
Поклоняемся славной Твоей пещерѣ, Нетлѣнный (Спаситель).
Пріими какъ жертву нашу молитву, о, Лежащій въ этихъ ясляхъ!
Даруй обрѣтеніе милости уповающимъ на Тебя, Благій!
Да осѣнитъ меня, недостойнаго, Твоя благодать, Милосердый!
Днесь внемли моему моленію, моленію грѣшника, Милостивый!“

1,3 ოქროვანითა A, 4 შემკულ B. — 3,4 ბრწყინვალითა [вм. ბრწყინვალეითა?] B, 5 დედოფალო B. — 4,2 შენ < B, 5 ჩუენთა B. — 6,4 ბეთლემისაჲ] ბეთლემისა B, 6 უბიწო B.

ვეფხის-ტყაოსნისა

შესავალი და დასასრული.

ნამდვილი და ჩანართი.

ვეფხის-ტყაოსნისა

შესავალი.

1 რომელმან შექმნა სამყარო ძალითა მით ძლიერითა, (1)
ზეგარდმო არსნი სულითა ყვნა ზეცით მონაბერითა,
ჩვენ კაცთა მოგვცა ქვეყანა, გვაქვს უთვალავი ფერითა,
❦ მისგან არს ყოვლი ჴელ-მწიფე სახითა მის მიერითა.

2 ვის ჰშვენის ლომსა ჴმარება შუბისა, ფარ-შიმშერისა. (3)
მეფისა მზის თამარისა ღაწვ-ბალახშ-თმა-გიშერისა,
მას არა ვიცი შევკადრო შესხმა ხოტბისა, **შერისა**,
❦ მისთა მჭვრეტელთა ყასდისა მირთმა ჴამს მართ **და შერისა**.

3 ჴამს მელექსე ნაჭირვებსა მისსა ცუდად არ აბრკმობდეს, (25)
ერთი უჩნდეს სამიჯნურო, ერთსა ვისმე აშიკობდეს,
ყოვლსა მისთვის ჴელოვნობდეს, მას აქებდეს, მას ამკობდეს,
❦ მისგან კიდე ნურა უნდა, მისთვის ენა მუსიკობდეს.

1]I. ჰე ღმერთო ერთო, შენ შექმენ სახე ყოვლისა ტანისა. (2)
შენ დამიფარე, ძლევა მეც დათრგუნვად მე სატანისა!
მომეც მიჯნურთა სურვილი, სიკვდილმდე გასატანისა,
❦ ცოდვათა შემსუბუქება, მუნ თანა წასატანისა!

4 ჩემი აწ სცანით ყოველმან, მას ვაქებ, ვინ ცამ იქია, (26)
ესე მიჩნს დიდად სახელად, არ თავი გამიქიქია,
იგია ჩემი სიცოცხლე, უწყალო ვითა ჯიქია,
მისი სახელი შეფარქვევით ქვემორე მითქვამს, მიქია.

5 თამარს ვაქებდეთ მეფესა, სისხლისა ცრემლ-დათხეული, (4)
ვსთქვენი ქებანი ვისნი მე, არ ავად გამორჩეული:
მელნად ვიხმარე გიშრის ტბა და კალმად ნაი რხეული.
ვინცა ისმინოს, დაესვას ლახვარი გულსა ხეული.

6 მიბრძანეს მათდა საქებრად თქმა ლექსებისა ტკბილისა, (5)
ქება წარბთა და წამწამთა, თმათა და ბაგე-კბილისა,
ბროლ-ბალახშისა თლილისა, მით მიჯრით მიწყობილისა.
გასტეხს ქვასაცა მაგარსა გრდემლი ტყვიისა ლბილისა.

7 თვალთა მისგან უნათლოთა ენატრამცა ახლად ჩენა: (17)
აწ გული გამიჯნურდა, მიკლდომია ველთა რბენა.
მიაჯეთ, ვინ კორცთა დაწვა კმარის მისცეს, სულთა ლხენა:
სამთა ფერთა საქებელთა ლამის ლექსთა უნდა ლევნა.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

8 ესე ამბავი სპარსული ქართულად ნათარგმანები, (16)
ვით მარგალიტი ობოლი ჴელის-ჴელ საგოგმანები,
ვპოვე და ლექსად გარდავთქვა, საქმე ვქმნა საჭოჭმანები:
ჩემმან ხელ-მქნელმან დამმართოს, ლაღმან და ლამაზმა, ნები.

9 აწ ენა მინდა გამოთქმად მე, გული და ჴელოვნება, (6)
ძალი მომცეს და შეწევნა: მისგნით მაქვს, მივსცე გონება,
მით შევეწივნეთ ტარიელს, ტურფადცა უნდა ხსოვნება
მათ სამთა გმირთა მნათობთა, სჭირსთ ერთმანეთის მონება.

4]II მე რუსთველი ხელობითა ვიქმ საქმესა ამა დარი: (15)
ვის მორჩილობს ჯარი სპათა, მისთვის ვხელობ, მისთვის მკვდარი.
დავუძლური, მიჯნურთათვის კვლავ წამალი არსით არი:
ანუ მომცეს განკურნება ანუ მიწა მე სამარი!

10 მო, დავსხდეთ, ტარიელისთვის ცრემლი გვდის შეუშრობილი, (7)
მისებრი მართ დაბადებით ვინცა ყოფილა შობილი.
დავსჯდე რუსთველი ვლექსვიდე, მისთვის გულ-ლახვარ-სობილი:
და აქამდის ამბად ნათქვამი აწ მარგალიტი წყობილი.

11 რაცა ვის რა ბედმან მისცეს, დასჯერდეს და მას უბნობდეს: (18)
მუშა მიწყივ მუშაკობდეს, მეომარი გულოვნობდეს,
კვლავ მიჯნურსა მიჯნურობა უყვარდეს და გამოსცნობდეს,
და არცა ვისგან დაეწუნოს, არცა სხვათა უწუნობდეს.

12 მიჯნურობა არის ტურფა, საცოდნელად ძნელი გვარი. (9)
მიჯნურობა სხვა რამეა, არ სიძვისა დასადარი:
იგი სხვაა, სიძვა სხვაა, შუა უზის დიდი ზღვარი,
და ნურ-ვინ გარევთ ერთმანერთსა! გესმისთ ჩემი ნაუბარი?

13 არს პირველი მიჯნურობა არ დაჩენა ჭირთა, მალვა, (12)
თავის წინა იგონებდეს ნიადაგმცა, ჰქონდეს ხალვა,
შორით ბნედა, შორით კვდომა, შორით დაგვა, შორით ალვა.
და დასთმოს წყრომა მეფეთაგან, მისი ჰქონდეს შიში, კრძალვა.

12]III. **ვთქვა მიჯნურობა პირველი და ტომი გვართა ზენათა,** (27)
ძნელად სათქმელი, საჭირო გამოსაგები ენათა.
იგია საქმე საზეო, მომცემი აღმა-ფრენათა,
და ვინცა ეცდების თმობათა, ჰქონდეს მრავალთა წყენათა.
13]IV. **მას ერთსა მიჯნურობასა ჭკვიანნი ვერ მიხვდებიან,** (28)
ენა დაშვრების, მსმენლისა ყურნიცა დავალდებიან.
ვთქვენ ხელობანი ქვენანი, რომელნი კორცთა კვდებიან,
და მართ მასვე ჰბაძვენ, თუ ოდეს არ სიძვენ, შორით ბნდებიან.
13]IVa. თუ მოყვარე მოყვრისათვის სტირს, ტირილსა ემართლების, (31)
სიარული, მარტოობა ჰშვენის, გაჭრად დაეთვლების,
იგონებდეს მისგან კიდე ნურას, ოდეს მოეცლების,
და არ დააჩნდეს მიჯნურობა სჯობს, თუ კაცთა იახლების.
13]IVb. კამს თავისსა ხვაშიადსა არვის-თანა ამჟღავნებდეს. (13)
არ ბედითად ჰაი ზმიდეს, მოყვარესა აყივნებდეს,
არსით უჩნდეს მიჯნურობა, არა სადა იფერებდეს,
და მისთვის ჭირი ლხინად უჩნდეს, მისთვის ცეცხლსა მოიდებდეს.

IVb]IVb². მიკვირს, კაცი რად იჯერებს საყვარლისა სიყვარულსა? (30)
ვინცა უყვარს რად აყივნებს, მისთვის მკვდარსა, მისთვის წყლულსა?
თუ არ უყვარს, რად არა სძულს, რად აყივნებს, რაცა სძულსა?
და ავსა კაცსა ავი სიტყვა ურჩევნია სულსა, გულსა.
IVb]IVb³. მას უშმაგო ვით მიენდოს, ვინ მოყვარე გაამჟღავნოს? (14)
ამის მეტი რამცა იგოს. მას ავნოს და თვითანც ივნოს?
რათამცაღა ასახელოს, რა სიტყვითა მოაყივნოს?
და რა გავა, თუ მოყვარესა კაცმან გული არ ატკივნოს?

14 მიჯნურსა თვალად სიტურფე ჰმართებს მართ ვითა მზეობა, (8)
სიბრძნე, სიმდიდრე, სიუხვე, სიყმე და მოცალეობა,
ენა. გონება, დათმობა, მძლეთა მებრძოლთა მძლეობა,
ვისცა ეს სრულად არა სჭირს, აკლია მიჯნურთ ზნეობა.

15 ჴამს მიჯნური ხანიერი, არ მეძავი, ბილწი მრუში, (10)
რა მოშორდეს მოყვარესა, გაამრავლოს სულთ-ქმა, უში:
გულსა ერთსა დააჯეროს, კუშტი მიკვდეს თუნდა ქუში.
მძულს უგულოდ სიყვარული, ხვევნა-კოცნა, მტლაშა-მტლუში.

16 ამა საქმესა მიჯნურნი ნუ უკმობთ მიჯნურობასა, (11)
დღეს ერთი უნდეს, ხვალე სხვა, სთმობდეს გაყრისა ღმობასა:
ესე მღერასა ბედითსა ჰგავს ვაყოა, ყმაწვილობასა.
კარგი მიჯნური იგია, ვინ იქმს სოფლისა თმობასა.

17 შაირობა პირველადვე სიბრძნისაა ერთი დარგი, (19)
საღმრთო საღმრთოდ გასაგონი, მსმენელთათვის დიდი მარგი:
კვლავ აქაცა იამების, ვინცა ისმენს კაცი ვარგი.
გრძელი სიტყვა მოკლედ ითქმის, შაირია ამად კარგი.

18 ვითა ცხენსა შარა გრძელი და გამოსცდის დიდი რბევა, (20)
მობურთალსა მოედანი, მართლად ცემა, მარჯვედ ქნევა,
მართ აგრევე მელექსეთა ლექსთა გრძელთა თქმა და ხევა,
რა მისჭირდეს საუბარი და დაუწყოს ლექსსა ლევა.

19 მაშინღა ნახეთ მელექსე და მისი მოშაირობა, (21)
რა ვერდა მიხვდეს ქართულსა, დაუწყოს ლექსსა ძვირობა,
არ შეამოკლოს ქართული, არა ქმნას სიტყვა-მცირობა,
გულ-მარჯვედ სცემდეს ჩოგანსა, იკმაროს დიდი გმირობა.

20 მოშაირე არა ჰქვიან, თუ სადმე სთქვას ერთი, ორი, (22)
თავი ყოლა ნუ ჰგონია მელექსეთა კარგთა სწორი,
განა სთქვას ერთი, ორი, უმსგავსო და შორი-შორი,
მაგრა იტყვის: «ჩემი სჯობსო, უცილობლობს ვითა ჯორი.

16]V. **მიჯნური შმაგსა გვიქიან არაბულითა ენითა,** (29)
მით რომე შმაგობს მისისა ვერ მიკვდომისა წყენითა.
ზოგთა აქვს საღმრთო სიახლე, დაშვრების ალმა-ფრენითა,
და კვლავ ზოგთა ქვე უმსთ ბუნება კეკლუცთა თანა ფენითა.

21 მეორე ლექსი ცოტაი, ნაწილი მოშაირეთა, (23)
არ ძალ უძსთ სრულ ქმნა სიტყვათა გულისა გასაგმირეთა.
ვამსგავსე მშვილდი ბედითი უმაწვილთა მონადირეთა:
დიდსა ვერ მოჰკვლენ, კელად აქვსთ კოცა ნადირთა მცირეთა.

22 არს მესამე ლექსი კარგი სანადიმოდ, სამღერელად, (24)
სააშიკოდ, სალაღობოდ, ამხანაგთა სათრეველად:
ჩვენ მათიცა გვიამების, რაცა ოდენ სთქვან ნათლად.
მოშაირე არა ჰქვიან, ვერას იტყვის ვინცა გრძელად.

	დ. კარიჭაშვილი, 1903.	ბროსე, 1841.

დასასრული.

01 გასრულდა მათი ამბავი ვითა სიზმარი ღამისა, 1572=1633
გარდაკდეს, გავლეს სოფელი: ნახეთ სიმუხთლე ჟამისა!
ვის გრძლად ჰგონია, მისთვისცა არის ერთისა წამისა.
❧ ვსწერ ვინმე მესხი მელექსე მე რუსთაველის დაბისა.

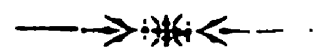
02 ქართველთა ღვთისა, დავითი ვის მზეს ჰმსახურებს მა რებლად, 1573=1634
ესე ამბავი გავლექსე მე მათად საკუმარებლად,
ვინ არის აღმოსავლეთით დასავლეთის ზართა მარებლად,
❧ ორ-გულთა მათთა დამწველად, ერთ-გულთა დამახმარებლად.

01² ესე ასეთი სოფელი არ ვისგან მისანდობელი, 1575=1636
წამია კაცთა თვალისა და წამწამისა მსწრობელი.
რასა, ვის ეძებთ? რას აქნევთ? ზედია მაყივნებელი,
❧ ვის არ შეუცვლის, კარგია, ორისავ იყოს მხლებელი.

02² დავითის ქნარით ვითა ვსთქვნე სიჩალხე-სიკაფეთანი 1574=1635
ესე ამბავნი უცხონი, უცხოთა კელ-მწიფეთანი,
პირველ ზნენი და საქმენი, ქებანი მათ მეფეთანი
❧ ვპოვე და ლექსად გარდავსთქვენ, ამითა ვილაყფეთანი.

---

0 ამირან დარეჯანის-ძე მოსეს უქია ხონელსა, 1576=1637
აბდულ-მესია შავთელსა, ლექსი მას უქეს რომელსა,
დილარგეთ სარგის თმოგველსა, მას ენა დაუშრომელსა,
❧ ტარიელ მისსა რუსთველსა, მისთვის ცრემლ-შეუშრობელსა.

Витязь въ барсовой кожѣ.

Вступительныя строфы.

1 Создавшій Своею могучею силою [небесную] твердь навѣялъ горній духъ съ неба и сотворилъ [все] сущее; намъ, людямъ, Онъ даровалъ землю: владѣемъ мы безпредѣльнымъ ея разнообразіемъ. И всякій царь поставленъ Имъ во образѣ, отъ Него исходящемъ. *Богъ и царь.*

2 Вотъ левъ! Ему пристало держать въ рукахъ копье, мечъ и щитъ; [Онъ — левъ] царицы Тамары-солнца, чьи ланиты, что̀ рубины, волоса, что̀ гишеръ: его ли я дерзну воспѣть и прославить въ стихахъ? *Во истину взирающіе на него невольно вкушаютъ сахаръ и молоко.* *Грузинскій царь Давидъ.*

3 Поэтъ не долженъ по-пусту расточать свой трудъ. Одна должна быть предметомъ его безумія, любить онъ долженъ одну; пусть для нея одной являетъ онъ свое искусство, ее одну восхваляетъ, ее одну украшаетъ [въ пѣсняхъ]. Внѣ ея у него не должно быть желаній: пусть музыка рѣчи его звучитъ для нея одной. *Предметъ пѣсенъ поэта.*

4 Узнайте теперь про меня: я воспѣваю ту, кому Небо уже отвело у Себя мѣсто. [Ей пѣснь,] мнѣ великая слава: это не позоръ для меня. Она — моя жизнь; она — безжалостна какъ зикхъ. Ниже я называю ея имя, ее осыпаю [жемчугомъ-стихами], ее воспѣваю.

5 Царицу Тамару воспоемъ, проливая кровавыя слезы [тоски]; въ честь ея у меня сложены пѣсни, недурно онѣ выбраны: чернилами мнѣ служили гишеровыя озера, перомъ — колеблющійся тростникъ. Копье, вонзившись, раздеретъ сердце того, кто услышитъ тѣ пѣсни. *Оды царицѣ Тамарѣ.*

6 Она повелѣла мнѣ сложить въ честь ея сладкозвучные стихи, воспѣть ея брови, рѣсницы и волосы, [воспѣть ея] губы и зубы, выточенные изъ хрусталя и рубина и пригнанные плотно. На наковальнѣ изъ мягкаго свинца можно разбить и твердый камень.

Новое начинаніе.

7 Глаза [мои], не освѣщаемые ея [сіяніемъ], снова вожделѣютъ показаться ей. Сердце мое обезумѣло, ему остается лишь одно: бѣжать въ пустыню. Въ ея власти зажечь плоть и дать отраду душѣ, упросите ее [помочь] мнѣ; боюсь, недостанетъ [мнѣ] стиховъ, предстоитъ воспѣть три образа.

. . . .

8 Это — персидская повѣсть, переведенная на грузинскій языкъ: какъ рѣдкую жемчужину, ее хочется лелѣять [,перекатывая] съ руки на руку; она попалась мнѣ, и я переложу ее въ стихи, совершу подвигъ, будетъ чѣмъ гордиться. Жду одобренія величавой красавицы, лишившей меня разсудка.

Просьба къ возлюбленной.

9 Итакъ я нуждаюсь для созданія своей пѣсни въ языкѣ, сердцѣ и искусствѣ. Пусть она дастъ мнѣ силу и поддержитъ меня. Я вложу [въ пѣсню весь] свой умъ, что̀ въ ея власти, и тогда поможемъ Таріелу. Надо повѣдать въ изысканной рѣчи о трехъ свѣтилахъ, исполинахъ-богатыряхъ, покорныхъ другъ другу какъ рабы.

Кличъ къ сострадальцамъ.

10 Придите, кому написана на роду судьба Таріела и у кого неиссякаемо текутъ слезы [въ плачѣ] о немъ! Сядемъ [вмѣстѣ]! Сяду я, Руставскій [поэтъ,] [также] пронзенный въ сердце копьемъ [состраданія] къ нему, и буду излагать въ стихахъ [повѣсть о немъ]. То, что доселѣ было [простой] повѣстью, отнынѣ [будетъ] нанизанный жемчугъ.

Равноцѣнность призваній.

11 Пусть каждый доволенъ тѣмъ, что даетъ ему судьба, и пусть рѣчь каждаго будетъ о своей долѣ. Пусть пахарь непрестанно пашетъ, воинъ проявляетъ свою храбрость, а влюбленный пусть лелѣетъ безумную любовь и къ [чужой] любви пусть будетъ участливъ. Ни другіе въ немъ, ни онъ въ другихъ не въ правѣ осуждать любовь.

Любовь.

12 Любовное безуміе — дивно прекрасный, труднопознаваемый родъ [понятія]; его нельзя сопоставлять съ любодѣйствомъ, оно нѣчто иное; любовь—одно, любодѣйство — другое: межи ихъ раздѣлены громаднымъ пространствомъ. Не смѣшивайте ихъ! Слышите-ли вы мои слова?

13 Высшая любовь — хоронить страданія въ себѣ: [истинный любовникъ] таитъ ихъ [отъ возлюбленной]; наединѣ мысленно онъ всегда съ нею и любитъ уединеніе. Вдали [отъ возлюбленной] онъ теряетъ сознаніе и умираетъ; вдали [отъ нея] онъ горитъ и пылаетъ. Онъ готовъ скорѣе перенести спокойно царскій гнѣвъ, но къ ней питаетъ страхъ и благоговѣніе.

14 Влюбленный обязанъ обладать изысканно красивой внѣшностью, сіять какъ солнце; онъ долженъ быть мудрымъ, богатымъ, щедрымъ, быть витяземъ, долженъ имѣть досугъ; ему надо быть мастеромъ слова, обладателемъ разума и терпѣнія и побѣдителемъ всесильныхъ противниковъ. Кому все это не дано въ удѣлъ, у того нѣтъ качествъ влюбленнаго.

15 Объятый любовнымъ безуміемъ постояненъ; онъ не любодѣй, не низкій развратникъ. Въ разлукѣ съ возлюбленной вздохи и стоны его становятся сильнѣе. Его сердце довольствуется одною, будь она сурова или гнѣвлива. Мнѣ противны ласки, въ которыхъ не чувствуется души: объятія, поцѣлуи и чмоканье въ губы.

16 Влюбленные, вы не должны называть любовью, если кто легко переноситъ мучительную разлуку, если сегодня ему нужна одна, а завтра другая. Это напоминаетъ пустыя забавы молодежи, [это] мальчишество. Истинный любовникъ тотъ, кто сдерживаетъ земные порывы.

17 Поэзія прежде всего отрасль мудрости: божественному ея [содержанію] должно внимать съ благоговѣніемъ; она весьма поучительна для слушающихъ. Кто подготовленъ, тотъ и въ этой области получаетъ удовлетвореніе. Обширную мысль можно заключить въ краткую рѣчь: вотъ почему поэзія прекрасна. *Поэзія.*

18 Подобно тому какъ лучшимъ испытаніемъ коня является длинный путь и большіе перегоны, какъ объ игрокѣ въ мячъ судятъ по ристалищу, по мѣткости удара и ловкости взмаха, такъ [пробнымъ камнемъ] поэта служитъ умѣнье слагать длинныя пѣсни и [искусно] осаживать [поэтическаго коня], если имъ исчерпанъ предметъ бесѣды, и риома начинаетъ изсякать.

19 Присмотритесь къ поэту и его пѣснямъ тогда, когда ему не хватаетъ языка, и риомы его начинаютъ рѣдѣть! Не укоротитъ ли онъ своей рѣчи? Не оскудѣетъ ли его слово? Хватитъ ли у него геройской отваги ударить ловко [по мячу] чоганомъ?

20 Того, кто случайно скажетъ два слова въ стихахъ, нельзя назвать поэтомъ; напрасно ставитъ онъ себя наравнѣ со славными пѣвцами. Иной сложитъ стихъ, другой; они ни на что не похожи, безсвязны. Но онъ твердитъ: «мой [стихъ] лучше!» упрямъ какъ мулъ.

21 Другой [видъ] — мелкія стихотворенія; это — удѣлъ поэтовъ, безсильныхъ отлить мысли, пронизывающія сердце, въ совершенныя [формы]. Я уподобляю [такое стихотворство] жалкому луку молодыхъ охотниковъ: крупнаго звѣря имъ не положить; они могутъ бить лишь мелкую дичину.

22 Третій [видъ] пѣсенъ годенъ для пировъ и увеселеній, для ухаживанья, для забавы и легкомысленныхъ похожденій съ пріятелями, и къ этимъ пѣснямъ мы обращаемся охотно, если мысль выражена въ нихъ ясно. Но тотъ, кто не въ силахъ создать чего либо крупнаго, — не поэтъ.

Заключительныя строфы.

01 Закончилась исторія нашихъ (героевъ), точно сонъ ночной: претерпѣли они и ушли изъ міра. Смотрите на вѣроломство времени! Мимолетно время и для того, кому оно кажется долгимъ. Пишу я, нѣкій месхъ изъ села Руставa.

02 Повѣсть эту я переложилъ въ стихи для забавы богини грузинъ,—той, кому, солнцу, Давидъ служитъ какъ странствующій мѣсяцъ,—той, кто наводитъ ужасъ на востокъ и западъ, — той, кто сжигаетъ вѣроломныхъ, преданнымъ же помогаетъ.

Поясненія къ вступительнымъ строфамъ.

2,1, 1-2. ვის ჰშვენის ლომსა *Вотъ левъ! Ему пристало*] букв. *Льву, которому пристало* или *подобаетъ*. Здѣсь ლომი *левъ* — царь Давидъ, мужъ Тамары, см. *Оды*:

a) IX, 3, 2-4:

სამყოფნი გიქნა ლეონის ეტლთა: მოგირბევანი	„(Зевсъ) жилище создалъ тебѣ (Тамарѣ) въ колесницѣ Льва: погналъ ее къ тебѣ!“ 1)

Колесница льва на грузинскомъ языкѣ значитъ *зодіакальный знакъ льва*, кстати, названнаго здѣсь не грузинскимъ словомъ lom-i, а греческимъ — leon-i. Указывая на высокое положеніе Тамары вообще въ мірѣ, поэтъ въ то же время намекаетъ на то, что царица нашла опору въ львоподобномъ супругѣ Давидѣ.

b) IX, 4, 3-4:

თქვენ: «ა გწყალობენ შენ ლომ-ნებანი!»	„[люди] сказали: «вотъ щедро расточается тебѣ (Тамарѣ) воля льва 2)!»“

Это значитъ, что Тамарѣ покоренъ левъ, т. е. мужъ Давидъ. Можно, конечно, предполагать, что въ обоихъ приведенныхъ примѣрахъ не исключительно Давидъ имѣется въ виду, но въ слѣдующихъ случаяхъ рѣчь безспорно только о мужѣ Тамары —

c) IX, 10, 1:

გტრფიალობს ლომი	„левъ влюбленъ въ тебя (Тамару)“.

---

1) Шота льву, зодіакальному знаку, уподобляетъ и коня, когда на немъ ѣдетъ красавица. Такъ въ 1179,3 про Нестандарсджану, посаженную Фатимою на лучшаго коня, Руставскій поэтъ пишетъ:

ჰგვანდა, ოდეს ლომსა შეჯდეს მზე, მნათობთა უკეთესი

„похожа была на солнце, лучшее изъ свѣтилъ, когда оно садится на льва“.

2) ср. ლომნი-მკლავნი (1019,3). Быть можетъ, ნება — вм. ნები *ладонь* (ср. 1380,4: ჴელე ნები), и тогда фраза будетъ гласить: «вотъ преданно (*букв.* милостиво) [служатъ] тебѣ (Тамарѣ) длани льва!»

Что здѣсь рѣчь о Давидѣ Сосланѣ, ясно изъ дальнѣйшихъ стиховъ о происхожденіи его изъ колѣна Ефрема [1]).

d) X, 16, 3-4:

რომე სჩანს ლომებრ შემძახებარე — „такъ какъ (Давидъ) появляется, рыча какъ левъ“.

e) XII, 58, 2-4:

წაუძღვა ლომი დავით დავითის მიბაძებულად — „вожакомъ (войскъ) сталъ левъ, Давидъ (мужъ Тамары), подражающій Давиду (іудейскому царю) [2])“.

Вообще, левъ у Шоты изъ Рустава — символъ героя, а не героини, и въ самой *Барсовой кожѣ*, напр.

a) Приглашая своего поклонника Автандила отправиться въ поиски за Таріеломъ, царевна Тинатина говоритъ ему (130,4):

მერმე მოდი, ლომო, მზესა, შეგეყრები, შემიყარე
«потомъ вернись, левъ, къ солнцу (ко мнѣ): я встрѣчу тебя, ты — меня [3])».

b) Когда Автандилъ настойчиво отпрашивался у своего повелителя въ походы на окраины государства, царь (143,2)

ებრძანა: «ლომო, არა გჭირს შენ ომთა გამდრეკელობა»
„изволилъ сказать ему: «левъ, тебѣ не свойственно уклоняться отъ войнъ!»“

c) Когда во время охоты герой Автандилъ исчезъ, и всѣ бѣгали въ поискахъ за нимъ, то, оплакивая его, говорили (173,1):

«ღმერთი, ლომო, შენდა ნაცვლად სხვასა ვისმცა დაჰნერგვიდეს?»
«О левъ (Автандилъ), кого Богъ могъ бы сотворить (*букв.* насадить) взамѣнъ тебя? [Никого!]» [4]).

Героя при особомъ превозношеніи называютъ ლომი ლომთა *левъ львовъ*, а героиню — მზე მზეთა *солнце солнцъ*, напр. про Автандила Таріелъ говоритъ Тинатинѣ (1518, 4):

«მე ლომი ლომთა დაგისვა გვერდსა შენ, მზესა მზეთასა [5])»

---

1) Багратидская династія грузинскими историками возводилась къ роду пророка Давида.

2) см. *Оды*, стр. 37.

3) Я сейчасъ не останавливаюсь на другихъ возможныхъ переводахъ этого стиха (ср. 1508,4): во всякомъ случаѣ здѣсь левъ—символъ героя Автандила.

4) см. также 1442,4.

5) въ изд. по недоразумѣнію: მზეთა მზეთასა, ср. 667,1.

«Я льва львовъ посажу рядомъ съ тобою, солнцемъ солнцъ».

2,1,4-6. ჴმარება შუბისა, ფარ-შიმშერისა *держать въ рукахъ копье, мечъ и щитъ*] букв. *пользоваться копьемъ* (*пикою*), *щитомъ и мечемъ*. Эта часть стиха также относится къ царю Давиду; при упоминаніи о немъ, а не о царицѣ Тамарѣ и заходитъ рѣчь объ оружіяхъ въ *Одахъ*, такъ —

a, 1) VII, 21,3—4:

ეფრემის ძირთა
ისართ მთლელი.

„(Давидъ) отъ корня Ефрема, строгающій стрѣлы“.

2) XII, 34,1—4:

ისრის ისარსა,
ვიტყვი: «ის არს
ეფრემის ძირთა
აღმორჩებულად»!

„когда (Давидъ) спускаетъ стрѣлу, я говорю: «вотъ онъ, отпрыскъ корня Ефрема!»“

b) X, 18,2—4:

მანგლის პირითა
ოდენ მუნით ჰყო
მეოტებარე.

„онъ (Давидъ) лишь *лезвіемъ* серпа обратилъ (врага) оттуда въ бѣгство[1]“.

c) X, 28,1—4:

აქამანდა ვით
აქა მან? დავით,
სხვამცა ვინ ჰგვანდა
მეისრაბარე?

„какъ онъ (Давидъ, мужъ Тамары) дѣйствовалъ здѣсь лукомъ? Давидъ (царь іудейскій) могъ бы сравниться съ нимъ, и никто другой, въ качествѣ метателя стрѣлъ“[2]).

d, 1) X, 35,1—4:

ესრე ატირო
გულსა მოკრვითა:
ჴრმალი მოიხვრისა
ნასურმა ისო.

„такъ-то заставишь ты (Давидъ) его (Абубекра) плакать ударомъ (меча) въ сердце: разбитый, онъ вонзилъ въ себя уничтожающій съ корнемъ мечъ“.

2) XII, 35,1:

ვინ ჴრმლითა ბადრობს.

„(Давидъ, тотъ,) который разитъ мечемъ (искусно), какъ Бадръ“[3]).

---

1) ср. *Оды*, стр. 30.
2) ср. о возможности иного перевода *Оды*, стр. ჩპბ, подъ словомъ ქამანდი.
3) *Оды*, стр. ჩპე подъ именемъ ბადრი.

e) XI, 13, 1:

ჯაჭვ-ჭურთა მოქვეთელი.

„панцырь и доспѣхи (враговъ) сокрушающій въ порошокъ".

f) XII, 33, 1—4:

დავით მგნე, ბრძენი,
რომლისა ზენი
ხდად ჭურვენ ზესთა
წარჩინებულად.

„Доблестный, мудрый Давидъ: его оружіе успѣшно устрашаетъ (даже) горнія (существа)" [1]).

2,2, 1-3. მეფისა მზის თამარისა *[Онъ — левъ] царицы Тамары-солнца*] букв. (*льву*) *царицы Тамары-солнца*. Толкователи, напр. г. Каричашвили (ц. с., стр. VIII), род. падежъ «царицы Тамары-солнца» относятъ къ «копью, щиту и мечу», объясняя его зависимостью отъ этихъ словъ, и все мѣсто понимаютъ такъ, точно поэтъ хотѣлъ сказать, что льву пристало держать доспѣхи Тамары! [2]). Въ связи съ этимъ находится пониманіе послѣдней части четверостишія въ томъ смыслѣ, точно поэтъ не дерзаетъ преподнести царю Давиду воспѣваніе царицы Тамары. Что касается величанія царицы солнцемъ, а царя — львомъ, это обычные символы: солнце обозначаетъ красивое лицомъ существо, красавицу или красавца, левъ — мощнаго фигурою героя, исполина-богатыря. Когда Таріелъ, погибавшій въ скитаніяхъ по пустынямъ, отыскалъ свою исчезнувшую возлюбленную при помощи Автандила и Фридона, то (1435,2—3)

მათ შეასხეს ქება, უთხრეს: «თავნი მივცნეთ აწ ღიმილსა,
რადგან მიჰხვდა დაკარგული ლომი მზესა წარკდომილსა».

„они воздали хвалу и сказали: «предадимся теперь радости (*букв.* улыбкѣ) — погибавшій левъ обрѣлъ (свое) исчезнувшее солнце".

Кстати, Нестандареджана также называетъ Таріела «своимъ львомъ» (ჩემო ლომო): значитъ, про Таріела можно бы сказать, что

1) Толкованіе этого четверостишія впрочемъ гадательное; не увѣренъ я и въ правильности пониманія ზენი въ смыслѣ *оружія*. Въ *Барсовой кожѣ* ზენი употреблено въ значеніи *вышняго*, *высокаго:*

გამომარჩივე, სით მოვალს მეფე მის ზეის ზენისა (983,3),
მოუძღვა ღმერთმან შემოგზავნილი მოწყალებითა ზენითა (1178,2),
მას ღლე ავთანდილ მეტრონაზე ზის და ვეც-მწიფე ზენა (1525,1).

2) Ал. С—швили Тамару подразумѣвалъ (ц. с., стр. 13) даже подъ львомъ. Это было вообще общее традиціонное пониманіе, отъ котораго не былъ свободенъ и я еще въ *Одахъ*, стр. 56.

онъ «левъ царевны Нестандареджаны - солнца». Въ параллель къ величанію Давида «львомъ царицы Тамары» самоё Тамару можно бы назвать «солнцемъ царя Давида», какъ напр. арабскій царь (1530,2-3)

ტარიელს უთხრა: «შენი მზე საჭვრეტლად სატურფალია,
მეფე ხარ ყოვლთა მეფეთა და იგი დედოფალია»,

„сказалъ Таріелу: «любо смотрѣть на твое солнце (Нестандареджану)! Ты царь всѣхъ царей, а она — царица»".

Или еще, когда Автандилъ вернулся изъ Индіи домой къ своей супругѣ Тинатинѣ (1569,2),

ნახა მზე მისი, მიჭრიდა მისთა სურვილთა წყენამან.

„онъ увидѣлъ свое солнце, и огорченіе его желанія отошло".

Тамара не разъ сравнивается въ *Одахъ* съ солнцемъ. Въ одномъ же стихѣ (IX, 3,1) сказано, что самъ „Зевсъ призналъ ее солнцемъ".

Не относится ли однако въ данномъ мѣстѣ и символъ „солнце" къ Давиду, т. е. не слѣдуетъ ли читать наше мѣсто — მეფესა, მზეს თამარისა? Впрочемъ прозодически лучше бы читать მეფესა, მზესა თამარის *царю, солнцу Тамары*, понимая не только მეფესა *царю*¹), но и მზეს *солнцу*, какъ приложеніе къ льву Давиду. Тогда въ русскомъ переводѣ мѣсто гласило бы: „Онъ — царь, онъ — солнце Тамары, чьи ланиты и т. д.". Во всякомъ случаѣ въ *Барсовой кожѣ* მზე *солнце* символизируетъ не только красавицу, напр. 134,1, 138,1, 642,4, 661,4, 667,1, 676,1, 684,4, но и красавца, такъ —

a) 132,1—2: ფიცით გითხრობ: «შენგან კიდე თუ შევირთო რაცა ქმარი,
მზეცა მომხვდეს კორციელი, ჩემთვის კაცად შენაქმარი».
„Клятвенно подтверждаю тебѣ: «если я выйду замужъ за кого либо, кромѣ тебя, достанься мнѣ въ удѣлъ хоть солнце во плоти, [будь онъ солнце,] для меня вочеловѣчившееся»"...

b) 301,4. Про индійскаго царя Парсадана сказано:
ტანად ლომი და პირად მზე, ომად მძლე, რაზმთა მწყობელი
„левъ станомъ, солнце ликомъ, въ бояхъ побѣдитель, искусный вождь полковъ".

c) 309,4. Таріелъ говоритъ про себя:
მოვიწიე, დავემზგავსე მზესა თვალად, ლომსა ნაკვთად

1) Въ грузинскомъ грамматическій родъ издревле пересталъ различаться, и потому მეფე мефе значитъ и *царь*, и *царица*.

„когда я возмужалъ (*букв.* созрѣлъ), то уподобился видомъ солнцу, фигурою льву“ [1]).

d) 599,4. Про Фридона сказано:

იბრძვის ლომი და პირად მზე, იგი ალვისაც ხენის.

„борется левъ, лицомъ солнце, со станомъ чинара“.

e) 659,2:

ანუ ვით პოვა იგი ყმა, მისგანვე მზედ დასახული

„а также то, какъ онъ нашелъ витязя, имъ же уподобленнаго солнцу“.

f) 801,2:

მეფემან ჰკითხა: «წასულა მზე დაუდგრომლად, მთვარულად [2])?»

„царь спросилъ (визиря про Автандила): «ушло ли солнце, непостоянствомъ уподобившись лунѣ?»“

g) 801,4. Визирь отвѣчаетъ царю:

«მზე ალარ მზეობს ჩვენთანა, დარი არ დარობს დარულად»

«солнце (Автандилъ) не свѣтитъ уже болѣе намъ, погода не ясная».

h) 806,4. Когда Автандилъ исчезъ, народъ

სთქვეს: «ბნელი გვმართებს დღე-კრულთა, რადგან დღე მიგვიდრკა ცისა!»

„говорилъ: «мы, несчастные [3]), заслуживаемъ тьмы, разъ небесное солнце (Автандилъ) ушло отъ насъ»“.

i) 807,2. По поводу отлучки Автандила царь вельможамъ

უთხრა: «ხედავთ, მზემან ჩვენმან შუქნი სრულად დაგვიძვირნა?»

„сказалъ: «видите ли, какъ наше солнце (Автандилъ) лишило насъ совсѣмъ лучей»?“

j) 1013,1. Купцы говорятъ Автандилу:

«ლომო და მზეო, ესეა მიზეზი აქა დგომისა»

«о левъ и солнце, вотъ какова причина того, что мы здѣсь стоимъ!»

k) 1063,1. Фатима такъ начинаетъ письмо къ Автандилу:

«ჰე მზეო, ღმერთსა ვინადგან მზედ სწადდი დასაბადებლად»,

«о солнце, разъ Богу угодно было тебя создать солнцемъ».

---

1) см. также 321,3.

2) По формѣ მთვარულად ср. съ მთვარებლად (207,2,7).

3) *букв.*: „мы съ проклятымъ днемъ (проклятою жизнью)“.

Такимъ образомъ въ интересующемъ насъ мѣстѣ спорныя слова („царь“, „солнце“) относились бы ко льву какъ приложенія. Во всякомъ случаѣ этому льву, Давиду, не знаетъ Шота изъ Рустава, какъ или что дерзать сказать въ похвалу. Посему, ограничившись однимъ стихомъ въ его честь (2,4)—„во истину взирающіе на него невольно вкушаютъ сахаръ и молоко“ [1]), влюбленный поэтъ спѣшитъ къ восхваленію предмета своей безумной любви: Тамары. Шота отъ восхваленія Давида воздерживается и потому, что поэтъ не долженъ расточаться, онъ долженъ воспѣвать лишь одинъ предметъ любви, какъ объясняется это въ двухъ непосредственно слѣдующихъ четверостишіяхъ.

2,2, 4-5. ლაწვ-ბალახშ-თმა-გიშერისა *чьи ланиты, что̀ рубины, волоса, что̀ гишеръ*] букв. (*Тамары*) *рубиноланитной, гишероволосой* или *агатоволосой, если агатомъ* можно было бы перевести, какъ то предлагалъ лексикографъ Д. Чубиновъ, черный камень *гишеръ*. ბალახში balaqш-i *рубинъ* представляетъ съ закономѣрнымъ яфетическимъ перебоемъ d въ l ბადახში badaqш-i *Бадахшанъ*, страну, „гдѣ обрѣтается руда рубина и золота или гдѣ продаются привозные рубинъ и золото“; у Руставскаго поэта слово употреблено въ значеніи *бадахшанскаго рубина*: بدخشی или بدخشانی по-персидски значитъ *рубинъ*. Грузинская форма balaqш-i современна ли автору *Барсовой кожи* или позднѣйшая, надо еще установить, и спѣшить исправленіемъ ея въ ბადახში badaqш-i нѣтъ пока надобности. Въ *Одахъ* поэтъ также касается тѣхъ же подробностей Тамары, но тамъ прибѣгаетъ къ инымъ сравненіямъ, такъ:

a) I, 10, 1–2:

ლაწვი მწყაზარი—
ა მელდაზარი!“

„Блестящія (ея) ланиты—лужайки!“[2])

1) см. Поясн. къ 2,4, стр. 20 сл.

2) მწყაზარი по словарямъ означаетъ *бѣлый*. Дѣйствительно, въ такомъ значеніи встрѣчаемъ его, напр. въ *Пѣсни пѣсней* (5,10)—ძმა-წული ჩემი მწყაზარ და მწითურ, если руководствоваться греческимъ соотвѣтствіемъ λευκός, откуда и арм. սպիտակ, равно сир. ܨܚܐ, но въ евр. צַח *блестящій, ослѣпительно бѣлый*. Въ пятомъ (e) примѣрѣ изъ параллельныхъ чтеній въ *Одахъ* въ пору глаголъ მწყაზრობა, произведенный отъ того же მწყაზარი, перевести черезъ *быть краснымъ, рдѣть*. Касательно მელდაზარი, да и вообще перевода этого двустишія, ср. *Оды*, стр. 30, а теперь и Ю. Абуладзе, ц. с., стр. 92, 184 (впрочемъ здѣсь надо откинуть сопоставленіе съ п. مُرغ *птица*: оно основано на случайномъ созвучіи), см. § 4, стр. XVI, прим. 3.

b) II, 16,4, 1-4:

ვარდ-შამბნარი,
შამბ-მაღნარი,
ლაწვ-მწყაზარი,
შუქ-მთვინარი.

„Сіяетъ лучами (Тамара) съ блестящими ланитами: она—чаща розъ (ланитами), дубрава тростниковъ (станомъ)“.

c) VII, 2, 1—2:

უკლებად ხათნი
გცისკრობენ ლაწვნი.

„Безукоризненные кораллы[1]), ланиты у тебя (Тамары) какъ утренняя заря“.

---

1) ხათნი въ данномъ мѣстѣ, конечно, не означаетъ *достойныя одобренія* или *пріятныя*, какъ я раньше переводилъ (см. *Оды*, стр. 44). Руставскій поэтъ, по всей видимости, его употребляетъ въ значеніи какого-то драгоцѣннаго камня, напр. 817,3, 847,3, 990,4, 1052,3: это отнюдь не „гишеръ“ или „агатъ“, какъ по догадкѣ думалъ и я (ц. с., стр. რმვ), а „кораллъ темно-краснаго цвѣта“; въ этомъ значеніи слово սաթ толкуется и въ армянскомъ Большомъ словарѣ (սաթ.... բուստ թխագոյն բուսեալ ի ջուրս saϑ *кораллъ потемнѣе, растущій въ водахъ*); сюда не подходятъ другія толкованія того же слова, ни „многоцвѣтный, resp. разноцвѣтный камень“, ни „янтарь“ (ср. Ю. Абуладзе, ц. с., стр 149). Однако saϑ въ арм. (սաթ), какъ и въ груз., представляетъ предсѣченный видъ формы *bəsaϑ, что въ свою очередь является вполнѣ закономѣрнымъ соотвѣтствіемъ перс. بسَّد или بسد (и безъ тешдида) „*красный кораллъ*, «*марджан*», по инымъ *корень коралла;* сближаютъ съ нимъ и перс. بستام *кораллъ*. Въ отношеніи предсѣченія неударнаго слога ʳbəˡsaϑ, явленія чисто-армянскаго, ср. ստին stin, resp. stean<*stān *груди* и перс. پستان *груди*. Слово ხათი въ значеніи „коралла темно-краснаго цвѣта“ думалъ я понять и въ 1124,3, гдѣ рѣсницы (пики), казалось бы, изображаются насыщенными въ „темнокрасныхъ“, „кровавыхъ“ слезахъ, см. Поясн. къ 5,3,1-4, стр. 25.

Лексическіе арменизмы въ *Барсовой кожѣ* не говорятъ о вліяніи армянскаго языка непосредственно на ея творца; они скорѣе доказываютъ происхожденіе поэта изъ такой области, гдѣ въ мѣстной народной грузинской рѣчи были давно гражданственны армянскія слова. Самымъ яркимъ примѣромъ лексическаго арменизма является ტერება ter-eb-a отъ ტერ ter = арм. տէր *господинъ, хозяинъ* въ значеніи *покровительствовать, призрѣвать, заботиться* и т. п., т. е. въ томъ значеніи, въ какомъ обыкновенно грузины употребляютъ პატრონობა patron-ob-a. Къ случаямъ употребленія ტერება, приведеннымъ нами въ *Одахъ* (стр. 72, прим. 2), слѣдуетъ прибавить еще одинъ (634,1):

«აწ წადით და მე დამაგდეთ, ეტერებით თავთა თქუენთა»
«Теперь ступайте, оставьте меня и заботьтесь о себѣ!»

Въ числѣ лексическихъ арменизмовъ Шоты особенно любопытны слова: ბაკმი, ჭოჭმანი, ყოყმანი и გჯი.

a) ბაკმი bakm-i или ბაკმა bakma всѣ толкуютъ болѣе или менѣе правильно; оно значитъ въ астрономической терминологіи „кругъ, кольцо около солнца или луны“, въ поэтической рѣчи—„ореолъ, нимбъ, сіяніе“; такъ въ 1410,4:

ქალი რა ნახეს, სტრფიალობს შუქსა მის ბროლ-ბაკმიანსა
„Когда увидѣли ее (Нестандареджану) [и то, какъ Таріелъ] любовался лучами ея хрусталя и ореола“.

Отсюда ბაკმული, равно ბაკმიანი *съ ореоломъ, съ нимбомъ* и т. п., такъ:
226,4. ეტყვის თუ დაბრუნდეთ პირი-ვარდი ბროლ-ბაკმული

d) XII, 2, 1—4:

ცად, საყდრად, ღრუბლად,
ღაწვ-ბროლ-ვარდ-შუბლად
თამარ შენ გიცნობ
განცხადებულად.

„Тебя (Тамару), съ ланитами изъ розъ и съ челомъ изъ хрусталя, открыто признаю небомъ, престоломъ, облаками“.

„Она (Асма) думала, что вернулся онъ (Таріелъ), у кого лицо — роза съ нимбомъ изъ хрусталя“.

229,3. «მისი რამე მითხარ, ვინ არის ტან-სარო, პირ-ბაკმიანი»

«Разскажи мнѣ что-либо про того, у кого станомъ кипарисъ и лицо окружено нимбомъ».

Слово одного происхожденія съ арм. բակ bak, означающимъ также „кругъ, кольцо около солнца или луны“; въ грузинскомъ словѣ лишній звукъ „m“ (bakm-i) не что иное, какъ армянскій детерминативъ. Въ грузинскомъ словѣ, сохранившемъ, надо думать, утраченную армянскую діалектическую форму, находимъ новое подтвержденіе нашей мысли, что детерминативъ m, resp. man въ армянскомъ одно время получала любая основа, но онъ случайно сохранился сросшимся съ немногими основами (*Грам. древне-арм. языка*, § 64). Въ двухъ слѣдующихъ примѣрахъ мы имѣемъ детерминативъ man въ полной формѣ.

b) Слово სატოტმანები (8, 3) sa-ṭoṭman-eb-i, переведенное мною „будетъ чѣмъ гордиться“, произведено отъ имени дѣйствія ტოტმანი ṭoṭman-i, которое собственно означаетъ *блистаніе, сверканіе* (отсюда *блескъ, слава, гордость*); *мерцаніе, миганіе, колебаніе* (отсюда ново-грузинское значеніе отыменнаго глагола ტოტმანობს *колеблется, сомнѣвается, недоумѣваетъ*). Съ грузинскимъ словомъ, несомнѣнно, тождественно арм. թօթ ṭōṭ *блистаніе; колебаніе*: грузинская форма отличается лишь наличіемъ детерминатива man. Кстати, сама основа—яфетическаго происхожденія (сюда же относится и груз. კოკმანი kokman-i), но объ этомъ впослѣдствіи.

c) საგოგმანები (8,2) sa-gogman-eb-i, буквально означающее „достойный нѣжнаго обращенія (перекатыванія) съ руки на руку“, точно также произведено отъ имени дѣйствія გოგმანი gogman-i; по аналогіи съ ტოტმანი ṭoṭman-i мы въ армянскомъ должны бы имѣть форму безъ детерминатива *gog: ея нѣтъ, но есть нѣчто, для насъ не менѣе интересное, именно таже основа gog, представленная въ видѣ народнаго эквивалента *գուգ *gug (о вульгарномъ u, развивающемся изъ o см. *Грамм. др.-арм. яз.*, § 20, прим. 1) съ полнымъ детерминативомъ man, но въ діалектической формѣ wan (*Грам. др.-арм. яз.*, § 64,4) дала арм. գգուանք gəgowan-q [< gug-wan || gog-man], что значитъ *ласкать, нѣжить, любоваться*. (Къ цитатѣ большого сл. подъ գգուանք изъ Нарекскаго можно прибавить еще мѣста изъ историковъ Вардана и Киріака, гдѣ գգուանաւք употреблено въ значеніи „ласкательно“, см. I. Орбели, *Ҕасанъ Джалалъ, князь Хаченскій*, Изв. Имп. Ак. Наукъ, 1909, № 6, стр. 411). Это значеніе прекрасно подходитъ къ той груз. основѣ გოგმანი gogman-i, отъ которой произвелъ свое საგოგმანები sa-gogman-eb-i Шота, желавшій имъ выразить, что повѣсть еще прозаическую надлежало какъ крупную жемчужину „лелѣять“ или „холить [,перекатывая] съ руки на руку“, ею нельзя было не любоваться, „какъ любуются крупною жемчужиною [,перекатывая или играя] съ руки на руку“. Едва ли одного корня съ этимъ словомъ груз. გოგვა gogva *красиво выступать* (о птицѣ) и т. п.

d) ედი ed-i у Шоты значитъ *остановка, стоянка, станція*, напр.

462,3. ადრე დავბრუნდით, ვიარეთ არ ედი გზისა შორისა

„Скоро вернулись мы, не проѣхавъ станціи дальняго пути“.

930,2. ერთი ადგა, ერთი დადგა უწყვეტ მივლენ შამბთა ედით

е) XII^a, 9, 1—4:

ვის ძოწეული
ვარდ-გაწეული
ღაწვი უმწყაზრობს.
განბრწყინვებულად

„У кого (Тамары) блестяще *рдѣютъ* ланиты, багряныя раскрывшіяся розы“.

Къ ღაწვ-ბალახშ см. 1517,4.

Къ თმა-გიშერი см. 676,3.

2,3, 5-7. შესხმა ხოტბისა, შერისა *воспѣть и прославить въ стихахъ*] букв. *воспѣваніе проповѣди* (*для славословія*), *стиховъ*. Какъ въ значеніи *проповѣди для славословія* въ данномъ мѣстѣ употреблено араб. خطبة, такъ въ значеніи *стиховъ*—араб. شعر, въ книжной грузинской передачѣ: შერი шег-і. Въ значеніи *поэзіи*, *стиха* въ грузинскомъ обыкновенно употребляется или терминъ греческаго происхожденія ლექსი leqs-i (греч. λέξις *слово*) или это же арабское слово, но въ народной грузинской передачѣ შაირი шair-i. Во всякомъ случаѣ чтеніе ხშირი ḳшiri, красующееся во всѣхъ изданіяхъ, представляетъ очевидное искаженіе чего-то: оно нарушаетъ риѳму, и такъ или иначе его надо исправить.

2,4, 1-8. მისთა მჭვრეტელთა ყანდისა მირთმა კამს მართ და შერისა *Во истину взирающіе на него невольно вкушаютъ сахаръ и молоко*]

„Одинъ вверхъ, другой внизъ ѣдутъ безъ дороги по степнымъ стоянкамъ“.

Никогда ედი eḍ-i не означало и не могло означать *стези* или *тропинки* (ბილიკი), какъ предлагаютъ послѣдніе толкователи (Д. Каричашвили, ц. с., стр. 311, Ю. Абуладзе, ц. с., стр. 125), да и для текста Шоты отнюдь не пригодно такое значеніе. Вполнѣ правильно прежнее грузинское же толкованіе слова терминомъ მანდილი mandili арабскаго происхожденія: арб. منزل, происходя отъ глагола نزل *спустился*, значитъ „мѣсто привала, остановка, станція“ и т. п.; терминъ ედი eḍ-i значитъ совершенно тоже самое, но онъ—армянскаго происхожденія: էջ ēḍ значитъ букв. *спускъ*, а какъ глаголъ—*спустился*, и въ связи съ этимъ производное отъ него իջեւան iḍe-wan означаетъ „мѣсто привала, остановка, станція“ и т. п.; тоже самое означала, очевидно, простая форма էջ ēḍ въ какомъ либо армянскомъ діалектѣ, откуда она и была внесена устнымъ путемъ въ грузинскую рѣчь родной области Шоты. Руставскій поэтъ отъ грузинскаго термина армянскаго происхожденія ედი eḍ-i производитъ глаголъ ედობა eḍ-ob-a *дѣлать остановку, привалъ*: ედდა eḍ-da, прош. несов. I-й породы отъ этого отыменнаго глагола [а не ედდა eḍda, прош. сов. IV-й породы страд. залога отъ коренного глагола ჯდომა ḍdom-a *сидѣть*, какъ думаютъ Д. Каричашвили, ц. с., стр. 272, и Ю. Абуладзе, ц. с., стр. 191], и имѣемъ въ стихѣ 222,1—

მის მოყმისა წესი იყო, თუცა მეტსა არა ედდა

„Оказывается, положено было у витязя, что дольше онъ не оставался на привалѣ“.

Шота изъ Рустава часто пользуется **зрителями** для выраженія тѣхъ или иныхъ чувствъ къ героямъ, для ихъ восхваленія. Это—обычный его пріемъ, напр.

a) 1050,4. Про Автандила садовникъ поспѣшно докладываетъ Фатимѣ:

ყმა მოვა, მისთა მჭვრეტელთა შუქნი მზედ გაიცადიან
„витязь идетъ: взирающіе на него воспринимаютъ лучи его, точно солнце“[1]).

b) 1052,4. Когда Автандилъ вошелъ къ Фатимѣ,
მისთა მჭვრეტთა დაუსახეს ვეფხსა ტოტი, ლომსა თათი
„взирающіе на него уподобили ноги барсу, длани льву“ [2]).

c) 1064,1. Фатима пишетъ Автандилу:
«შენ გტრფიალობენ მჭვრეტელნი, შენთვის საბრალოდ ბნდებიან»
«взирающіе на тебя влюбляются въ тебя, изъ-за тебя жалко теряютъ сознаніе».

Но въ нашемъ стихѣ затрудненіе въ томъ и состоитъ, что роль „взирающихъ на него“ неясна. Принятое въ изданіяхъ чтеніе

მისთა მჭვრეტელთა ყანდისა მირთმა კამს მართ მშიერისა

мало понятно. Оно прежде всего несостоятельно формально: a) მშიერისა *голоднаго* грамматически относимо лишь къ ყანდისა *сахара*, что̀ даетъ безсмысленное чтеніе „голоднаго сахара“, b) отнести къ „Давиду“ или къ „взирающимъ на него“ одинаково нельзя этотъ род. падежъ, такъ какъ оба они стоятъ въ дат. падежѣ, c) если же не смущаться нарушеніемъ синтаксиса, фраза получится странная, отнесемъ ли მშიერისა къ Давиду — „во-истину долгъ взирающихъ на него преподнести ему, точно голодному, сахаръ“, или къ „взирающимъ на него“—„во-истину взирающіе на него, точно голодные, невольно вкушаютъ сахаръ“, d) въ довершеніе всего чтеніемъ და მშიერისა нарушается ритмъ четверостишія съ дѣленіемъ на пяти- и трех-сложныя стопы, что̀ прекрасно соблюдено и въ первой половинѣ настоящаго стиха:

მისთა მჭვრეტელთა | ყანდისა,

но во второй половинѣ при нормальной скандировкѣ неожиданно выступаетъ другой ритмъ съ дѣленіемъ на четырехсложныя стопы:

1) Къ переводу этого стиха см. еще Этюдъ, § 4, стр. XX.
2) см. болѣе свободный переводъ этого же стиха въ Этюдѣ, § 4, стр. XX.

მი́რთმა̆ კ́ამს მ̆ართ | მშ́იე̆რ́ისა̆

Первымъ дѣломъ наше чтеніе даетъ возможность возстановить ритмъ четверостишія:

მი́რთმა̆ კა̆მს მ́ართ და̆ | შ́ერისა̆

Затѣмъ, შერისა, род. падежъ отъ შერი шеr-i=перс. شیر *молоко*, явится грамматически прекрасною параллелью ყანდისა *сахара*. Правда, отъ этого пониманіе стиха по существу не облегчается, особенно если მირთმა понять въ смыслѣ მირთმევა (მივართმევ)—„долгъ взирающихъ на него преподнести ему во-истину сахаръ и молоко". Но глаголъ მირთმა (მივირთმევ) значитъ и *пріять*, *вкусить*. При такомъ значеніи и съ передачею კამს *нужно* нарѣчіемъ *неизбѣжно*, *невольно* стихъ въ русскомъ переводѣ будетъ гласить—„Во истину взирающіе на него невольно вкушаютъ сахаръ и молоко". Въ *Одахъ* поэтъ говоритъ, правда, о сладости одной Тамары, такъ—

a) V, 38,1—4:

ითქმი უღამო,
ტკბილ იულ ამო,
მოწყალებისა
    ნაუფსკრულევად!

„Бездною милостей называютъ тебя, свободной отъ [покрова] ночи (, о Тамара), пріятный, сладкій елей" [1])!

b) V, 41,1—4:

იცისკარებით:
იცი სკა რებით
შენთა ბროლ-ვარდთა
    ზრო-ნაფუნჩევად.

„(Когда ты, Тамара,) всходишь утреннею зарею, по твоимъ розамъ (ланитамъ) и хрусталю (челу) на распустившемся стеблѣ, какъ тебѣ извѣстно, пчелы странствуютъ (для собиранія сладости)".

„Сладость", т. е. ласковое обращеніе и мягкость—хвалебныя качества и въ мужчинѣ, царственномъ героѣ, по представленію древне-грузинскихъ одописцевъ. Одописецъ Шавтели говоритъ, что городу „Кандагару сахаръ" [2]) данъ Давидомъ Строителемъ, героемъ поэта, настолько, значитъ, въ немъ избытокъ „сладости". Кстати, тутъ въ грузинскомъ игра словъ ყანდაჰარ ḳandahar *Кандагаръ* и ყანდი ḳand-i (перс. قند ḳand) *сахаръ*. Шота въ нашемъ спорномъ стихѣ употребляетъ это же персидское слово въ значеніи *сахара*. Слѣдо-

1) ср. *Оды*, стр. 102, прим. 1.
2) 58,2, 1: ყანდაჰარს შაქრ.

вательно, и въ Давидѣ, мужѣ Тамары, былъ такой избытокъ сладости, что „взирающіе на него невольно вкушали сахаръ и молоко“, т. е. ощущали удовольствіе, какъ въ другомъ аналогичномъ случаѣ (1433,3—4) окружающіе, уподобивъ прекрасную Нестандареджану солнцу, заключаютъ:

> თქვენთა მჭვრეტთა მღერა ჰმართებსთ: რასათვისმცა ივაგლახეს?
> „взирающіе на васъ должны веселиться: пристало-ли имъ плакать?“

На такомъ толкованіи я однако не настаиваю, тѣмъ болѣе, что съ такимъ же сомнительнымъ успѣхомъ напрашивается иное еще объясненіе, да притомъ не одно.

3,4, 1-4. მისგან კიდე ნურა უნდა *внѣ ея у него не должно быть желаній*] букв. *кромѣ нея ничего да не будетъ ему нужно*. Выраженіе -გან კიდე въ значеніи *кромѣ* обычное у Шоты, напр. ჩემი შემწე შენგან კიდე არავინა (617,2,3-7), შენგან კიდე არვინ მივის (785,4,1-4), არვინ მივის შენგან კიდე (792,1,4-7), მისგან კიდე სანახავად არა უნდა კაცთა ტომი (978,4). Прежній мой переводъ цѣликомъ всего четверостишія, болѣе буквальный, см. *Оды*, стр. 58.

4,1, 5-9. მას ვაქებ, ვინ ცამ იქია *я воспѣваю ту, кому Небо уже отвело у Себя мѣсто*] букв. *я воспѣваю ту, кого Небо сдѣлало у Себя тамошнимъ*, resp. *тамошнею*. Длинное, неуклюжее „сдѣлало у себя тамошнимъ“ или „тамошнею“ представляетъ передачу грузинскаго глагола იქია, аориста II-й породы второобразной глагольной основы, произведенной отъ нарѣчія იქი *тамъ* [1]).

4,3, 1-6. იგია ჩემი სიცოცხლე, უწყალო ვითა ჯიქია *Она — моя жизнь; она — безжалостна какъ зикхъ*] о жестокости къ нему царицы поэтъ говоритъ и въ *Одахъ*, такъ XII,14—

არ დამე, დია!	„Не снизошла ты, женщина, ко мнѣ!
მომკალ მე დია [2])—	Убила ты меня въ конецъ — жизнь моя
ჩემი სიცოცხლე	стала пустою!“
გაცუდებულად!	

1) Уже въ древности извѣстна форма *тамъ*, *туда* იქი вм. იქა, напр. Мѳ. 26, 36: ჰრქუა მათ დასხედით მანდა ვიდრე მივიდე იქი და ვილოცო.

2) Такъ приходится исправлять чтеніе двухъ первыхъ стиховъ:

არ დამეცია:
მომკალა მე დია.

Переводъ прежняго чтенія см. *Оды*, стр. 71.

О жестокости джихскаго или зикхскаго народа Руставскій поэтъ могъ знать изъ *Грузинскихъ лѣтописей* или прямо изъ *Хожденія ап. Андрея*: ხოლო კაცნი იგი მის ქუეყანისანი ჯიქნი იყვნეს ფიცხელ გულითა და განფრდილ საქმეთაჲშინა ბოროტთა, უძლებნი და ურწმუნონი (Сабининъ, საქართუჱლოს სამოთხე, Спб. 1882, стр. 36, ср. ქართლის ცხოვრება, изд. Brosset, I, стр. 46); поэту могла быть извѣстна иная версія, болѣе близкая къ славянской или греческой: „жестоци же человѣци и люти и до нынѣ невѣрни полма“, οἱ δὲ Ζηκχοὶ σκληροὶ ἄνθρωποι καὶ βάρβαροι καὶ ἕως τοῦ νῦν ἄπιστοι ἡμίσεις (В. Г. Васильевскій, *Хожденіе ап. Андрея въ странѣ Мирмидонянъ*, Труды, Спб. 1909, т. II, стр. 275). Такимъ образомъ отпадаетъ совершенно традиціонное толкованіе ჯიქი въ значеніи *тигра*, чего держался и я въ прежнемъ переводѣ (*Оды*, стр. 58), и оправдывается пониманіе, которое нерѣшительно предлагалось мною тамъ же въ примѣчаніи.

4,4, 1-6. მისი სახელი შეფრქვევით ქვემორე მითქვამს, მიქის *Ниже я называю ея имя, ее осыпаю (жемчугомъ-стихами), ее воспѣваю*] букв. *ея имя, осыпая, произношу ниже, хвалю.*

5,2, 1-4. ვსთქუენი ქებანი ვისნი მე *въ честь ея у меня сложены пѣсни*] букв. *чьи пѣсни я сказалъ (сложилъ)*[1]. ვსთქვენი аор. 1-го лица ед. числа съ показателемъ отношенія ко мн. числу (ქებანი), ср. სიტყუვანიცა ტკბილნი ვსთქვე-ნი-თ (403,1, 5-7), გავასრულე, რაცა ვსთქვე-ნი (1029,3, 5-7). Кстати, въ послѣднемъ случаѣ რაცა воспринято какъ собирательное, или первоначально читалось რანიც вм. რაცა. Въ болѣе правильной книжной рѣчи слѣдовало бы и გავასრულე-ნ.

5,3, 1-4. მელნად ვიკმარე გიშრის ტბა *чернилами мнѣ служили гишеровыя озера*] букв. *чернилами я употребилъ гишеровое озеро.* Двоякій намекъ. Прежде всего намекъ на глаза Тамары, собственно на образныя выраженія, употребленныя поэтомъ при описаніи очей Тамары въ *Одахъ*:

a) V, 50, 1—4.

ღაწვთა არეს
შუქნი მთვარეს,
მელნის ტბანი
დგანან მორევად

„Въ окрестностяхъ ланитъ—лучи мѣсяца, стоятъ (тамъ же) пучиною чернильныя озера“.

1) см. *Оды*, стр. 56.

b) XII,8,1—4.

ვინ მელნის ტბებად
გოქვენ[1]) დასახებად,
გიშრის სარნო
დანატრებულად

„Кого я воспѣлъ, уподобивъ (глаза) чернильнымъ озерамъ; съ вожделѣніемъ (любуетесь) въ нихъ, о гишеровые колы (черныя рѣсницы)!“

Подобные образы встрѣчаются и въ *Барсовой кожѣ*, напр. Таріелъ разсказываетъ, какъ Нестандареджана изъ-за занавѣски смотрѣла на него (380,4):

მე შემომხედის ლამაზად მის მელნის ტბისა თვალითა
„смотрѣла на меня красиво очами, чернильными озерами“.

Разсказывая про Нестандареджану, Фатима, давшая ей пріютъ, говоритъ (1124):

შინა შევიდი, მას წინა ედგის ცრემლისა გუბები:
შიგან მელნისა მორევსა ეყარის გიშრის შუბები,
მელნისა ტბათა ილვრების სავსე სათისა რუბები,
შუა ძოწსა და აყიყსა სჭვირს მარგალიტი ტყუბები.

„Когда бы я ни вошла къ ней, предъ нею стояли пруды слезъ: въ чернильной пучинѣ (ея глазъ) валялись гишеровыя пики (черныя рѣсницы), изъ чернильныхъ озеръ по насыщеннымъ коралловымъ копьямъ[2]) лились потоки, а между багряницею (одною губою) и яхонтомъ (другою губою) просвѣчивали близнецы-жемчуги (зубы)“.

Въ тоже время поэтъ намекаетъ и на то, что онъ воспѣвалъ Тамару какъ любовникъ, проливающій слезы томленія по возлюбленной, какъ напр. въ *Барсовой кожѣ* витязь Автандилъ, предлагая вниманію Меркурія свою судьбу, между прочимъ говоритъ (942,3):

---

1) Вм. გოქვენს.

2) რუბ. rub⌜h⌝-i можетъ представить грузинскую форму съ подъемомъ m въ b и потерею спиранта h заимствованнаго изъ арабскаго слова رمح *пика, копье;* обычное толкованіе „чаша“ меня смущаетъ тѣмъ, что при этомъ ссылаются на араб. ربع, а это слово собственно значитъ „[мѣра]“, равно „видъ мѣры въ Египтѣ“. Такъ-то *сосудъ,* пожалуй, подошелъ бы къ тексту, и переводъ гласилъ бы: „изъ чернильныхъ озеръ (глазъ) [набравшись] лились „*чаши,* полныя темнаго коралла (крови)“; но къ тексту еще лучше подошло бы пониманіе რუბები въ смыслѣ რუვები (любопытно сопоставить ჭанское слово რუბა ruba *рѣка, ущелье,* чаще ორუბა o-ruba, относительно чередованія ბ b съ ვ v ср. ხავა и ხება у Шоты въ риомахъ, см. у насъ, стр. 28) отъ რუვი или რუ *каналъ,* собств. *потокъ* (перс. رود *рѣка*); стихъ бы въ переводѣ гласилъ: „изъ чернильныхъ озеръ (глазъ) лились потоки, полные темнаго коралла (потоки крови)“. Что касается სათი и его значенія здѣсь см. стр. 18, прим.

დასჯე წერად ჭირთა ჩემთა, მელნად მოგცემ ცრემლთა ტბასა
„Сядь, опиши мои страданія! Въ чернила я дамъ тебѣ озера слезъ“.

5,3, 5-8. და კალმად ნაი რხეული *перомъ — колеблющійся тростникъ*] ნაი na-i — персидское слово نا, resp. نای или نی: по-персидски оно значитъ *тростникъ*, *свирѣль*, *флейта; труба*. Конечное ი і въ этомъ словѣ у Шоты изъ Рустава не передача персидскаго полугласнаго ی = груз. ჲ, а — грузинское окончаніе имен. падежа, при томъ безъ ослабленія въ ჲ у, какъ не ослабляется оно у того же поэта и въ словахъ ცოტაი [1]), ერთაი [2]), ყველაი [3]) и ყველაკაი [4]), ბამ-ცაი [5]). Это особенность свѣтскихъ памятниковъ, находящаяся въ связи и съ тѣмъ, что, какъ теперь выясняетъ Е. С. Такайшвили, въ военномъ письмѣ не было тогда еще начертанія ჲ [6]).

Въ значеніи музыкальнаго инструмента ნა встрѣчаемъ въ стихѣ (178,4):

მოშორდი ლხინსა ყველასა, ჩანგსა, ბარბითსა და ნასა
„прощай всякое развлеченіе, арфа (*собств.* „чангъ“), гусли и свирѣль (*собств.* „на“).“

Но въ нашемъ полустишіи (5,3,5—8) слово употреблено въ значеніи *тростника*, образнаго символа тонкой, гибкой таліи. Напр. въ 176,3 вообще про красавца говорится:

---

1) напр. 21,1,3, 535,2,4, 1214,4,1, 1219,4,4, 1309,3,1, 1562,1,5.

2) 514,4,5, 573,1,1, 1218,4,4.

3) напр. 52,3,3, 174,3,2, 225,3,3, 365,4,2, 449,1,2, 456,3,2, 548,2,5 и 3,3, 737,1,3, 801,3,3, 806,3,4, 838,1,2, 852,1,2, 886,1,3, 920,2,2 1012,4,1, 1043,3,4, 1057,1,3, 1260,2,4, 1291,4,4, 1299,4,2, 1374,3,3, 1384,3,4, 1388,2,5, 1395,1,3, 1402,3,2, 1405,2,3, 1443,2,3, 1463,3,3, 1475,3,3, 1479,4,2, 1532,3,4, 1543,2,4, 1559,2,4.

4) напр. 101,3,1, 170,1,3, 447,3,4, 457,4,3, 571,3,2, 572,3,1, 615,1,3, 642,2,2, 660,1,4, 1042,1,3, 1132,3,3, 1221,2,5, 1276,4,3, 1292,3,3, 1476,4,3, 1485,3,1, ср. *Оды*, стр. 72, прим. 1.

5) 406,1,5. Кстати, ბამცა не значитъ *мало*, а, наоборотъ, *много*; послѣднее значеніе единственно подходитъ къ тексту Шоты, да къ тому же ბამცა со значеніемъ именно *много* сохранилось въ имерхевскомъ говорѣ (Н. Марръ, *Дневникъ поѣздки въ Шавшетію и Кларджетію*, стр. 83, въ приложеніи къ *Житію Григорія Хандзтійскаго*). Такимъ образомъ отпадаютъ всѣ прежнія толкованія, въ числѣ ихъ и мое, основанное на сближеніи ბამცაი съ гур. ბაწა, *Оды*, стр. 72, прим. 3.

6) Слѣдовательно, звуку ჲ нѣтъ мѣста въ текстѣ *Барсовой кожи* ни въ одномъ случаѣ, ни даже въ междометіи ვა, если, дѣйствительно, поэма самимъ Шотою писалась военнымъ письмомъ, а не церковнымъ (см. Этюдъ, § 12), напр. стихъ 924,4 надо читать:

ვა ჭ'. რ.ნ.ი ჩემნი ქ'სომნი, ვა სიცოცხლისა თმენანი.

ვის ბადახში არა ჰგვანდეს და ლერწამი ტანად ეჩროს

„Съ кѣмъ (по цвѣту) не сравниться бадахшанскому рубину и у кого станомъ служитъ стволъ тростника“.

На такое значеніе указываетъ и эпитетъ რხეული *колеблющійся*; ср.

a) 96,2, гдѣ про Таріела сказано:

იგი ლაღი და უკადრი მივა ტანისა მრხეველად

„величавый[1]) и взыскательный, ѣдетъ онъ, колебля (тонкій) станъ“.

b) 137,3, гдѣ про Автандила сказано, когда онъ уходилъ отъ Тинатины:

ბროლსა სეტყვს და ვარდსა აჩრობს, ტანსა მჭევრსა ათრთოლებდა

„Осыпая градомъ (слезъ) хрусталь (лицо) и леденя розы (ланиты), онъ колыхалъ свой красивый (стройный) станъ“.

И въ настоящемъ, второмъ полустишіи (5,3,5—8) двоякій намекъ. Прежде всего намекается на тонкую талію Тамары, собственно на образныя выраженія, использованныя поэтомъ въ описаніяхъ ея стана въ *Одахъ*, такъ —

	a) IV, 12,1--4.
ქბქ ნათ[2]), ელი! ქბქ ნათელი რა ნახოს, მზესა აქვს ბნელოვნებად	„Высокая[3]), ты уродилась (стройнымъ) тростникомъ! Твой (яркій) свѣтъ завидя, солнце обрѣтетъ причину своего затменія“.
	b) IX, 4,1.
ნარგიზნი გიც, ნა	„Нарцисы у тебя (глаза), тростникъ (станъ)“.
	c) XII, 9, 1—4.
ლერწამ ტანისა საროსა ხისა მიმსგავსებულ ხარ განკვირვებულად	„Ты поразительно уподобилась кипарисовому дереву со станомъ тростника“.

Одновременно поэтъ намекаетъ и на то, что онъ воспѣлъ Тамару какъ изстрадавшійся любовникъ со станомъ исхудалымъ и тонкимъ отъ

1) ლაღი *гордый*, едва ли въ данномъ мѣстѣ, какъ въ нѣкоторыхъ еще другихъ, *веселый*, ср. Этюдъ, § 3, стр. IX, прим. 1.

2) Ново-грузинская форма вм. древней ნად.

3) ср. *Оды*, ср. ჭნე подъ сл. ელი.

любовнаго томленія. Такое образное использованіе стана въ качествѣ пера находимъ въ самой *Барсовой кожѣ*. Все по тому же случаю (см. выше, стр. 25—26) Автандилъ обращается къ Меркурію стихомъ 942,4:

კალმად გიკვეთ გაწყობილს ტანსა წვრილს ვით ლელწამსა

„перомъ предлагаю я тебѣ свой нарядный станъ, тонкій какъ тростникъ".

Въ .другомъ случаѣ Нестандареджана пишетъ своему любовнику (1270,2):

ტანი კალმად მაქვს, კალამი ნაღველთა ამონაწები

„Станъ служитъ мнѣ перомъ: перо то я обмакнула въ желчь".

Давно уже предложенному мною единственно правильному ნაი до сихъ поръ издатели продолжаютъ предпочитать искаженное чтеніе завѣщаннаго текста, именно მინა (перс. مينا) *стекло*, въ частности *хрусталь*, а также *эмаль*: въ данномъ стихѣ, ни *стекло* или *хрусталь*, ни *эмаль* не имѣетъ никакого смысла.

5,4, 1-6. ვინცა ისმინოს, დაესვას გულსა ლახვარი ხეული *Копье, вонзившись, раздеретъ сердце того, кто услышитъ тѣ пѣсни*] букв. *Кто услышитъ, въ сердце того вонзится копье, раздирая*. Тоже сравненіе примѣнено въ 10,3:

დავსჯდე რუსთველი, ვლექსვიდე, მისთვის გულ-ლახვარ-სობილი

„Сяду я, Руставскій [поэтъ,] [также] пронзенный въ сердце копьемъ [состраданья] къ нему, и буду излагать въ стихахъ [повѣсть о немъ]" [1]).

Въ отдѣльности глаголъ ხევა или ხება въ значеніи *раздирать* встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ *Барсовой кожи*, напр.

a) 506,3. ასმათმან დამსვა შორს გვარად გულსა მე ლახვარ-ხებული

„Асма поодаль посадила меня (Таріела), съ сердцемъ разодраннымъ копьемъ".

b) 516,4. მაშა მაშინ როგორ დავრჩე, რა ლახვარი გულსა მეხოს?

„И какъ я (Таріелъ) смогу долѣе оставаться въ живыхъ, если копье раздеретъ мое сердце?"

c) 616,1—2. Фридонъ говоритъ Таріелу

....«ვისცა ღმერთი სწორს მორჩსა ტანად უხებს,
მას ლახვარსა მოაშორებს, თუცა პირველ გულსა უხებს»

---

1) ср. еще Поясн. къ 10,3, стр. 37, см. также *Оды*, стр. 70.

„....«Кому Богъ даетъ станомъ молодое кипарисовое дерево, отъ него Онъ удаляетъ копье, хотя сначала и раздираетъ имъ его сердце»“.

d) 1259,1. ფატმანის გული მას აქათ ლახვართ შენახვევია

„Сердце Фатимы съ тѣхъ поръ разодрано копьями“.

6,1, 1-3. მიბრძანეს მათდა საქებრად *она повелѣла мнѣ ... въ честь ея*] Въ грузинскомъ подлинникѣ plur. majestatis მიბრძანეს *повелѣли* вм. *повелѣла*, მათდა საქებრად *въ честь ихъ* вм. *въ честь ея*. **Я** лично предпочелъ бы чтеніе ებრძანეს *она* (*Тамара*) *повелѣла* безлично, безъ указанія кому, сдѣлала вызовъ поэтамъ вообще написать въ честь ея оду, и Шота изъ Рустава исполнилъ ея волю, есть основаніе думать, не одинъ, а въ числѣ прочихъ. Прежній буквальный переводъ ср. *Оды*, стр. 57.

6,1, 5-6. ლექსებისა ტკბილისა *сладкозвучные стихи*] букв. *сладкіе стихи*.

6,2, 1-4. ქებად წარბთა და წამწამთა *воспѣть ея брови, рѣсницы*] ср. восхваленіе бровей и рѣсницъ Тамары въ *Одахъ:*

a) III, 7, 1—4.

სამყაროდ ისრის [1])
უწყალოდ, ისრის
ქმნადთა მცველის
წარბ-წამწამისად

„Безжалостно она (Тамара) пускаетъ стрѣлы по міру: въ бровяхъ и рѣсницахъ у ней берегутся мастера стрѣлъ“.

b, 1) V, 51, 1—4.

ვნახე რა სახე?
შამბნარის ხე
ჰინდოთა ცვად ჰყონ
ნამუხთალევად

„Какое я узрѣлъ видѣніе? [2]) (Стройное) дерево съ тростниковаго поля: индійцы (черныя рѣсницы) оберегаютъ его, коварные“.

2) XII, 12, 1—4.

ვნახე ჰინდონი [3])
ვითა რინდონი,

„Я увидѣлъ какъ бы лукавыхъ [4]) индійцевъ (черныя рѣсницы): казалось,

1) Слѣдовало бы ისვრის, если вѣрно наше пониманіе.

2) или: „Когда я узрѣлъ видѣніе“, если რა принять за союзъ, какъ это понято мною въ изданіи *Одъ*, ср. тамъ же, стр. 41, переводъ.

3) Въ изданіи ინდონი съ потерею ჰ.

4) Если რინდო rind-o—перс. رند *хитрый, лукавый*, ср. *Оды*, стр. ია, подъ сл: რინდო.

რომე სჩნდეს ზანგნი ალალებულად	это гордо выступающіе арапы".

c) IX, 8,1—4.

წამწამთა ხრანი ვისკენც ქმენ ცხრანი, ცხრა ათას ექმენ ნატირებანი	„Ты (Тамара) девять тысячъ (разъ) вызывала плачъ въ томъ, въ чью сторону (всего) девять разъ склонила рѣсницы".

d) XII, 8, 3—4, см. Поясн. къ 5,3, стр. 25.

Къ образамъ примѣровъ b и d изъ *Одъ* поэтъ часто возвращается и въ *Барсовой кожѣ*, напр.

869,1. სადა ინდონი ბროლ-ვარდსა სარვენ გიშრისა სარითა
„гдѣ индійцы (рѣсницы) обводятъ хрусталь (чело) и розы (ланиты) гишеровымъ частоколомъ"

1322,2. ტარიელ შეჰკრთა: შეიძრა რაზმი ინდოთა ტომისა
„Таріелъ встрепенулся: полкъ индійскаго происхожденія (сонмъ рѣсницъ) двинулся".

7,1, 1-3. თვალთა მისგან უნათლოთა *Глаза [мои], не освѣщаемые ея [сіяніемъ]*] უნათლო *безъ свѣта* можно бы понять въ смыслѣ „померкшій", *„ослѣпшій"*; тогда полустишіе пришлось бы понять такъ: „Глаза, ослѣпшіе отъ ея (блеска)". Поэтъ еще въ одѣ VII, 27—28 писалъ въ заключительномъ обращеніи къ Тамарѣ, что она блескомъ своимъ ослѣпила его (ვინ აშენე ბრმად). Кстати, слѣдующіе стихи того-же четверостишія надо читать и понимать такъ:

ვინა შენებრ მად, თვალთა-შეუდგამი ნათელი, ბნელი?	„Кто подобно тебѣ (Тамарѣ) является луною? (Кто подобно тебѣ) неотразимый свѣтъ, помрачающій?"[1])

მად *луною* отъ მა, точнѣе მაჰ = перс. ماه. Это же персидское слово встрѣчается еще у одописца въ стихѣ VIII, 15,3: მა-შამსსა გავსო *говорятъ (про Тамару), что она похожа на луну и солнце*, причемъ здѣсь въ значеніи *солнца* употреблено араб. شمس = შამს-ი.

7,1, 4-6. ენატრამცა ახლად ჩენა *снова вожделѣютъ показаться ей*] мысль находится въ тѣсной связи съ содержаніемъ слѣдующаго стиха, гдѣ сказано, что у поэта сердце охвачено безумною любовью,

---

1) ср. *Оды*, стр. 53.

и въ удѣлъ ему выпало или, какъ переведено у насъ, ему остается одно: бѣжать въ пустыню, чтобы въ одиночествѣ оплакивать свое горе, но вотъ „глаза, не освѣщаемые ея сіяніемъ“ или „ослѣпшіе отъ ея блеска“ „вожделѣютъ снова показаться“ ей, узрѣть Тамару[1]). Въ *Одѣ* V, 43 поэтъ говоритъ о такомъ же моментѣ въ жизни влюбленныхъ въ царицу:

ატევრებ თმითა,
სულისა თქმითა
ანატრებ, გნახოს,
ვინ განაძ ლევად

„Ты — причина того, что, точно лѣсомъ, обростаютъ волосами тѣ, кого ты погнала (въ пустыни) изнывать (отъ любви), (а потомъ) со вздохомъ вожделѣютъ повидать тебя“[2]).

Къ образному сравненію густыхъ волосъ съ лѣсомъ Шота изъ Рустава прибѣгаетъ и въ *Барсовой кожѣ*, напр. въ 222,2, гдѣ описывается, какъ вѣрная Таріелу слуга —

ქალი სტირს და მკერდსა იცემს, თმისა ტევრსა გაიგლეჯდა
„женщина (Асма) плачетъ, бьетъ себя въ груди и рветъ съ себя лѣсъ волосъ“.

7,2, 1-3. აჰა გული გამიჯნურდა *Сердце мое обезумѣло*] букв. *Вотъ сердце обезумѣло*. Поэтъ тоже самое выражаетъ въ отношеніи Автандила, по кореннымъ грузинскими словами: გული სრულად გამიშმაგდა (632,4,1—3) *сердце у меня совершенно обезумѣло*.

7,2, 4-6. მიკლომია ველთა რბენა *ему остается лишь одно: бѣжать въ пустыню*] букв. *ему (сердцу) досталось въ удѣлъ* или *выпало на долю бѣжать въ пустыни*. Автандилъ въ аналогичномъ случаѣ говоритъ (632,4,4—6): თავი მკეცთა დავადარე *я уподобилъ себя звѣрямъ*, т. е. *бѣжалъ въ пустыню*. Влюбленный Таріелъ говоритъ Автандилу (649, 1—2):

პირი შენი ნახვად ჩემად თუ მობრუნდეს, ტანი იხოს.
გული მინდორს არ გაიჭრას, არ ირმოს და არცა ითხოს
„Если станъ твой останется (стройнымъ) деревомъ, и твое лицо повернется для свиданія со мною, сердце (мое) не убѣжитъ въ пустыню (*букв.* поле), не станетъ ни оленемъ, ни (дикою) козою“.

---

1) Павшій было духомъ Шота воодушевленъ мыслью о новомъ поэтическомъ начинаніи.

2) ср. *Оды*, стр. 31.

Впрочемъ „бѣгство сердца въ пустыню“[1]) бываетъ не всегда реальнымъ: иногда это лишь символическое выраженіе глубокой тоски, какъ напр. когда герою приходится оплакивать свою же невѣрность возлюбленной. Есть яркій примѣръ. Чтобы узнать о судьбѣ Нестан-дареджаны, Таріелу необходимо сблизиться съ страстною Фатимою. Онъ соглашается раздѣлить ея ложе[2]). И, когда Автандилъ въ объятіяхъ Фатимы измѣняетъ своей возлюбленной (1230, 3—4),

ჰკლავს თინათინის გონება, ძრწის იდუმლითა ძრწოლითა,
გული ხელ-ქმნილი გასჭრია მჴეცთავეთანა რბოლითა

„его убиваетъ мысль о ней, Тинатинѣ; онъ трепещетъ тайнымъ трепетомъ: обезумѣвшее сердце его ускакало [въ пустыню] къ звѣрямъ и бѣгаетъ съ ними“.

Авторъ одной элегіи, попавшей въ *Оды* (VI), упоминаетъ, что его собратъ дѣйствительно бѣжалъ въ пустыню и тѣмъ превзошелъ его на дѣлѣ въ выраженіи любви, казалось-бы, къ Тамарѣ:

4. დამმეტეს მქმნელად:
გაიჭრეს ველად,
სადგურად ჰქონდეს
ლომთა შამბარი

„Превзошелъ онъ меня дѣломъ: бѣжалъ онъ въ пустыню, мѣстопребываніемъ ему служило поле со львами, поросшее тростникомъ“[3]).

Самъ авторъ той же элегіи о глубинѣ горя по другѣ и о своей безпомощности свидѣтельствуетъ опять таки готовностью бѣжать въ пустыню:

21. რა მას ვიგონებ
ვერას ვიწონებ,
ველთა გაჭრასა
ოდენ მზა ვარი

„Когда вспоминаю о немъ, не знаю, на что̀ рѣшиться, готовъ сдѣлать лишь одно—бѣжать въ пустыню“[4])

Естественно, это высшее выраженіе или доказательство безумной любви предполагаетъ необычайную, божественную или одному

1) см. еще *Оды*, стр. 45.

2) Для параллели къ случайной любовной авантюрѣ влюбленнаго Автандила съ Фатимою интересно вспомнить слѣдующую рѣчь Obermayer'a, героя пьесы Фердинанда Виттенбауера (*Privatdozent*, стр. 46): „Ich habe viel an sie (Else, возлюбленная) gedacht, ach Got, so viel. Wissen Sie, gnädige Frau, ich war kein Knabe mehr, ich habe mich nach Frauen gesehnt and ich habe ihrer genug kennen gelehrnt, würdige und unwürdige. Ich hab's auch manchmal recht toll mit der einen oder andern getrieben. Aber gedacht—hab'ich doch an keine andere. Einfallen kann einem ja die oder die—aber denken kann man nur an eine; an die, der man gut ist“.

3) см. *Оды*, стр. 43.

4) см. *Оды*, стр. 33.

Богу доступную красоту возлюбленной. Когда въ Гуланшарѣ государю показали завезенную туда въ плѣнъ царевну Нестандареджану, предметъ любви Таріела, то (1158,2—4)

მეფემან ბრძანა: «გამხადა ნახული მე უნახველად.
ღვთისაგან კიდე ვინმც იყო კაცი ამისად მსახველად?
ჰმართებს ამის მიჯნურსა, ხელი თუ რბოდეს, ახ, ველად»,

„царь изволилъ сказать: «меня видавшаго (виды), она обратила въ (лицо,) ничего невидѣвшее. Кто кромѣ Бога, могъ бы ее изобразить (представить себѣ)?[1]) Правъ влюбленный въ нее, если онъ бѣгаетъ, увы, по пустынямъ»".

7,3, 1. მიჯეთ *упросите ее [помочь] мнѣ*] букв. *для меня* (მ⌈ი⌉-) *упросите ее* (-იაჯეთ) или *обо мнѣ* (მ-) *ходатайствуйте передъ нею* (-იაჯეთ). Приблизительно въ томъ же смыслѣ употребляетъ Шота მიაჯეთ въ одномъ изъ обращеній его героя къ свѣтиламъ (819):

მთვარესა ეტყვის: «იფიცე სახელი ღვთისა შენისა!
«შენ ხარ მომცემი მიჯნურთა მიჯნურობისა სენისა,
«შენ გაქვს წამალი მისისა მოთმინებისა თმენისა.
«მიაჯე შეყრა პირისა, შენგამო შენებრ მშვენისა!»

„(Автандилъ) говоритъ лунѣ: «ты жалуешь болѣзнь любви влюбленнымъ, у тебя лекарство, терпѣніе, переносить ее. Заклинаю тебя [2]) именемъ твоего Бога: исходатайствуй мнѣ встрѣчу съ ликомъ (возлюбленной), черезъ тебя прекраснымъ такъ же, какъ твое (лицо)!»"

Ср. также 816,4 въ обращеніи Автандила къ солнцу:

«ბედსა ნუ მიქცევ, მიაჯე შეყრამდის ჩემად და მისად!»

---

1) სახვა обыкновенно значитъ *изображать по чьему-либо подобію, уподоблять*, напр.

a) 288,4. ჩემი ცხენი უჩინოსა ჰგავს და სხვასამცა რად ვსახე?

„конь мой похожъ на невидимку: могу ли его уподобить чему-либо иному?"

b) 1433,3. დადუმდეს და მოახსენეს «რადგან ბრძენნი მზესებრ გსახვენ»

„Замолкли всѣ, почтительно ей (Нестандареджанѣ) сказавъ: «такъ какъ мудрецы тебя уподобляютъ солнцу»" и т. д.

Въ стихѣ гуланшарскаго государя достаточно ვინმც исправить ვისმც, чтобы получить чтеніе:

ღვთისაგან კიდე ვისმც იყო კაცი ამისად მსახველად?

„могъ ли бы человѣкъ уподобить ее кому либо кромѣ Бога?"

2) *букв.*: „пріими клятву".

«Не отвращай моей судьбы! пріими мое ходатайство до моей встрѣчи съ нею!»

Или еще въ 1035,3, гдѣ въ словѣ къ сотоварищамъ Автандилъ говоритъ:

«ერთსა ვიაჯი: მიაჯეთ სააჯო, არ საკრძალავი!»

«Прошу объ одномъ: прінмите мое ходатайство, заслуживающее уваженія, а не отказа».

7,3, 2-8. ვინ კორცთა დაწვა კმარის მისცეს, სულთა ლხენა *Въ ся власти зажечь плоть и дать отраду душѣ*] букв. *Кого достаточно, чтобы дать плоти сожженіе, душѣ отраду*. Объ отрадѣ (ლხენა), ожидаемой любовникомъ отъ возлюбленной, въ *Барсовой кожѣ* говоритъ и Таріелъ, но безъ надежды (300,3):

«იგი ვინ ხელ-მქმნა, მოველი მისგან აროდეს ლხენასა»

«я не жду болѣе никогда отрады отъ той, кто лишила меня разсудка».

7,4, 1-7. სამთა ფერთა საქებელთა ლამის ლექსთა უნდა ლევნა *боюсь, недостанетъ [мнѣ] стиховъ, предстоитъ воспѣть три образа*] букв. *для имѣющихся быть воспѣтыми трехъ цвѣтовъ (красокъ), пожалуй, изсякнутъ стихи*. Три цвѣта или краски (ფერი)—это герои трехъ видовъ, три типа, витязи Таріелъ, Автандилъ и Фридонъ.

8,1, 1-5. ესე ამბავი სპარსული ქართულად ნათარგმანები ***это—персидская повѣсть, переведенная на грузинскій языкъ***] букв. ***эта персидская повѣсть, переведенная на грузинскій***... „попалась мнѣ“, заканчиваетъ фразу поэтъ въ третьемъ стихѣ (см. ниже Поясн. къ 8,3).

8,2, 1-5. ვით მარგალიტი ობოლი კელის-კელ საგოგმანები ***какъ рѣдкую жемчужину, ее хочется лелѣять [,перекатывая] съ руки на руку***] букв. ***какъ сирота-жемчужина достойная лелѣянія съ руки на руку***. О значеніи საგოგმანები см. Поясн. къ 2,2, стр. 19, прим.

8,3, 1-7. ვპოვე და ლექსად გარდავთქვა, საქმე ვქმნა საჭოჭმანები *она попалась мнѣ, и я переложу ее въ стихи, совершу подвигъ, будетъ, чѣмъ гордиться*] Въ завѣщанномъ текстѣ не только ვპოვე *я нашелъ (повѣсть), она попалась мнѣ*, но и предстоящій актъ, требующій предварительнаго одобренія Тамары, упомянутъ какъ совершившійся фактъ, посему и слѣдующіе глаголы вм. будущаго стоятъ въ аор.:

გარდავთქვი *я переложилъ*, ვქმენ *я совершилъ.* Но это стоитъ въ яркомъ противорѣчіи съ содержаніемъ слѣдующей (9-й) строфы. Да и въ какомъ бы мѣстѣ ни стояли четверостишія, трудно допустить, чтобы авторъ въ вступительныхъ строфахъ объ одномъ и томъ же произведеніи говорилъ, то какъ о предстоящемъ дѣлѣ, то какъ о законченномъ уже. О значеніи საჭოჭმანები см. Поясн. къ 2,2, стр. 19 прим.

8,4, 1-7. ჩემმან ხელ-მქმნელმან დამმართოს, ლაღმან და ლამაზმა, ნები *Жду одобренія величавой красавицы, лишившей меня разсудка*] букв. *Лишившая меня разсудка, величавая и красивая, да дастъ мнѣ одобреніе.* Лишившая Шоту разсудка — царица Тамара. Объ этомъ поэтъ говоритъ и въ *Одахъ*, такъ напр. XII,15 четверостишіе гласитъ:

ვამცნი მსმენელთა,
მოსათმენელთა
ნიჭთა ვით მივკდი
შენთ კელთ გებულად

„я уже оповѣстилъ слушателей, какъ, находясь въ твоей (Тамары) власти[1]), я лишился дара терпѣнія“, т. е. разсудка.

9,1—2. აწ ენა მინდა გამოთქმად მე, გული და კელოვნება, ძალი მომცეს და შეწევნა: მისგნით მაქვს, მივსცე გონება *Итакъ я нуждаюсь для созданія своей пѣсни въ языкѣ, сердцѣ и искусствѣ. Пусть она дастъ мнѣ силу и поддержитъ меня. Я вложу [въ пѣсню весь] свой умъ, что̀ въ ея власти*] букв. *Теперь мнѣ нужны для сочиненія языкъ, сердце и искусство. Пусть она дастъ мнѣ силу и помощь. Отъ нея у меня умъ, чтобы вложить [въ пѣсню].* Таковъ однако буквальный переводъ при нашемъ чтеніи[2]). Въ изданіяхъ Тамара появляется не въ 3-мъ лицѣ, а во 2-мъ. Поэтъ обращается прямо къ ней со словами „дай мнѣ силу и поддержи меня“, букв. „дай мнѣ силу и помощь“ (ძალი მომეც და შეწევნა); онъ говоритъ объ умѣ, „что̀ въ твоей власти“ или „отъ тебя“ (შენგნით მაქვს). На самомъ дѣлѣ поэтъ въ вступительныхъ строфахъ *Барсовой кожи* о Тамарѣ говоритъ всегда въ 3-мъ лицѣ; въ такой же формѣ должна была быть обращена къ ней просьба поэта о силѣ и поддержкѣ. Переписчики и исказители просьбу эту, очевидно, сочли обращенною къ Богу, и такъ какъ во второмъ четверостишіи завѣщаннаго текста, кстати, поддѣльномъ и мною исключенномъ, къ Богу поэтъ обращается какъ 2-му лицу[3]), то, вѣроятно, по-

1) *букв.:* „въ твоихъ рукахъ“.

2) Нашему пониманію не противорѣчитъ то, что მიეც გონება значитъ и *внимай* (300,1).

3) см. Поясн. къ I, стр. 45.

тому 3-ьи лица მომცეს *пусть она дастъ мнѣ* и მისგნით *отъ нея* были передѣланы во 2-ыя მომეც *дай мнѣ* и შენგნით *отъ Тебя.* Шота изъ Рустава проситъ Тамару объ умѣ, такъ какъ она похитила его сердце, а по словамъ поэта (828, 1—2),

გული, ცნობა და გონება ერთმანერთს ზედან ჰკიდიან:
რა გული წავა, იგინიც წავლენ და მისკენ მიდიან

„Сердце, сознаніе и умъ связаны другъ съ другомъ: когда сердце удаляется, то и они направляются къ нему и уходятъ“ [1]).

Нѣтъ надобности распространяться объ исправленіи კელოვანება, явнаго искаженія, въ чтеніе კელოვნება, болѣе подходящее, кстати, и къ риѳмѣ четверостишія: ოვნება [2]). Но за убылью одного слога изъ этого слова въ стихъ пришлось вставить мѣстоименіе მე.

9,3, 6. ხსოვნება] исправлено изъ ხსენება по требованію риѳмы четверостишія, см. предыдущее примѣчаніе.

9,4, 5-7. სჭირსთ ერთმანერთის მონება *покорныхъ другъ другу какъ рабы*] букв. *имъ присуще быть рабами другъ друга.*

10,1, 4-6. ცრემლი გვდის შეუშრობილი *у кого неизсякаемо текутъ слезы*] Буквально შეუშრობილი значитъ *неосушающійся.* О формѣ შეუშრობილი см. *Оды*, стр. 68 [3]), что же касается самого образнаго выраженія ср.

a) 625,4. მე უფრო მდინდეს თვალთაგან კვლავ ცრემლი შეუშრობელი.
„У меня еще болѣе текли опять неизсякаемо изъ глазъ слезы“ [4]).

b) 1283,4. მომიგონებდი მტირალსა, შენთვის ცრემლ-შეუშრობელსა
„Вспоминай обо мнѣ, плачущей, не осушающей слезъ о тебѣ“.

---

1) ср. также 299,2.

2) см. კელოვნება 509,4, კელოვნებასა 1538,1.

3) Прибавлю лишь, что форма съ ი (შეუშრობილი) хотя необычная, но грамматически она можетъ быть вполнѣ оправдана: ი есть характеръ страдательнаго залога, а въ приложеніи къ слезамъ здѣсь причастіе должно быть концепцировано именно какъ страдательная форма.

4) Кстати, въ первомъ стихѣ этого четверостишія слово риѳмы მეჭნელი — несомнѣнное искаженіе; вѣроятно, оно вытѣснило მოხმობელი. Слѣдовательно, стихъ 625,1 читался:

რას ვაგრძელებდე? მოვიდეს ყოველნი ამისა მოხმობელი.

Нѣтъ нужды ссылаться еще на 4-й стихъ въ послѣдней изъ заключительныхъ строфъ, цѣликомъ вкладѣ кого-либо изъ позднѣйшихъ писателей или переписчиковъ.

10,2, 1-6. მისებრი მართ დაბადებით ვინცა ყოფილი შობილი *кому написана на роду судьба Таріела*] букв. *кто рожденъ въ точности подобнымъ его [рожденію] рожденіемъ*. Въ отношеніи грузинскаго выраженія ср. 852,4, 4-6: მისებრივ არვინ შობილა.

10,3, 1-5. დავსჯდე რუსთველი ვლექსვიდე, მისთვის გულ-ლახვარ-სობილი *Сяду я, Руставскій [поэтъ], [также] пронзенный въ сердце копьемъ [состраданія] къ нему, и буду излагать въ стихахъ [повѣсть о немъ]*] Завѣщанный текстъ и здѣсь дѣло изображаетъ въ прошедшемъ: დავსჯე რუსთველმან გავლექსე *сѣлъ, переложилъ я, Руставскій*. Но противъ этого чтенія свидѣтельствуютъ: a) то общее положеніе, что въ вступительныхъ строфахъ поэтъ говоритъ о поэмѣ *Витязь въ барсовой кожѣ* съ ея тремя героями какъ о предстоящемъ предпріятіи (7,4; 9,1—2, ср. 8,3—4, см. стр. 35), b) въ самомъ 10-мъ четверостишіи первый стихъ содержитъ приглашеніе въ будущемъ, მო, დავსხდეთ *„придите! Сядемъ [вмѣстѣ]“*, послѣ чего было бы болѣе, чѣмъ странно, заявленіе поэта, что онъ уже сидѣлъ, c) наконецъ, въ томъ-же 3-мъ стихѣ того же четверостишія искаженное чтеніе რუსთველმან გავლექსე *переложилъ я, Руставскій*, и создало такое положеніе, что Шоту изъ Рустава приходится обличать въ неправильной постановкѣ падежа: გულ-ლახვარ-სობილი вм. გულ-ლახვარ-სობილმან. При нашемъ чтеніи все оказывается на своемъ мѣстѣ и правильно. Единственно, что остается у меня подъ сомнѣніемъ, такъ это ვლექსვიდე вм. გავლექსე: можетъ быть, мысль была выражена лаконично, и вм. глагола стояло лишь или nomen actoris მელექსე *поэтъ* — დავსჯდე რუსთველი მელექსე *Сяду [перелагать въ стихи] я, поэтъ Руставскій, [также] пронзенный* и т. д., или nomen actionis — გალექსვა: დავსჯდე რუსთველი გალექსვად *Сяду перелагать въ стихи я, изъ Рустава, также пронзенный* и т. д.

11,3, 5-6. და გამოსცნობდეს *и къ [чужой] любви пусть будетъ участливъ*] букв. *пусть признаётъ ее (любовь)*.

11,4, 3. დაეწუნოს вм. завѣщаннаго დაიწუნოს.

12,4, 4-6. გესმისთ ჩემი ნაუბარი? *Слышите-ли вы мои слова* (букв. *сказанное мною*)?] Въ изд. Д. **Каричашвили:** გესმასთ ჩემი ნაუბარი! *Слушайтесь моихъ словъ!*

13,2, 1-4. თავის წინა იგონებდეს ნიადაგმცა *наединѣ мысленно онъ всегда съ нею*] букв. *постоянно пусть вспоминаетъ у себя* (*о ней*). Выраженіе თავის წინა въ значеніи *у себя*, *наединѣ* (ср. древнегруз. თჳსაგან) повторяется и въ стихахъ повѣствовательной части:

617,1. წამოვედით ნატირებნი, სრას დავსხედით თავის წინა.
1074,3. აწ ვიქმნები თავის წინა, აქა მპოვე მარტო სამე.

Этотъ признакъ истинной любви, постоянное вспоминаніе возлюбленной, наблюдаемъ въ Автандилѣ (182,4):

დღე და ღამე იგონებდა საყვარელსა მასვე მისსა
„день и ночь онъ вспоминалъ все одну и ту же возлюбленную свою“.

13,2, 5-6. ჰქონდეს ხალვა *любитъ уединеніе*] букв. *долженъ находиться въ одиночествѣ*. На этотъ признакъ влюбленности поэтъ указываетъ и устами своихъ героевъ, напр.

a) 161,2. Автандилъ говоритъ Шермадину:
რა მიჯნური ველთა რბოდეს, მარტო უნდა გასაჭრელად
„Когда безумно влюбленный удаляется въ пустыню, онъ долженъ бѣжать одинъ однеёшенекъ“.

b) 765,1. Опять Автандилъ говоритъ Шермадину:
თუ მიჯნური ვარ, ერთი ვკამ ხელი მინდორთა მე რებად
„если я влюбленъ до безумія, то мнѣ, безумному, надлежитъ въ одиночествѣ скитаться по полямъ“.

13,3, 1-8. შორით ბნედა, შორით კვდომა, შორით დაგვა, შორით ალვა *Вдали [отъ возлюбленной] онъ теряетъ сознаніе и умираетъ; вдали [отъ нея] онъ горитъ и пылаетъ*] букв. (*признакъ высшей любви*) *вдали терять сознаніе*, *вдали умирать*, *вдали горѣть*, *вдали пылать*. Повторять одно какое либо слово при перемѣнѣ сочетающагося съ нимъ понятія довольно излюбленный пріемъ Шоты, напр.

741,4. მაბამ სიტყვა, მაბამ კაცი, მაჰამ საქმე, მისგან ქმნილი!
866,1. ბრძენი! ვინ ბრძენი? რა ბრძენი? ხელი ვითა იქმს ბრძნობასა?
897,3. გაქრა, ვით გაქრა? რა გაქრა, არ საქებელი ენითა?

931,1. ვა, სოფელო, რაშიგან ხარ? რას გვაბრუნებ? რა ზნე გჭირსა?
931,3. სად წაიყვან სადაურსა! სად აღუფხრი სადით ძირსა!
1068,4. რა უთქვამს! რა მოუჩმახავს! რა წიგნი მოუწერია!

13,4, 4-7. მისი ჰქონდეს შიში, კრძალვა *но къ ней питаетъ страхъ и благоговѣніе*] ср. 662,2:

ამა საქმესა ვიკადრებ შიშით, კრძალვით და რიდობით.

14,2, 4. სიყმე *витяземъ*] букв. *состояніе*, точнѣе *качества* или *признаки витязя* (см. Этюдъ, § 8, стр. XXXIX). Имя дѣйствующаго лица вм. имени дѣйствія въ русскомъ текстѣ появляется потому, что при переводѣ сообразно пришлось передѣлать всю грузинскую фразу.

15,1, 3. ხანიერი *постояненъ*] ср.

a) უხანო *непостоянный* въ стихѣ 513,4:
ვა[1]), სოფელო უხანოო, რად ჰზი სისხლთა ჩემთა ხვრეტად
„горе, о міръ непостоянный, почему ты занятъ тѣмъ, что пьешь мою кровь?",

b) უხანობა *непостоянство* въ стихѣ 985,4:
უხანობა და სიცრუე, ვა, საწუთროსა ფლიდისა!
„Непостоянство и лживость, увы, вѣроломнаго сего міра!"

16,2, 7-8. გაყრისა ლმობასა *мучительную разлуку*] букв. *боль* или *болѣзнь разлуки*. Въ завѣщанномъ текстѣ вм. ლმობასა читается თმობასა, между тѣмъ თმობასა имѣется еще въ 4-мъ стихѣ.

18,3, 8. ხევა *осаживать [поэтическаго коня]*] Глаголъ ხევა, по всей вѣроятности, надо понимать здѣсь въ значеніи выраженія ცხენის დახევა или ცხენმა⌈ნ⌉ დაიხია.

19,2, 1-4. რა ვერლა მიხვდეს ქართულსა *когда ему не хватаетъ языка*] собств. *когда ему не хватаетъ грузинскаго [языка]*, букв. *когда онъ не можетъ достигнуть [совершенства] грузинской [рѣчи]* или *[мѣтко] попасть въ [точныя выраженія] грузинской [рѣчи]*. Въ завѣщанномъ текстѣ стоитъ обычная вульгарная форма ველარ вм. ვერლა, но восходитъ ли она къ Шотѣ?

---

1) а не ვაჲ, см. выше, стр. 26, прим. 6.

19,3, 1-3. არ შეამოკლოს ქართული *Не укоротитъ ли онъ своей рѣчи*] букв. *Не укоротитъ ли онъ грузинскаго.*

19,4, 1-6. ჴელ-მარჯვედ სცემდეს ჩოგანსა, იგმაროს დიდი გმირობა *Хватитъ ли у него геройской отваги ударить ловко [по мячу] чоганомъ?*] букв. *будетъ ли бить искусною рукою чоганомъ [по мячу]? Проявитъ ли онъ [настолько] великое геройство*, собст. *великое качество исполина-богатыря?* „Чоганъ“ (перс. چوگان) *палка съ загнутымъ, иногда ложчатымъ концомъ для игры въ мячъ.* Рядомъ съ этою литературною формою слова ჩოგანი çogan-i въ грузинскомъ имѣется народная форма ჭაკუნი ṭakun-i (И. Чкопія, სიტყვის-კონა, s. v.); въ народной рѣчи встрѣчается, напр. въ Гуріи, Имеретіи, и ჭაკუნტელა ṭakuntela въ томъ же значеніи; въ армянскомъ изъ Մաշտ. Ջահկ. Большой сл. приводитъ форму Ծոկան ṭokan, но въ значеніи *изогнутаго верха епископскаго посоха.* Игра въ чоганъ-поло особенное развитіе получила въ Сасанидской Персіи, см. К. А. Иностранцевъ, *Сасанидскіе этюды*, С.-Пб. 1909, стр. 74 сл. Наилучше представленныя кавказскія традиціи пока не учитываются научно даже въ вопросѣ объ иранской культурѣ, которой насквозь пропитана почва Грузіи и Арменіи.

20,1, 1-8. მოშაირე არა ჰქვიან, თუ სადმე სთქვას ერთი, ორი *Того, кто случайно скажетъ два слова въ стихахъ, нельзя назвать поэтомъ*] букв. *Поэтомъ не называется, если [кто] гдѣ либо скажетъ одинъ, другой [стихъ],*

20,3, 1-4. განაღა სთქვას ერთი, ორი *Иной сложитъ стихъ, другой*] букв. *конечно, сочинитъ одинъ, другой [стихъ].*

21,1, 1-5. მეორე ლექსი ცოტაი, ნაწილი მოშაირეთა *Другой [видъ]— мелкія стихотворенія; это — удѣлъ поэтовъ*] букв. *другое стихотвореніе мелкое, удѣлъ поэтовъ.*

21,2, 1-8. არ ძალ უძსთ სრულ ქმნა სიტყვათა, გულის განსაგმირეთა *безсильныхъ отлить мысли, пронизывающія сердце, въ совершенныя [формы]*] букв. *имъ не подъ силу въ совершенствѣ творить слова, способныя пронзить сердце.* Надо помнить, что грузинское სიტყვა *слово* значитъ λόγος *мысль*, и въ этомъ смыслѣ оно употреблено нашимъ поэтомъ въ 17,4,2. Рядомъ съ განსაგმირე встрѣчается у Шоты въ

томъ же значеніи *пронзающій, пронизывающій*, собственно *способный пронзить, пронизать*:

a) გასაგმირო, такъ 123,3 —

ჰშვენოდეს შავნი წამწამნი გულის გასაგმირონი

„прекрасно шли къ ней (Тинатинѣ) черныя рѣсницы, пронзающія сердце“,

b) გასაგმირალი, такъ 1269,3 —

დასწერა წიგნი, მსმენელთა გულის გასაგმირალი

„(Нестандареджана) написала письмо, пронзающее сердце слушателей“.

Глаголъ გმერა значитъ также внушить. Автандилъ, собираясь въ походъ на окраины, проситъ передать царю (142,2):

თინათინის კელ-მწიფობა მტერთა თქვენთა გულსა ვგმირო

„О владычествѣ Тинатины внушу (*букв.* готовъ пронзить) сердцамъ вашихъ враговъ,“

გასაგმირე можно бы произвести отъ გმირი *исполинъ-богатырь, герой*, и тогда рѣчь была бы о словахъ, *способныхъ влить въ сердца геройскую отвагу* или *отвагу исполиновъ-богатырей*, но по Шотѣ высшая похвала стиховъ состоитъ въ признаніи за ними силы „пронзать сердца“ людей. Объ этомъ см. Поясн. къ 5,4, стр. 28.

Въ *Одахъ* также выставляетъ поэтъ цѣнность того же качества. Признавая себя безсильнымъ воспѣть по достоинству Тамару, онъ утверждаетъ, что достойными ея пѣвцами могли бы быть развѣ древніе эллины (XII,61), Сократъ

გინა უმიროს, გულსა უგმიროს, ვის ძალ აქვს ცნობა განმარტებულად	„или Гомеръ, способный *пронзить сердце*[1]), — тотъ, у кого знаніе въ избыткѣ“.

22,1, 1-4. არს მესამე ლექსი კარგი] въ завѣщанномъ текстѣ читается მესამე ლექსი კარგი არს, чѣмъ нарушается ритмъ четверостишія.

22,3, 1-3. ჩვენ მათიცა გვიამების *и къ этимъ пѣснямъ мы обращаемся охотно*] букв. *намъ нравится и [сочиненіе] ихъ*.

1) см. *Оды*, стр. 70, прим.

Поясненія къ заключительнымъ строфамъ.

01,4,7. დაბისა *изъ села*] Не скрою, что меня смущаетъ это грузинское слово, нарушающее своимъ ბ риѳму четверостишія ამისა, однако, ср. 305,3,7 и 326,2,5, гдѣ слова მჯდომელმან и წინადგომელთა также нарушаютъ, наоборотъ, своимъ მ въ первомъ случаѣ риѳму ობელმან, но второмъ—ობელთა (кстати въ 326,1 დაუშრეტელთა, очевидно, неудачная замѣна слова დაუქრობელთა).

02,1,1-8. ქართველთა ღვთისა, დავითი ვის მზეს მსახურებს მა რებლად *богини грузинъ,—той кому, солнцу, Давидъ служитъ странствующимъ мѣсяцемъ*] Синтаксическій пріемъ, перенось приложенія въ опредѣлительное предложеніе и согласованіе съ его относит. мѣстоименіемъ (ვის მზეს), ср. 2,1 (ვის....ლომსა), 323,3 (ვის...მტერსა или მტერთა, а не მტრისა). Можно бы оставить безъ исправленія чтеніе завѣщаннаго текста დავითის *Давида* въ დავითი *Давидъ*, но тогда получилось бы менѣе ясное предложеніе:

ქართველთა ღვთისა, დავითის ვის მზე ჰმსახურებს მა რებლად
„богини грузинъ, кому солнце Давида (жизнь Давида) служитъ мѣсяцемъ, шествуя“ (для защиты государства) и т. п.

Во всякомъ случаѣ къ Давиду не можетъ относиться ღვთისა *Бога*, resp. *богини* въ качествѣ приложенія, тогда какъ обоготвореніе Тамары—обычное въ устахъ грузинскаго поэта XII-го вѣка явленіе, такъ напр. часто въ *Одахъ*. Въ *Одахъ* же появляется у него персидское слово ماه *луна*, *мѣсяцъ* въ формѣ მა ma (вм. მაჰ mah). Что касается сравненія по существу, то мѣсяцъ у Шоты не разъ является символомъ героя, именно при сравненіи съ болѣе блестящимъ лицомъ. Когда встрѣтились три витязя, Таріелъ и Автандилъ съ Фридономъ, по словамъ поэта (1358,3),

ჰგვანდა: თუმცა შეყრილ იყვნეს ორნი მზენი, ერთი მთვარე
„казалось, что вмѣстѣ сошлись два солнца и одинъ мѣсяцъ“.

Болѣе интересенъ для насъ стихъ (1478,4) объ Автандилѣ, возвращающемся къ возлюбленной Тинатинѣ:

ავთანდილს გალეული შესაყრელად მთვარე მზისად
„Автандилъ, мѣсяцъ на ущербѣ, стремится къ встрѣчѣ съ солнцемъ (Тинатиною)“.

რებელი въ значеніи *шествующій*, *странствующій* не представляетъ неправильности, хотя болѣе жизненной была бы форма съ префиксомъ: მრებელი.

O2,2, 1-6. ესე ამბავი გავლექსე მე მათად საკუმარებლად *Повѣсть эту я переложилъ въ стихи для забавы*] мн. число მათად *ихъ* вм. ед. числа *ея* представляетъ plurale majestatis: рѣчь идетъ о царицѣ Тамарѣ [1]). Въ переводѣ я опускаю совсѣмъ мѣстоименіе, подставивъ вмѣсто него слова „богини грузинъ“, въ подлинникѣ лишь выдвинутыя впередъ, въ 1-й стихъ того же четверостишія. საკუმარებლად возстанавливаю приноровительно къ риѳмѣ მარებლად: въ этомъ отношеніи завѣщанное чтеніе საკამათებლად — совершенно нетерпимо. Такъ-то კუმარი (позднѣе ყუმარი), откуда произведено საკუმარებელი, — арабское слово (قمر и قُمر), и означаетъ *игру*, спеціально *азартную*. Впрочемъ საკამათებელი производится отъ основы კამათელი, также арабскаго происхожденія, см. *Оды*, стр. რნვ, s. v.

O2,3, 5-6. ზართა მარებლად *наводитъ ужасъ*] букв. *(является) наводящимъ ужасы*. მარებელი въ данномъ стихѣ собственно значитъ *заставляющій ходить*, *носиться*, *несущій*. Это слово нисколько не чуждо Шотѣ, такъ про Таріела, скакавшаго вдали, поэтъ говоритъ (207,4):

ოდენ ჩნდა შავი ტაიჭი მისი მის მზისა მარებლად

„виднѣлся лишь конь его, какъ онъ мчалъ солнце (Таріела)“.

O2,4, 1-5. ორ-გულთა მათთა დამწველად, ერთ-გულთა დამახმარებლად *кто сжигаетъ вѣроломныхъ, преданнымъ же помогаетъ*] принятое чтеніе დამამაგრებლად *для укрѣпленія* [2]) отвергаю, такъ какъ оно своимъ გ нарушаетъ риѳму მარებლად. Такъ-то поэтъ и въ *Одахъ* не забываетъ, характеризуя Тамару, упомянуть, что она строго наказывала вѣроломство и непокорность, такъ —

a) V, 37, 1—4.

ლაღი, მწყაზარი,
არად დამზარი,
რაცა კამს ურჩთა
გარდასახდელად

„величавая [3]), блестящая, ты (Тамара) нисколько не лѣнишься взыскать съ непокорныхъ, что̀ слѣдуетъ“.

---

1) см. также Поясн. къ 6,1, стр. 29.

2) Въ нашемъ переводѣ получилось бы: „преданныхъ же укрѣпляетъ“.

3) ლაღი здѣсь, быть можетъ, *веселая*, *жизнерадостная*, ср. Этюдъ, § 3, стр. IX.

b) V, 39, 1—4.

სიბრძნით სავსი,
ყოვლ არ მოთავსი,
ვინცა იპოვოს
ნაორგულევად

„Полная мудрости, ты (Тамара) никакъ не миришься съ тѣмъ, кто разъ былъ уличенъ въ вѣроломствѣ“.

c) VII, 17, 1—4.

ურჩთა კლვად მკოდი,
სულტანთა მგოდი,
ხალიფას სვისა
ჯვარით მშლელი

„Непокорнымъ наноситъ смертельныя раны[1]), султановъ заставляетъ плакать, крестомъ она разрушаетъ счастіе халифа“.

d) VIII, 4, 1—4.

ყოვლითურთ უკლი,
ერთ-გულთა უკლი,
ურჩთა კლვად ზინდანს
შემაყენალი

„Безукоризненная во всемъ, не посягая на преданныхъ, непокорныхъ она заточеніемъ въ темницу (,обрекаетъ) на смерть“.

e) XI, 10, 1.

ურჩთა გვიგოდებს

„Непокорпыхъ она заставляетъ плакать“.

Впрочемъ строгость къ вѣроломнымъ и поддержка преданныхъ, это общее мѣсто, появляется и въ характеристикѣ Давида Строителя у одописца I. Шавтели (**61**, 2, 1—4):

ორ-გულთა მოსწყლავ,
ძირითურთ მოსხლავ,
ერთ-გულთ ექმნები
ფარად და ზურგად

„Вѣроломпыхъ ты истребляешь, съ корнемъ вырываешь, преданнымъ ты— защита и поддержка[2])“.

Въ одѣ Давиду Строителю у I. Шавтели, имѣвшаго, какъ выяснено уже[3]), большое вліяніе на Шоту изъ Рустава, тоже общее мѣсто повторяется въ характеристикѣ царя, въ другомъ четверостишіи (**47**,4,1—4), причемъ словомъ შემწველი по отношенію къ врагамъ предвосхищаетъ დამწველი Шоты:

ერთა შემცველი,
მტერთა შემწველი,

„Оберегаетъ (преданный) народъ, сжигаетъ враговъ, въ тоже время

1) ср. 1523,3. «მორჩილო-ქმნილნი დაგვაღიდნენ, ურჩნი მკვდართა დაგვაგვანნენ»
«покорныхъ изъ насъ пусть они возвеличатъ, непокорныхъ да уподобятъ мертвымъ!»
Это изъ рѣчи войска и вельможъ, сказанной по адресу Автандила и Тинатины.

2) *букв.:* „щитъ и спина“.

3) *Оды*, стр. 14—15.

თანად შიშითა сасჯულისათა — (дѣйствуя) страхомъ наказанія".

Прежній мой переводъ цѣликомъ всего четверостишія см. *Оды*, стр. 55.

Поясненія къ вставкамъ въ вступительныхъ строфахъ.

I, 1—4. Русскій переводъ перваго подложнаго четверостишія —

„О единый Богъ, создавшій видъ каждаго тѣла, защити Ты меня! Дай мнѣ силу попрать сатану! Дай мнѣ страсть (*букв.* желаніе) влюбленныхъ, чтобъ она длилась до смерти[1]), и облегченіе грѣховъ, которые придется нести съ собою въ тотъ міръ!"

Сомнѣніе въ подлинности возбуждается уже тѣмъ, что своимъ началомъ это — повтореніе темы перваго подлиннаго четверостишія. Сомнѣніе не разсѣивается отъ звучности риѳмъ, которая достигается цѣною такой синтаксической несообразности, какъ согласованіе род. გასატანისა съ им. სურვილი. Но есть и внутреннія причины, чтобы не только усумниться въ подлинности четверостишія, но и вполнѣ убѣдиться въ его подложности. Грузинскій поэтъ, писавшій *Витязя въ барсовой кожѣ*, отнюдь не исповѣдуетъ церковныхъ взглядовъ на будущій міръ. Шота раздѣляетъ, очевидно, религіозное міросозерцаніе тѣхъ героевъ и героинь, которыхъ онъ съ такимъ искреннимъ увлеченіемъ воспѣваетъ. Въ этомъ отношеніи интересенъ взглядъ Нестандареджаны на загробную жизнь. Изъ власти «каджовъ» героиня не можетъ спастись, витязей, въ томъ числѣ возлюбленнаго, отговариваетъ отъ попытки избавить ее: могутъ только погибнуть сами. Она рѣшила броситься съ высокой скалы крѣпости въ пропасть и умереть. И вотъ въ письмѣ къ витязю Таріелу, безумно любящему ее и любимому ею, она изъ заточенія пишетъ (1280—1281, 1282, 1):

«ღმერთსა შემვედრე, ნუთუ კვლავ დამჴსნას სოფლისა შრომასა,
ცეცხლსა, წყალსა და მიწასა, ჰაერთა თანა ძრწომასა,
მომცნეს ფრთენი და აღვფრინდე, მივკვდე მას ჩემსა ნდომასა,
დღისით და ღამით ვხედვიდე მზისა ელვათა კრთომასა.

1) გასატანისა *длящагося* грамматически скорѣе слѣдуетъ отнести къ მიჯნურთა, и въ такомъ случаѣ переводъ получится: „Дай мнѣ желаніе влюбленныхъ, вѣрныхъ, точнѣе — заслуживающихъ вѣрности до смерти". Но такому пониманію, какъ увидимъ, противорѣчитъ настоящій смыслъ всего четверостишія.

«მზე უშენოდ ვერ იქმნების, რადგან შენ ხარ მისი წილი,
გალასნამცა მას იახლე, მისი ეტლი, არ თუ წბილი.
მუნა გნახო, მადვე[1]) გნახო, განმინათლო გული ჭრილი:
თუ სიცოცხლე მწარე მქონდა, სიკვდილიმცა მქონდეს ტკბილი!
«მე სიკვდილი აღარ მიმძიმს, შემოგვედრებ რადგან სულსა»....

«Молись за меня Богу, быть можетъ, Онъ избавитъ меня отъ страданій въ мірѣ и соединенія[2]) съ огнемъ, водою, землею и воздухомъ. Пусть дастъ Онъ мнѣ крылья: я взлечу и достигну своего желанія—день и ночь буду созерцать сверканіе лучей солнца.

«Солнце не можетъ быть безъ тебя, такъ какъ ты — его частица: конечно, прилѣпишься къ нему ты, его зодіакъ (левъ), а не отвергнутое (твореніе). Тамъ [у солнца] увижу тебя, уподоблю тебя ему, и ты освѣтишь мое омраченное сердце, и если жизнь моя была горька, то да будетъ мнѣ сладка смерть!

«И не тягостна мнѣ смерть, разъ душу свою я вручаю тебѣ»...

При такомъ представленіи о загробной жизни отпадаютъ основныя условія для сочиненія тѣхъ моленій, которыя включены въ обсуждаемое четверостишіе. О времени его см. Поясн. къ III, стр. 48, и IV, стр. 51.

II,1—4. Въ русскомъ переводѣ это четверостишіе гласитъ:

„Такъ и поступаю я, Руставскій, по (любовному) безумію[3]): я безумствую для (одной) той, кому покоряется сонмъ войскъ, для нея я умираю. Я занемогъ, но для влюбленныхъ лѣкарства нѣтъ иного: пусть дастъ она мнѣ исцѣленіе или землю для могилы!“

Въ завѣщанномъ текстѣ это четверостишіе, 15-е, помѣщается за 14-мъ, у насъ IVb³-мъ, но ни съ нимъ, ни съ предшествующимъ ему 13-мъ, у насъ IVb-мъ, оно не имѣетъ никакой связи. Достаточно познакомиться съ содержаніемъ этихъ двухъ, также подложныхъ четверостишій[4]). Откинувъ ихъ, мы оказываемся лицомъ къ лицу съ но-

1) Завѣщанное чтеніе მანე.

2) или „сліянія“ отъ ბრძავა *спаять* (ср. კერვა). Въ завѣщанномъ текстѣ ბრძავა *ползти*, что совершенно къ дѣлу не подходитъ.

3) вм. „по (любовному) безумію“ можно перевести и „въ искусствѣ“, т. е. въ поэзіи или „въ своемъ ремеслѣ“, но тогда чтеніе должно быть съ ჯ ც вм. ხ ჭ: ჯელობით. При такомъ переводѣ связь нашего четверостишія съ 3-мъ была бы еще болѣе ясна.

4) Русскій ихъ переводъ см. Поясн. къ IVb, стр. 51, и къ IVb³, стр. 52.

длиннымъ четверостишіемъ, у насъ 13-мъ, въ завѣщанномъ текстѣ 12-мъ. Съ этимъ четверостишіемъ у нашего автобіографическаго четверостишія можно усмотрѣть связь. Во-первыхъ, какъ бы въ отвѣтъ на общее положеніе 13-го четверостишія, что любовникъ умираетъ въ разлукѣ съ возлюбленной, поэтъ по нашему подложному четверостишію предупреждаетъ, что въ любви онъ вѣренъ этому правилу: «для нея я умираю». Затѣмъ, наше 13-е четверостишіе по завѣщанному тексту (8—12) есть послѣднее въ ряду тѣхъ (у насъ 12—16), которыя посвящены характеристикѣ истиннаго любовника. И здѣсь-то въ заключеніе естественно было втиснуть обсуждаемое подложное четверостишіе съ мнимымъ признаніемъ Шоты.

Мимоходомъ отмѣтимъ, что этимъ обстоятельствомъ съ очевидностью доказывается неумѣстность, позднѣйшее появленіе четверостишій IVb и IVb³, въ завѣщанномъ текстѣ разлучающихъ послѣднее четверостишіе о любви (12, у насъ 13) съ мнимо-автобіографическимъ (15, у насъ II).

Но и указанное болѣе древнее мѣсто не является первоначальнымъ для четверостишія съ мнимымъ признаніемъ Шоты; его авторъ во всякомъ случаѣ не могъ внести въ это именно мѣсто. Самое большее, что могъ сдѣлать подлинный авторъ подложнаго четверостишія, это—приписать на поляхъ, но имѣлъ онъ въ виду, очевидно, 3-е четверостишіе, въ завѣщанномъ текстѣ 25-е. Здѣсь, въ характеристикѣ влюбленнаго пѣвца и находится мотивъ: необходимость любить до безумія одну. Но на эту тему самъ Шота изъ Рустава даетъ ясный отвѣтъ въ 4-мъ четверостишіи, и гораздо съ большимъ достоинствомъ. Не было вообще никакого смысла тутъ повторять ту же тему въ параллельномъ четверостишіи, или хотя бы возвращаться къ ней снова въ другомъ мѣстѣ. И форма во-очію показываетъ, что стихи не принадлежатъ творцу *Барсовой кожи*. Достаточно указать на такія грамматическія ошибки, какъ ამა დარი вм. ამა დარსა или ამა დარად и სამარი вм. სამარის или სასამარე [1]).

---

1) Такъ-то образное выраженіе „земля для могилы“ не чуждо Шотѣ, если ему принадлежитъ 725-е четверостишіе; второй его стихъ гласитъ:

«შენი ოქრო შენვე დაგრჩეს, მე გლახს მიწა მესამაროს»
«твое золото останется у тебя, а мнѣ достанется земля для могилы *(я буду казненъ и похороненъ)*».

Такъ говоритъ визирь Автандилу въ отвѣтъ на предложеніе принять взятку см. также 297,4.

III, 1—4. «Скажу про высшую любовь (*букв.* [любовное] безуміе), отпрыскъ высокихъ родовъ (понятій): ее нелегко описать, трудно выразить языкомъ, она—горнее дѣло, дающее воспаренія въ высь тѣмъ, кто старается терпѣть и переноситъ много огорченій».

Смыслъ этого четверостишія также легче раскрывается въ связи съ двумя другими, IV-мъ и V-мъ (въ завѣщанномъ текстѣ 28-мъ и 29-мъ). Нельзя не обратить вниманія здѣсь же на неуклюжія выраженія, какъ напр. ტომი გვართა ზენათა, еще менѣе складное, чѣмъ русскій его переводъ «отпрыскъ высокихъ родовъ (понятія)» или საჭირო გამოსაგები ენათა вм. საჭირო გამოსაგები ენითა *трудно выразить языкомъ.* Терминъ აღმა-ფრენა *воспареніе въ высь*, *возлетаніе* чуждъ Руставскому поэту. Правда, это слово встрѣчается и въ самой поэмѣ, въ 1175-мъ четверостишіи:

რა ოქრო მისთა მოყვასთა არ ოდეს მისცემს ლხენასა,
დღედ სიკვდილამდის სიხარბე შეაქნევს კბილთა ღრჭენასა,
შესდის და გასდის, აკლია, ემდურვის ეტლთა რბენასა.
და კვლავ აქა სულსა დაბამს, დაუშლის აღმა-ფრენასა.

„Золото любящимъ его никогда не даетъ радости: жадность по день смерти стяжаетъ имъ скрежетъ зубовный. (Золото) приходитъ и уходитъ, (а жадный) все не досчитывается, недоволенъ теченіемъ свѣтилъ (т. е. судьбою), да, кромѣ того, жадность привязываетъ (человѣка) къ сему міру, мѣшаетъ ему воспарять въ высь“.

Нашъ поэтъ съ вопросомъ о зловредности золота уже покончилъ однимъ стихомъ предыдущаго четверостишія (1174, 4):

ნახეთ თუ ოქრო რასა იქმს, კვერთხი ეშმაკთა ძირისა!

„Посмотрите[1]), что дѣлаетъ золото, этотъ посохъ изъ діавольскаго корня!“

Возвращаться опять къ тому же вопросу, да еще многословить о немъ было бы и неумѣстно, и безвкусно, особенно для поэта съ девизомъ—«Обширную мысль можно заключить въ краткую рѣчь: вотъ почему поэзія прекрасна». Само многословное назидательное четверостишіе 1175-е умѣстно развѣ въ какомъ либо поученіи духовнаго проповѣдника или въ писаніяхъ поэтовъ грузинскаго Возрожденія, всегда морализующихъ. Возрожденію же принадлежатъ эти вѣчныя назиданія

1) изд. Каричашвили: ნახე *посмотри.*

о «возлетаніи горѣ къ небу», о противоположеніи здѣшняго, земного, «тамошнему», небесному, совершенно чуждое грузинскому поэту золотого вѣка: для Шоты въ земной жизни было не только низменное, но все для человѣка благородное и возвышающее, чего пѣвцомъ онъ и являлся.

IV, 1—4. „Эту-то единственную (въ своемъ родѣ) безумную любовь мудрые не могутъ понять, (хотя бы) языкъ (говорилъ о ней) до утомленія, и слушатель (внималъ) въ тягость своимъ ушамъ. Безуміе (же любви), что̀ соприкасается съ плотью, я называю низменнымъ. Этому именно (низменному чувству) подражаютъ (любовники) и тогда, когда они не любодѣйствуютъ, а вдали (отъ возлюбленной) теряютъ сознаніе“.

Послѣдній стихъ, пожалуй, можно перевести и такъ: „Той именно (единственной безумной любви) подражаютъ (любовники) тогда, когда они не любодѣйствуютъ, а вдали (отъ возлюбленной) теряютъ сознаніе“. При первомъ переводѣ, на нашъ взглядъ болѣе вѣрномъ, подложность четверостишія, не принадлежность его перу Шоты на столько ясна, что она дѣйствительно не нуждается въ комментаріяхъ; однако и при второмъ переводѣ появляется новый, чуждый Руставскому поэту моментъ, именно представленіе о любви къ Богу какъ не только противоположеніе всякой человѣческой любви, но и единственный высшій родъ любви: сравнительно съ нею человѣческая любовь даже въ лучшемъ, идеальнѣйшемъ ея проявленіи есть лишь нѣчто подражательное, второстепенное. Ничего подобнаго не могъ сказать Шота, творецъ *Витязя въ барсовой кожѣ*, авторъ тѣхъ строфъ съ гимномъ именно высокой, несравненной человѣческой безумной любви, идеальной любви мужчины къ женщинѣ,—любви, полной подвиговъ и страданій и требующей высокихъ не только физическихъ или матеріальныхъ, но также нравственныхъ и вообще духовныхъ качествъ. Шота—пѣвецъ именно этой благородной и возвышенной любви, хотя и земной; Шота не противополагаетъ ей ничего небеснаго и не видитъ въ ней ничего низменнаго. Между тѣмъ не только настоящее четверостишіе (IV), но и тѣсно связанныя съ нимъ III-е и V-е написаны на эту, чуждую Шотѣ, тему о противоположеніи небесной, возвышенной любви къ Богу земной, низменной людской любви, любви мужчины къ женщинѣ. Выходитъ такъ, что на одну и ту же тему о

любви имѣемъ два идейно, какъ говорится, діаметрально-противоположныхъ стихотворенія, подлинныя строфы (12—16) Руставскаго писателя и подложныя строфы (III—V) неизвѣстнаго автора. Неизвѣстный писатель какъ бы полемизируетъ съ Шотою изъ Рустава, но, внося свои отличныя сужденія, подражаетъ строфамъ подлинника, 12-му четверостишію противопоставляется III-е, отчасти IV-е, 13-му IV-е, 16-му — V-е. Неизвѣстный писатель повторяетъ отдѣльныя выраженія Шоты, вѣрнѣе парафразируетъ, иногда до смѣшного, его стихи, такъ —

Шота изъ Рустава:

a) მიჯნურობა არის ტურფა,
საცოდნელად ძნელი გვარი
(12,1),
არს პირველი მიჯნურობა...
(13,1)

b) კარგი მიჯნური იგია,
ვინ იქს სოფლისა თმობასა
(16,4),

c) მიჯნურობა სხვა რამეა,
არ სიძვისა დასადარი:
იგი სხვაა, სიძვა სხვაა,
შუა უზის დიდი ზღვარი (12,2-3),
შორით ბნედა, შორით კვდომა,
შორით დაგვა, შორით ალვა (13,3)

Неизвѣстный писатель:

a) ვთქვა მიჯნურობა პირველი
და ტომი გვართა ზენათა,
ძნელად სათქმელი, საჭირო
გამოსაგები ენათა (III, 1—2),
მას ერთსა მიჯნურობასა
ჭკვიანნი ვერ მიხვდებიან (IV,1)

b) ვინცა ეცდების თმობათა,
ჰქონდეს მრავალთა წყენათა (III,4)

c) მართ მასვე ჰბაძვენ, თუ ოდეს,
არ სიძვენ, შორით ბნდებიან
(IV,4).

Можно еще спорить объ устанавливаемомъ мною порядкѣ четверостишій III, IV, V, впрочемъ сохраняющемъ послѣдовательность строфъ завѣщаннаго текста—27, 28 и 29, но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что всѣ три четверостишія составляютъ одно цѣлое, всѣ три четверостишія являются вкладомъ одного лица, въ общемъ прекрасно владѣвшаго стихомъ. Вотъ къ этимъ строфамъ неизвѣстнаго благочестиваго писателя и тяготѣетъ еще первое подложное четверостишіе (I). Когда въ немъ авторъ проситъ Бога дать ему «страсть (*букв.* желаніе) влюбленныхъ, чтобъ она длилась до смерти», то рѣчь несомнѣнно о божественной страсти безумно влюбленныхъ въ Бога, иначе никакъ нельзя было бы примирить это прошеніе съ тѣми

стихами, 2-мъ и 4-мъ той же строфы, гдѣ авторъ проситъ дать ему силу попрать сатану или бѣса, дать ему облегченіе грѣховъ. Въ то же время все это вполнѣ согласуется съ представленіемъ не пѣвца «безумной любви», лично «одержимаго бѣсомъ» того же безумія, а позднѣйшаго благочестиваго писателя, автора трехъ подложныхъ строфъ о любви (III—V). Конечно, намъ могутъ замѣтить, что нечего искать этого «благочестиваго писателя» слишкомъ поздно въ эпоху Возрожденія, что такимъ «благочестивымъ писателемъ» въ пору было стать подъ конецъ жизни самому Шотѣ изъ Рустава, кончившему, по преданію, монастырскою жизнью, когда онъ же могъ дополнительно внести въ вступительныя строфы своего творенія новую пѣснь на старую тему. Но это лишь возможности, сейчасъ едва-ли доказуемыя.

IVa, 1—4. „Если любовникъ плачетъ о возлюбленной, (это — правильно) на немъ долгъ плакать о ней; скитаніе въ одиночествѣ прекрасно идетъ (къ влюбленному): это зачтется ему въ бѣгство (въ пустыню, обязательное для безумно влюбленныхъ). Ни о чемъ иномъ онъ не долженъ думать, когда разлучается съ нею, а когда находится вблизи людей, лучше, если не замѣтятъ, что онъ безумно влюбленъ“.

Четверостишіе относится къ ряду тѣхъ строфъ, подложность коихъ самоочевидна. Настоящая строфа чистѣйшій парафразъ 1-го и 2-го стиховъ 13-й строфы.

IVb, 1—2. „(Влюбленный) никому не долженъ разглашать свою тайну; не долженъ онъ жалко стонать (*букв.* произносить «охъ!») и позорить возлюбленную; ни въ чемъ у него не должна сказываться его влюбленность, нигдѣ ему не слѣдуетъ проявлять (свое чувство). Страдать изъ-за нея для него должно значить веселиться, для нея онъ долженъ идти въ огонь“.

Если исключить послѣдній стихъ о страданіи изъ-за возлюбленной и горѣніи изъ-за нея, что̀ представляетъ своеобразную параллель къ 3-му и 4-му стихамъ 13-й строфы, въ остальной части неизвѣстный авторъ многословно парафразируетъ 2-й стихъ 15-го четверостишія и 1-й все той же 13-й строфы. Впрочемъ если слѣдовать указаніямъ вставокъ, Шота изъ Рустава — первый нарушитель правилъ истинной любви[1]): онъ не долженъ былъ писать о своей любви къ ца-

1) Д. Каричашвили (ц. с., стр. XI), дѣйствительно, готовъ предъявить такое обвиненіе къ Шотѣ на основаніи только-что разобраннаго подложнаго четверостишія.

рицѣ Тамарѣ ни въ *Одахъ* ей, ни въ вступительныхъ строфахъ *Витязя въ барсовой кожѣ.*

IVb[2], 1—4 и **IVb**[3], 1—4. Оба эти четверостишія—одно многословное разсужденіе объ огласкѣ любовной тайны. Простого ознакомленія съ ихъ содержаніемъ достаточно, чтобы отказать имъ въ принадлежности Руставскому поэту:

IVb[2], 1—4. „Удивляюсь, почему люди дѣлаютъ видъ, что они любятъ возлюбленную? Почему позорятъ ту, кого любятъ,—ту, кто убивается изъ-за нихъ, кто—изранена? Если же не любятъ ее, то почему не проявляютъ къ ней чувствъ ненависти? почему безславятъ ту, кого[1]) ненавидятъ? Но злой человѣкъ любитъ злое слово больше, чѣмъ свою душу или сердце“.

IVb[3], 1—4. „Можетъ-ли кто-либо, кромѣ безумнаго, довѣриться тому, кто огласитъ свою возлюбленную? Какую онъ себѣ принесетъ пользу? Только ту, что ей повредитъ, да и себѣ. Чѣмъ онъ въ силахъ прославить ее, если словами позоритъ? Какая нужда людямъ причинять боль сердцу возлюбленной?“

Эти два четверостишія не только не принадлежатъ Шотѣ, но не представляютъ даже прямого отклика на его подлинныя слова: они являются парафрастическими строфами къ первымъ тремъ стихамъ подложнаго четверостишія IVb. Слѣдовательно, въ нихъ мы имѣемъ вставки еще болѣе поздпія.

V, 1—4. «Миджнур» на арабскомъ языкѣ значитъ «бѣшеный»[2]); такъ (называютъ влюбленнаго) потому, что онъ безумствуетъ отъ огорченія, не достигнувъ своей (цѣли). Одни (изъ влюбленныхъ) ощущаютъ приближеніе къ Богу[3]): они изнуряются въ воспареніяхъ въ высь; у другихъ низменная природа: разстилаются у (ногъ) красавицъ».

Въ завѣщанномъ текстѣ послѣдняя фраза по-грузински гласитъ პეპლუცთა ზედან ფრენითა, что̀ значитъ: «они порхаютъ (*букв.* летаютъ) надъ красавицами». Слово ფრენითა летаютъ (*букв.* летаніемъ) не мо-

1) *букв:* „то, что“.

2) По-арабски слово звучитъ не «миджнур», а „меджнун“ (см. Этюдъ, § 11 стр. LI). Замѣна „н“ звукомъ „р“—рѣдкій случай грузинскаго чередованія: обыкновенно вм. „н“ въ такихъ случаяхъ появляется „л“.

3) или „Бога“, букв.: „божественное приближеніе“.

жетъ быть первоначальнымъ чтеніемъ, такъ какъ этотъ же глаголъ уже использованъ въ предыдущемъ, 3-мъ стихѣ, того же четверостишія[1]). Искаженное чтеніе можно легко замѣнить другимъ словомъ, не нарушая самыхъ строгихъ требованій грузинской прозодіи. Затрудненіе лишь въ томъ, чему отдать условное предпочтеніе. Вмѣсто ფრენითა можно бы читать ლხენითა, и тогда занимающая насъ часть по-русски значила бы: «они находятъ отраду съ красавицами». Я остановился на чтеніи ფენითა, отличающемся отъ наличнаго лишь отсутствіемъ одной буквы რ, но если сохранить при этомъ предшествующій послѣлогъ ზედან, получится маловѣроятный по циинизму текстъ: «они разстилаются на красавицахъ». Замѣнивъ же ზედან *надъ*, *на* послѣлогомъ თანა *около*, *близъ*, *у*, мы получаемъ наше, конечно, условное чтеніе съ даннымъ уже переводомъ: «разстилаются у красавицъ». Ни при какомъ чтеніи нельзя скрыть, что въ четверостишіи проводится взглядъ на любовь, совершенно чуждый Шотѣ, но объ этомъ уже сказано (стр. 48—51) въ связи съ двумя предшествующими четверостишіями, съ которыми оно составляетъ одно цѣлое. Здѣсь ограничусь лишь указаніемъ на одну несуразность: толкованіе арабскаго термина дается послѣ того, какъ поэтъ не разъ успѣлъ употребить его (3, 2; 11, 3; 12, 1, 2; 13, 1; 14, 1, 4; 15, 1; 16, 1,4) и исчерпалъ вопросъ объ его значеніи (12—16).

Поясненія къ вставкамъ въ заключительныхъ строфахъ.

Ol[2], 1—4. „Таковъ сей міръ: никто на него не можетъ положиться. Онъ—лишь одинъ мигъ, опережающій мниганія человѣческаго глаза и рѣсницъ. Что или кого[2]) ищете? Чѣмъ занимаетесь вы? Судьба (все равно) посрамитъ. Хорошо, если кому она не измѣняетъ, если кому сопутствуетъ (судьба) въ обоихъ (мірахъ)".

---

1) Можетъ быть, кто-либо будетъ настаивать, что тѣмъ не менѣе надо оставить наличное чтеніе завѣщаннаго текста. Нѣтъ особенной надобности оспаривать такой взглядъ; въ такомъ случаѣ лишь получается доводъ не только подложности даннаго четверостишія, но и принадлежности его плохому поэту.

2) ვის *[или] кого]* въ изд. Д. Каричашвили: ვინ *кто*.

Четверостишіе представляетъ цѣликомъ толкованіе на тему, возбужденную въ строфѣ 01-й, толкованіе позднѣйшаго интерполятора.

02²,1—4. „Какъ мнѣ воспѣть на гусляхъ[1]) Давида эти иностранные[2]) разсказы о проворствѣ и бояхъ чужихъ государей. Я напалъ на древніе достохвальные обычаи и дѣла тѣхъ царей и переложилъ въ стихи, такъ мы позабавились“.

Трудно сказать, кому пришла въ голову мысль приписать Шотѣ намѣреніе воспѣть эти экзотическіе разсказы на „гусляхъ Давида“, но менѣе всего объ этомъ могъ думать самъ Шота. И это четверостишіе есть упражненіе на тему, внушенную строфами вступительною 8-ю и заключительною и 02-ю.

O, 1—4. „Амирана Дареджанис-дзе воспѣлъ Моисей Хонскій, Абдул-месію — Шавтели, стихъ котораго прославленъ, ДилаDргета — Саргисъ Тмогвскій съ плавною рѣчью, Таріела — его Руставскій (пѣвецъ), не осушающій слезъ о немъ“.

Эта любопытная историко-литературная замѣтка, конечно, не произведеніе Шоты. Авторъ ея лишь послѣдній стихъ пишетъ съ воспоминаніями изъ *Витязя въ барсовой кожѣ* (10,1).

---

1) Въ завѣщанномъ текстѣ ჩანგო по опискѣ вм. ჩანგით.

2) უცხო можетъ означать также *экзотическій, дивный, прекрасный.*

ИЗДАНІЯ

ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Восточныя замѣтки. Сборникъ статей и изслѣдованій профессоровъ и преподавателей Факультета Восточныхъ Языковъ 1895. (Посвященъ Спеціальной Школѣ Живыхъ Восточныхъ Языковъ въ Парижѣ ко дню ея столѣтняго юбилея 1795 — 1895).

№ 1. **В. А. Жуковскій.** *Тайны единенія съ Богомъ въ подвигахъ старца Абу-Са'ида.* Толкованіе на четверостишіе Абу-Са'ида. Персидскіе тексты. 1899.

№ 2. **В. А. Жуковскій.** *Жизнь и рѣчи старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго.* Персидскій текстъ. 1899.

№ 3. *Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ.* Арабскій текстъ издалъ и снабдилъ переводомъ и введеніемъ **П. М. Меліоранскій.** 1900.

№ 4. **В. Бартольдъ.** *Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія.* Часть I. Тексты. 1898. Часть II. Изслѣдованіе. 1900.

№ 5. Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи.

Книга I. Ефремъ Сиринъ. *А. О дняхъ празднованія Рождества. В. Объ основаніи первыхъ церквей въ Іерусалимѣ.* Армянскій текстъ съ сирійскими отрывками въ армянской транскрипціи XII и XIII вѣковъ. Изслѣд., издалъ и перевелъ **Н. Марръ.** 1900.

Книга II. Іосифъ Аримаѳейскій. *Сказаніе о построеніи первой церкви въ городѣ Лиддѣ.* Грузинскій текстъ по рукописямъ X — XI вѣковъ (съ двумя палеографическими таблицами). Изслѣд., изд. и перевелъ **Н. Марръ.** 1900.

Книга III. Ипполитъ. *Толкованіе Пѣсни пѣсней.* Грузинскій текстъ по рукописи X вѣка, переводъ съ армянскаго (съ одною палеографическою таблицею). Изслѣд., перевелъ и издалъ **Н. Марръ.** 1901.

Книга IV. *Древне-грузинскіе одописцы (XII в.). I. Пѣвецъ Давида Строителя, II. Пѣвецъ Тамары.* Грузинскій текстъ изслѣд., изд. и словаремъ снабдилъ **Н. Марръ.** 1902.

Книга V. **Н. Марръ.** *Критика и мелкія статьи.* 1903.

Книга VI. *Физіологъ.* Армяно-грузинскій изводъ. Грузинскій и армянскій тексты изслѣдовалъ, издалъ и перевелъ **Н. Марръ.** 1904.

Книга VII. Печатается.

Книга VIII. *Государственный строй древней Грузіи и древней Арменіи.* Томъ I. Изслѣдованіе **И. Джавахова** 1905.

Книга IX. Антіохъ Стратигъ. *Плѣненіе Іерусалима персами въ 614 г.* Грузинскій текстъ изслѣдовалъ, издалъ, перевелъ и арабское извлеченіе приложилъ **Н. Марръ.** 1909.

Книга X. **Н. Марръ.** *О раскопкахъ и работахъ въ Ани лѣтомъ 1906 г.* (Предварительный отчетъ). Съ 1 въ краскахъ, 13 фототипическими и 3 цинкографическими таблицами и съ 18 рисунками въ текстѣ. 1907.

Книга XI. **Н. Адонцъ.** *Арменія въ эпоху Юстиніана.* Политическое состояніе на основѣ нахарарскаго строя. 1908.

Книга XII. **Н. Марра** *Вступительныя и заключительныя строфы Витязя въ барсовой кожѣ* Шоты изъ Рустава. Грузинскій текстъ, русскій переводъ и поясненія съ этюдомъ «Культъ женщины и рыцарство въ поэмѣ». 1910.

№ 6. *Арабская хрестоматія для 1-го курса.* Составилъ **В. Гиргасъ и бар. В. Розенъ.** 3-е изд. 1900.

№ 7. *Монгольская хрестоматія для первоначальнаго преподаванія,* составленная **А. Позднѣевымъ,** съ предисловіемъ проф. **Н. И. Веселовскаго.** 1900.

№ 8. *Сказки попугая. Споръ чашки съ кальяномъ.* Выбралъ и словаремъ снабдилъ **В. А. Жуковскій.** Изданіе второе. 1901.

№ 9. **В. Бартольдъ.** *Историко-географическій обзоръ Ирана.* 1903.

№ 10. *Образцы персидскаго народнаго творчества.* Пѣсни пѣвцовъ-музыкантовъ, пѣсни свадебныя, пѣсни колыбельныя, загадки, образцы разнаго содержанія. Собралъ и перевелъ **В. А. Жуковскій.** (Съ 10 рисунками и портретомъ). 1902.

№ 11. **Н. Марръ.** *Грамматика древне-армянскаго языка.* Этимологія 1903.

№ 12. *Китайскіе тексты,* выбраны **П. С. Поповымъ.** 1903.

№ 13. *Государственный строй Китая и органы управленія.* **П. С. Попова.** 1903.

№ 14. *Теорія познанія и логика по ученію позднѣйшихъ буддистовъ.* Изслѣдованіе **Ѳ. И. Щербатскаго.** Часть I. *Учебникъ логики Дармакирти съ толкованіемъ на него Дармоттары.* 1903. Часть II. *Ученіе о воспріятіи и умозаключеніи.* 1909.

№ 15. *Образцовыя произведенія османской литературы* въ извлеченіяхъ и отрывкахъ. Выбралъ и издалъ **В. Д. Смирновъ.** 1903.

№ 16. *Калмыцкія загадки и пословицы,* издалъ **Вл. Котвичъ.** 1905.

№ 17. *Первоначальный учебникъ китайскаго разговорнаго языка,* съ указаніемъ интонаціи и ударенія, составилъ **Куэ-Фаномъ.** 1904.

№ 18. **П. С. Поповъ.** *Китайскій философъ Мэнъ-цзы.* Переводъ съ китайскаго, снабженный примѣчаніями. 1904.

№ 19. **А. Д. Рудневъ.** *Лекціи по грамматикѣ монгольскаго письменнаго языка,* читанныя въ 1903—94 академическомъ году. Выпускъ I. (Съ картой и рисункомъ на одномъ листѣ). 1905.

№ 20. *Парадигмы глагольныхъ формъ арабскаго классическаго языка,* составилъ профессоръ С.-Петербургскаго Университета **Н. А. Мѣдниковъ. 1904.**

№ 21. *Самарія,* сочиненіе Абу-Тахиръ-Ходжи. Таджицкій текстъ, приготовленный къ печати **Н. И. Веселовскимъ.** Съ предисловіемъ и приложеніемъ рисунковъ. 1904.

№ 22. *Избранные китайскіе тексты.* Прив.-доц. **П. С. Попова.** 1905.

№ 23. *Японскій алфавитъ съ приложеніемъ складовъ и примѣровъ.* **Іосибуми Куроно.**

№ 24. Повѣсть *«Ши-санъ-мэй-у-сюй-чжо-тянь».* Текстъ и примѣчанія пекин. нар., **А. И. Ивановъ.**

№ 25. *Образцы современной арабской письменности.* Издалъ и словаремъ снабдилъ лекторъ **А. Ѳ. Хащабъ.** 1908.

№ 26. *Образцы монгольской народной литературы.* Выпускъ I. *Халхаское нарѣчіе* (тексты въ транскрипціи). Редактировали: **Ц. Ж. Жамцарано** и **А. Д. Рудневъ.**

№ 27. Мухаммедъ Салихъ. *Шейбани-намэ.* Джагатайскій текстъ. Посмертное изданіе проф. **П. М. Меліоранскаго.** Подъ наблюденіемъ и съ предисловіемъ прив.-доц. **А. Н. Самойловича.** 1908.

№ 28. *Грамматика японскаго разговорнаго языка.* Теоретическая часть. Переводъ съ Англійскаго Handbook of Colloquial japanese by B. H. Chamberlain прив.-доц. С.-Петербургскаго Университета **В. Костылева.** 1908.

№ 29. *Ванъ-анъ-ши и его реформы.* XI в. Прив.-доц. **А. И. Иванова.** 1909.

№ 30. Печатается.

№ 31. *Упрощенная грамматика японскаго языка* (новый письменный стиль) **Б. Х. Чамберлэна.** Переводъ прив.-доц. СПБ. Универс. **В. Костылева.**

